
Золотое слово
Рамиз Аббаслы
НА НЕОБИТАЕМОМ ПОЛУОСТРОВЕ

Золотое слово

Рамиз Аббаслы

На необитаемом полуострове

«ИП Березина Г.Н.»

2021

УДК 821.161.1
ББК 84(2 Рос=Рус)6

Аббаслы Р. М.

На необитаемом полуострове / Р. М. Аббаслы — «ИП Березина Г.Н.», 2021 — (Золотое слово)

ISBN 978-5-907395-00-8

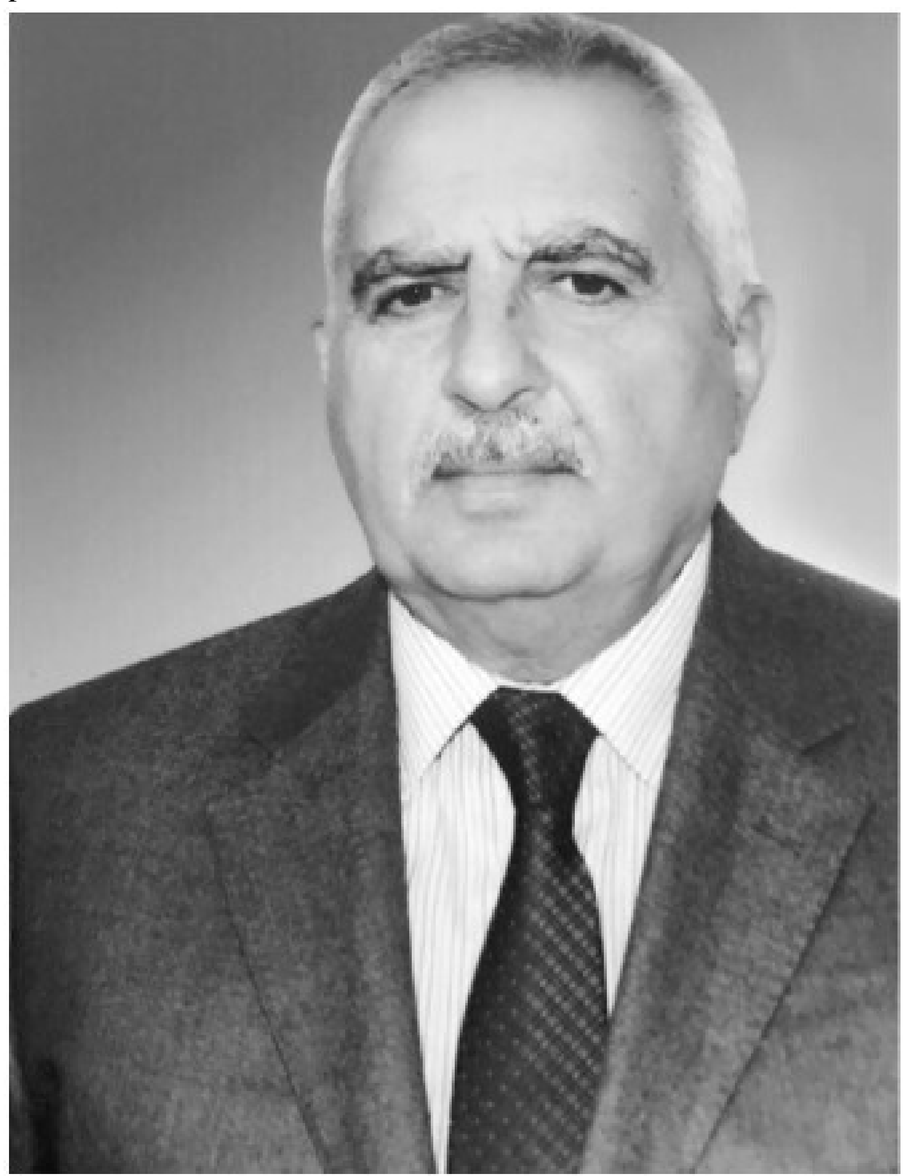
По мнению литературных критиков, рассказы Рамиза Аббаслы поистине величественны в своем внимании к деталям, в своей глубине чувств, необычности сюжета; они посвящены в основном родной для автора азербайджанской культуре, но иногда затрагивают особенности иных менталитетов, причем очень корректно и с уважением. Герои этих рассказов – обычные люди. Они влюбляются, ревнуют, иногда попадают в очень трудное положение. Всеми покинутый студент, доведенный до отчаяния рабочий… Они напоминают одинокого, беспомощного Робинзона Крузо, но их одиночество совершенно другого порядка…

УДК 821.161.1
ББК 84(2 Рос=Рус)6

ISBN 978-5-907395-00-8

Содержание

Рамиз Аббаслы
На необитаемом полуострове

Известный азербайджанский писатель, переводчик художественной литературы Рамиз Аббаслы – автор шести книг, множества статей и переводов. Его первая книга «Школа семи деревень» (Баку, 1994) сразу же стала бестселлером, принесла автору известность в литературном мире – за нее он был удостоен награды «Творческий успех». Рассказы, переводы, статьи публиковались во всех газетах и журналах Азербайджана.

Рамиз Аббаслы – двуязычный автор, пишет на азербайджанском и русском языках. Его рассказы и статьи на русском языке публикуются в российских журналах; первая русскоязычная книга («Песня слепого») вышла в Москве в 2019 году, участвовала в Московской международной книжной выставке-ярмарке – 2019 и попала там в список хитов. Автор – финалист Евразийского

Литературного фестиваля фестивалей «ЛиФФт»-2019, победитель Международного литературного конкурса памяти М. Ю. Лермонтова – 2019. Русские литераторы высоко ценят творчество Рамиза Аббаслы. Его рассказы посвящены культуре азербайджанского народа, но иногда в них затрагиваются и особенности иных культур, причем очень корректно и с большим уважением. Такой подход вызывает интерес и ответное уважение к культуре самого автора. Произведения Рамиза Аббаслы современны, поистине величественны в своем внимании к деталям, глубине чувств и необычности сюжета – это новая проза, новый взгляд на мир.

На необитаемом полуострове

Мне приходилось иногда слышать, казалось бы, необидные упреки: «Ты способен только сидеть и читать книгу». Так говорили люди, которые меня хорошо знали, и они хотели сказать, что я как молодой человек не способен на реальные дела: где-то работать, решать практические вопросы, делать себе карьеру… Это нехорошая характеристика, в глубине души я даже обижался, но не спорил с ними. Вместе с тем был уверен, что эти люди заблуждаются. Ведь, будучи учеником средней школы, я очень хорошо помогал своим родителям в ведении нашего хозяйства: мы держали скот, у нас имелся еще большой приусадебный участок. А там было очень много работы. Честно говоря, среди своих сверстников я больше всех и лучше всех работал, чтобы семейное хозяйство процветало. С другой стороны, я и учился хорошо. Да, так было. А потом условия изменились: я переехал в город и стал студентом. Учился в самом престижном вузе – в университете. В то время очень трудно было поступить в университет. Я же справился с этой задачей: поступил на дневное отделение, учился и уже перешел на пятый курс. А те люди продолжали говорить: «Ты способен только сидеть и книгу читать». Незнакомые же говорили по-другому.

– Молодой человек, чем вы занимаетесь? – иногда спрашивали меня.

– Я студент, – отвечал им я.

– А где вы учитесь?

– В университете.

– В университете! – говоря так, они с заметным удивлением осматривали меня с ног до головы и, казалось, даже не верили, но все равно хвалили: – Ты молодец.

После завершения учебы я попал в коллектив, где работали и мои сверстники. Но эти молодые люди в основном были без высшего образования. Только одна девушка заочно училась в каком-то техническом вузе. И когда меня представили ей и сказали, что молодой человек, то есть я, после завершения учебы в университете по направлению пришел к ним работать, девушка заметно засмущалась и отпрянула, как будто от чего-то неприятного. Не могу сказать, отчего она так смущалась и почему ей стало неприятно. А точно помню, что при виде этой красавицы я про себя подумал: «Вот обнять бы ее тонкую талию и…» Ничего не поделаешь, она была очень соблазнительна. Может быть, без предварительной подготовки такая лобовая атака – даже мысленно – ей не понравилась бы, и, посчитав это дерзостью, она бы отпрянула. Но это маловероятно, потому что, как потом мне передали, в таких делах она была опытна и, оказывается, несколько лет флиртовала с начальником отдела. Скорее всего, ее отпугнул мой ветхий костюм, и, наверное, по ее мнению, молодому человеку после завершения учебы в университете следовало бы явиться на работу не в таком барахле, а одеться поприличнее. В своем поношенном и ветхом костюме я был похож на бедного пенсионера, который годами ходит в одном и том же уныло-сером одеянии, купленном давно – «до нашей эры», то есть когда он еще не был пенсионером, а работал. А если бы в начале четвертого курса я не решил, что обязательно куплю себе костюм, наверно, даже этого не было бы.

На четвертом курсе в начале учебного года я решил, что куплю себе костюм. Поэтому двадцатого сентября, получив стипендию за три месяца – июль, август и сентябрь, – я поехал в центр города и зашел в ЦУМ. Там продавались хорошие импортные костюмы, и в основном все это было производство братских социалистических стран – в то время у нас, в Советском Союзе, так называли ряд восточноевропейских государств: Болгарию, Румынию, Югославию, Венгрию, Чехословакию и т. д. Цены же на эти костюмы начинались с девяноста рублей. А мне надо было решить задачу: на сто пять рублей купить костюм, пятнадцать рублей заплатить за квартиру, а на оставшиеся деньги жить до следующей стипендии. Быстро прикинув, я понял, что в данной ситуации задачу с такими данными решить невозможно. Настроение испорти-

лось. Я вышел из ЦУМа, прошел через парк фонтанов. А там, напротив парка, в ряду красивых двухэтажных домов, ближе к пассаж-базару, на первом этаже, был большой промтоварный магазин. Я зашел туда. Там тоже продавались хорошие импортные костюмы. Они тоже были производства братских социалистических стран. Здесь тоже, как и в ЦУМе, цены начинались с девяноста рублей. «Вот не везет – и все», – подумал я. Но, несмотря на это, поиски продолжались, я надеялся на счастливый случай: может быть, среди этих костюмов найду тот, который стоил бы дешевле – например, семьдесят рублей.

Я долго возился. Поиски не прекращались. Но, видимо, наблюдая за мной, один из работников магазина – очень аккуратно одетый мужчина лет тридцати пяти – не выдержал и подошел ко мне.

– Гардаш, тебе костюм нужен? – спросил он.

– Да, – сказал я.

– Какой, импортный или местный?

В то время в Баку были и швейные фабрики. Они работали на полную мощность: месячный, квартальный, годовой и пятилетний планы выполнялись на сто три целых и шесть десятых процента. В магазинах было полно бакинских костюмов. Но ни один уважающий себя человек не покупал их, потому что они были некачественны и некрасивы на вид, даже уродливы. Купить местный костюм считалось позором; лучше было бы ходить в старых лохмотьях, чем в новом костюме производства Бакинской швейной фабрики имени Володарского. Естественно, я тоже не хотел опозориться, поэтому сказал:

– Импортный.

– У нас здесь очень хорошие импортные костюмы, – заверил продавец.

– Да, я вижу. Но цены…

– Ты студент?

– Да. Откуда узнали?

– Это видно. Где ты учишься?

– В университете.

– Молодец. А на каком курсе?

– На четвертом.

– Учишься на четвертом курсе университета, а одет-то не по-университетски. Тебе нужен хороший костюм.

– Я тоже так думаю. Поэтому и зашел сюда.

– Скажи честно, вот в данное время сколько ты можешь заплатить за костюм?

– Во всяком случае, девяносто рублей не могу.

– Если не секрет, сколько?

– Не более семидесяти рублей.

Мужчина открыл боковую дверь – видимо, это было подсобное помещение, скорее всего, склад магазина – и мгновенно исчез. А буквально через две минуты он появился с каким-то костюмом в руках.

– Ты возьми это, заходи за эту занавеску и там примеряй. На правой стороне от зеркала есть выключатель для освещения.

Я зашел за занавеску, включил свет. При ярком свете, стоя перед большим зеркалом, я начал проверять этикетку, ткань, подкладку, пошив, цвет… Костюм болгарского производства, серого цвета с синеватым оттенком – это как раз тот цвет, который я люблю. После предварительной проверки я начал примерять. И пиджак, и брюки были как раз впору. «Сволочь, все знает, – подумал я. – Даже не спросил, какой размер я ношу, а принес то, что мне нужно».

– Примерил, нормально, – сказал я продавцу, но при этом постарался скрыть свой восторг, с тем чтобы он, узнав об этом, не передумал поднять цену. – Интересно, а сколько стоит он?

– Это такой же костюм, который на витрине стоит сто рублей. Разница в ценах объясняется тем, что в его материале синтетики на пятнадцать процентов больше. Подумаешь, большое дело! Костюм, безусловно, хороший. На складе базы, где мы их берем оптом, один такой стоит шестьдесят рублей. Своим знакомым и хорошим людям я их продаю из-под прилавка за семьдесят рублей. Ты студент, учитывая это, с тебя я возьму шестьдесят пять рублей. Если у тебя денег мало, можешь даже этих пяти рублей не давать…

Я был тронут великодушием совершенно незнакомого человека. Одновременно больно сжималось сердце, потому что некоторые мои знакомые, даже кое-кто из родственников, работали в другой части города в таких же магазинах и часто видели меня. Безусловно, такие же костюмы получали и они. Но они никогда мне ничего подобного не предлагали, даже намека не было.

– Нет-нет, что вы! Так нельзя. Я дам вам шестьдесят пять рублей. Сейчас у меня деньги есть: я получил стипендию. Вы и так делаете мне большое одолжение. Спасибо, – сказал я.

Кто же был этот человек? Сейчас я очень сожалею, что не спросил его имя. Я увлекся костюмом и забыл спросить. Обязательно надо было узнать и запомнить на всю жизнь.

С этим замечательным продавцом мы расстались как добрые друзья. Он мне сказал, что через два месяца они получат хорошие импортные плащи, а среди них иногда бывают и недорогие – за пятьдесят-шестьдесят рублей, нормальные плащи с теплой подкладкой. «Я тебе дам хороший плащ, – сказал он, – их можно носить даже зимой как пальто». Но, к сожалению, этот добрый человек ошибся: наверное, думал, что каждый месяц у меня в кармане бывает лишних шестьдесят рублей. Я это осознал сразу, но был взволнован, находился в состоянии эйфории и под шумок ему обещал, что через два месяца опять зайду в их магазин и куплю недорогой, но добротный импортный плащ с теплой подкладкой. Это было нереально, поэтому я не смог выполнить свое обещание. А он, наверное, припрятал импортный плащ для незнакомого студента и некоторое время даже ожидал его. Сейчас, думая об этом, я очень сожалею, что имени этого продавца не знаю.

Спустя два года на мне был тот же костюм, который я приобрел благодаря этому доброму человеку. Но за это время он стал поношенным и ветхим, потому что я его часто носил и не очень-то хорошо следил за его состоянием. А вот надо было! И в этом вопросе я обнаружил свою непрактичность. А красавица, у которой была тонкая талия и хорошая походка, увидев меня в этом костюме, отпрянула. Но в тот же день после обеда я слышал, как она шушукается с парнем, сотрудником нашего отдела.

– Видишь, что делают люди? – вроде за моей спиной сказала девушка, но, как ни странно, я слышал все. – Он твой ровесник, уже успел окончить университет, а ты еще думаешь и до сих пор не решил, куда поступить.

Парень молча сидел. Как потом выяснилось, он кое-как окончил среднюю школу на тройки и ему некогда было думать о высшем образовании. А девушка просто дразнила и хотела расшевелить его. С ее стороны это было неправильно – нельзя же заставить человека прыгнуть выше головы. Напрасно так делала девушка, и это говорило о том, что она непрактичный человек, как и то, что она флиртовала с начальником отдела. Да, понятно, начальник был холост, у него была неплохая должность и деньги. Даже говорили, что он обещает на ней жениться. А что мешало ему взять и сделать это? Время шло. Начальнику уже перевалило за сорок, и он был старше ее на семнадцать лет. Она что должна была делать – подождать еще десять лет, чтобы ее избраннику перевалило за пятьдесят? Нет, она не дождется. Она нарвалась на того, у кого уже была любовница (у начальника действительно была другая любовь, и я, хоть человек непрактичный, сразу же раскусил его). В принципе это нетрудно было, потому что он из этого секрета не делал и при первой встрече со мной прямо сказал, что в жизни для него главное – деньги. В этом отношении девушка была непрактичной, и мне даже было жаль ее. А она при первой же встрече как отпрянула от меня, так потом и не смогла относиться ко мне как к кол-

леге по работе, то есть деловито-нейтрально. Порой мне казалось, что она просто ненавидит меня, – беспричинная ненависть. Такова сила первого впечатления.

Я – непрактичный человек, студент пятого курса – сошел с поезда Нахичевань – Баку и покинул территорию вокзала. Был уже конец августа. На привокзальной площади стоял троллейбус номер 1-А, который курсировал между Баиловым и железнодорожным вокзалом. Это как раз то, что мне надо было. Я быстро побежал и сел на него. Водитель как будто меня и ждал – по-другому думать как-то невозможно было. Потому что как только я вошел в почти пустой салон, двери тут же закрылись и троллейбус тронулся с места.

Два месяца меня не было здесь, в Баку. Я был в Нахичевани. Мы, студенты, ездили в Нахичевань на двухмесячные сборы, а в конце сборов сдали экзамены по военному делу и получили звание офицера – еще одна практическая задача была успешно решена. И вроде все было нормально. Но существовало одно «но»: у меня денег не было. Я сидел в троллейбусе и думал: где найти деньги, чтобы дожить до стипендии, которую обычно давали двадцатого сентября? Но на сборах нам сказали, что студентам пятого курса стипендию дадут раньше – скорее всего, десятого сентября.

Сентябрьская стипендия… Тот, кто учился в вузах во второй половине XX века до распада СССР и учился более-менее успешно, помнит, что в начале третьей декады сентября студентам дневного отделения давали стипендию сразу за три месяца: июль, август и сентябрь. В университете стипендия была тридцать пять рублей, и наша сентябрьская составила сто пять рублей. Для студента, который умел разумно тратить деньги, это была приличная сумма. Но, к сожалению, этот вопрос у меня сильно хромал. Потому что я думал: если в кармане есть деньги, почему их не потратить? Нельзя же все время – даже если есть деньги – экономить. Это было неправильно, поэтому в период учебы временами я сталкивался с очень серьезными денежными проблемами. Даже два раза в разных семестрах сдав экзамены по политэкономии на отлично, я не научился разумно тратить. Я получал стипендию, по возможности сезонно работая то ли сторожем, то ли чернорабочим во вторую смену, зарабатывал небольшие деньги. Но денежная проблема все время преследовала меня и висела над головой как дамоклов меч.

Троллейбус едет медленнее автобуса. Но я не торопился, наоборот, даже был рад, что мой транспорт карабкается как черепаха. На всех поворотах пути, как правило, штанга срывалась с линии электропередачи. Сперва слышался глухой стук на крыше, а потом какой-то другой звук, похожий на тот, который издают ядовитые змеи при приближении к ним человека. Такой же издает и глава гусиной стаи, когда замечает, что, нарушив безопасную дистанцию, к его стае приближается человек или какое-то другое животное: тыс-с-с! После этих предварительно-предупредительных сигналов троллейбус сразу же вставал как вкопанный на том месте, где оказался в тот момент, когда сорвалась штанга. Водитель, надев рукавицы, быстро выходил из кабины и начинал возиться со штангой: с помощью специальной веревки он тянул ее вниз, наносил удары по ее головке – хотел изменить ее положение так, чтобы она, обхватив линию электропровода снизу, прижалась к ней. Если устранить неполадку такими примитивными способами не удавалось, тогда он вновь возвращался в кабину за инструментами и снова шел на место происшествия… А это означало долгую аварийную остановку…

Если кто-то из пассажиров торопился, для него это был сущий ад: от злости он чуть ли не лопался и начинал проклинать троллейбус как особый вид городского транспорта – кто придумал его, кому он нужен; потом обвинял водителя в непрофессионализме – оказывается, он вовсе не водитель, а сапожник, его поймали на улице и посадили в кабину водителя; а в самом конце своей обвинительной речи он обрушивался на себя: оказывается, он сам тоже не умный человек, а дурак, потому что, зная, как работает этот проклятый троллейбус, все равно взял и как будто нарочно, что ли, опять сел в него. А я не торопился, мне надо было как можно дольше задержаться в дороге, подумать и хотя бы мысленно решить вопрос, где можно достать пятнадцать рублей, чтобы дожить до стипендии.

Об этом я думал не только в троллейбусе, но и задолго до этого, когда мы ехали на поезде, то есть всю ночь думал. Этот вопрос тревожил меня даже до этого. Правда, в канун сдачи экзамена, который мы выдержали в конце сборов, обычное волнение студента почти полностью подавляло эту тревогу. Но, как только экзамен был сдан, она проявила себя с особой силой и снова захватила все мои мысли. Если не найду эти деньги, тогда или умру с голоду, или серьезно заболею, не успев закончить свою учебу. Но сколько бы ни размышлял, все равно выхода так и не находил. Предполагалось, что единственно верный выход из этого положения – взять в долг у хозяина квартиры. Но даст ли он? Гарантии не было. Ситуация осложнялась еще и тем, что я ему должен был пятнадцать рублей квартплаты за август.

В конце июня, заплатив сразу за два месяца – июнь и июль, – хозяину я сказал, что еду в Нахичевань на двухмесячные сборы, но квартиру не сдаю, оставляю за собой; что касается квартплаты, за июль я уже заплатил, а в конце августа приеду и сразу же заплачу за этот месяц. Он вроде не возражал. Вот и конец августа, я только что вернулся со сборов и, по договоренности, должен был оплатить этот месяц. А получается наоборот: вместо того, чтобы погасить свой долг, я буду просить у него деньги, обещая вернуть все долги – старый и новый, – когда получу стипендию. Поверит ли он в мои слова, пойдет ли на такую сделку? Нет, он не дурак и денег не даст. Даже выразит неудовольствие, что я задерживаю квартплату. Вот в такой обстановке как можно просить у него деньги в долг?

Вообще-то я не люблю у кого-то просить в долг. Даже в молодости, в особенно трудные студенческие годы я ни у кого деньги не занимал. Но как быть, если они очень нужны? Я сидел в троллейбусе, ломая себе голову, думал, как найти выход из трудного положения. Между тем, аварийно останавливаясь на каждом повороте, транспорт медленно, но все равно карабкался вперед. Вот он уже миновал судоремонтный завод, который раскинулся по левую сторону от меня, на берегу моря. Позади с правой стороны осталась и пожарная часть. А здесь уже поворот налево, и, как правило, штанга срывается. Точно: сразу же послышался глухой стук на крыше троллейбуса, а затем неприятное шипение встревоженной змеи: тыс-с-с! И троллейбус встал на месте, как мгновенно убитый гигант. Но на моем пути это последняя аварийная остановка, потому что, миновав этот поворот, маршрут выходит на прямую дорогу, и до самой конечной никаких поворотов и аварийных остановок не будет. А я сойду через остановку, не доезжая до конечной, возле старого баиловского базара.

Был в Баилово старый базар. Потом как-то неожиданно его закрыли и ликвидировали. А люди не забывали его, даже спустя много лет часто говоря «возле старого базара», «недалеко от старого базара» и т. п., вспоминали его. Потому что это был хороший базар: уютный, удобный, и, самое главное, там было изобилие. Базар ликвидировали, а на его месте установили памятник какому-то якобы известному человеку, который до установки никому не был известен. Как ни странно, этот гранитный бюст тоже не помог ему стать известным хотя бы у населения одного поселка, даже на уровне какого-то колхозного базара. Оказывается, у известности тоже иногда бывают свои капризы: когда она упирается и упорно сопротивляется, памятники, титулы, даже правительственные награды никакой роли не играют.

Вот наконец-то доехали. Это была остановка у старого базара. Я сошел, потому что жил в этом районе. Моя квартира, вернее, квартира, которую я снимал, находилась наверху – выражаясь жаргоном местного населения, я жил на горе. Самое дешевое жилье во всем городе можно было найти только здесь. Даже язык не поворачивается называть это квартирами. Моя, например, с трех сторон – восток, запад и север – не имела не только окон, но даже форточки для проветривания. Не вдаваясь в подробности, скажу честно – это был не дом, а антидом. Я точно не могу сказать и не додумался спросить у хозяина: раньше, то есть лет двадцать-тридцать назад, в этой хижине жили люди или же там держали скот? Как-то даже очень странно, у этого человека во дворе было несколько таких хижин, и он их сдавал таким, как я, остро нуждающимся в дешевом жилье.

Там, на горе, магазинов не было, и мы туда поднимались по лестнице. А вокруг остановки у старого базара магазинов было полно, и это был вроде как торговый центр. Почти все необходимые вещи я покупал в этом «торговом центре». То же самое надо было сделать сейчас, а потом подняться наверх. Там, наверху, в моей бедной студенческой хижине, запасов необходимых продуктов, даже сухого чая и сахара, не было. А у меня в кармане оставался всего один рубль и какие-то копейки. Если бы были деньги, надо было бы потратить минимум три рубля, чтобы по-студенчески бедно, но все равно хотя бы сегодня пообедать – был уже полдень, а я не только не пообедал, даже был без завтрака, – чаю попить, а вечером поужинать. На мой единственный и последний рубчик же можно было купить один серый хлеб и сто пятьдесят грамм дешевой колбасы – так называемой «Отдельной», килограмм которой стоил два рубля двадцать копеек; хотя иногда в продаже была колбаса подешевле, например «Чайная», килограмм которой стоил один рубль семьдесят копеек. А на оставшиеся копейки завтра можно будет купить хлеб, сто грамм сыра, и все…

Недалеко от остановки продавали арбузы и помидоры. Я удивился: оказывается, за время сборов я был изолирован от внешнего мира, даже не знал, что уже арбузы появились и цены на них упали до десяти копеек за килограмм. Узнав это, я сразу же изменил свой план относительно покупок. Лучше я возьму буханку серого хлеба, небольшой арбуз и двести грамм сыра, – обожаю есть арбуз с сыром и хлебом. От рубля у меня останется двадцать копеек, а на это завтра куплю хлеб, и все… Но прежде чем что-либо купить, я должен был зайти в банк, который находился через дорогу, рядом с баиловской поликлиникой, где бесплатно обслуживали не только местное население, но и квартирантов, в том числе и меня.

В банке у меня счетов и вкладов не было. А туда надо было зайти, чтобы проверить две лотереи, которые были у меня в кармане и которые все лето я таскал с собой. Их тиражи состоялись месяц назад. В то время я был на сборах, а выходить из военного городка, где мы жили, запрещалось, поэтому не было возможности своевременно их проверить. Такая возможность только что появилась, и я уже собирался перейти дорогу и зайти в банк. В тот критический момент у меня была какая-то иллюзорная надежда: может быть, эти билеты что-нибудь выиграли… На лотереях что-нибудь выиграть… Скажу прямо, это было практически невозможно. Я в этом убедился на своем личном опыте.

Каждая союзная республика выпускала свою лотерею. В Азербайджане была своя; тиражи устраивались каждый месяц, один билет стоил тридцать копеек. Каждый месяц я покупал по три – хотел выиграть машину, и обязательно «Волгу», которая стоила сорок одну тысячу рублей. Выиграв ее, я хотел изменить свой статус и стать обеспеченным студентом. А как правило, ничего не выигрывал. Ну что за безобразие, когда же, наконец, выиграю я свою машину? Недолго думая, я нашел выход: если возьму больше билетов, тогда непременно выиграю. В очередной раз, потратив половину своей стипендии, я купил шестьдесят билетов и стал с нетерпением ждать день тиражей. Наконец-то, вот и они! Но вот беда: за исключением двух, которые выиграли по рублю каждый, остальные ничего не выиграли. После этого краха я убедился в том, что с помощью лотереи богатым не станешь, даже нельзя стать обеспеченным студентом.

Я уже перестал покупать лотерейные билеты. А спустя некоторое время я увидел, что в газетных киосках и на многолюдных остановках автобусов наряду с местными лотереями продают какие-то другие билеты – это были лотереи ДОСААФ, их выпускала Москва, и каждый билет стоил пятьдесят копеек. Их тиражи проходили не каждый месяц, а примерно ежеквартально; там машин не было, а были дорогая мебель, ковры, картины, телевизоры… Я решил, что надо попробовать, ведь, выиграв какую-то дорогую вещь, я мог бы значительно улучшить свое материальное положение. Поэтому, заплатив один рубль, я купил два билета. Правда, при первой попытке ничего не получилось, но один из билетов, выиграв один рубль, полностью покрывал все мои расходы, а это в какой-то степени меня даже обнадеживало. При первой же возможности я их покупал, но не более двух, и все. А в последний раз – это было в середине

июня – опять купил два билета. Их тиражи состоялись месяц назад. Но я был на сборах, и не было возможности вовремя проверить результаты. Целый месяц я находился в состоянии неопределенности и точно не знал, выиграл или нет. Именно это и дало пищу моей и так живой фантазии, а там нужда уже подготовила хорошую почву. В течение месяца в моей голове вертелся вопрос: может быть, моя лотерея что-нибудь выиграла? Сперва это была слабая надежда. Но, как ни странно, с каждым днем она укреплялась, приобретала черты реальности и становилась все сильнее; со временем изменилась и ее формулировка – шаткое словосочетание «может быть» отпало, на его месте появилось самоуверенное «наверное»: наверное, моя лотерея что-нибудь выиграла…

Наблюдая свое психологическое состояние, я пришел к выводу, что в условиях полной безнадежности занимаюсь самообманом. «Это, конечно, плохо», – подумал я. Плохо и то, что я начал поддаваться самообману, практически уже в него верил. «Человек сознательно обманывает себя, – подумал я, – и сам начинает верить в свой же обман, чтобы у него была – пусть и не реальная, даже иллюзорная – какая-то маленькая надежда. Абсолютная безнадежность губительна, она разрушает человека преждевременно. Инстинкт самосохранения же борется с этим, и, поступая по-своему, начинает действовать на сознание, заставляет человека заблуждаться, верить в какие-то нереальные, с научной точки зрения совершенно необоснованные идеи, чтобы как-то оберегать его…»

Примерно так оценив ситуацию, я постарался избавиться от иллюзорной и вместе с тем навязчивой идеи. Надо было освободиться от самообмана и на все смотреть трезво. «Лотерея всего лишь игра, – подумал я. – Безусловно, там есть и вероятность выигрыша – это и есть показатель добросовестности организаторов. Если организаторы совсем бессовестны, тогда доля вероятности выигрыша равняется нулю». А я считал, что обязательно выиграю. Это испугало меня. Я сделал вывод, что это результат психологического напряжения; безнадежность и беспомощность сломали меня, я стал мыслить не как образованный человек – все же я уже был студентом пятого курса университета – то есть не научно обоснованно и трезво. Если манипулировать терминологией диалектического материализма, который мы, студенты всех вузов социалистической державы, хорошо изучали – а я каким-то непонятным образом проявил даже особое пристрастие и эту науку освоил лучше всех своих сокурсников и в обоих семестрах по диалектическому, даже по историческому материализму экзамены сдавал на отлично, – я стал мыслить как идеалист, по-моему, даже хуже – я стал мыслить как отсталый, безграмотный и суеверный человек. Этот вывод испугал меня. Я считал, что в моем сознании идет процесс деградации.

Во время учебы минимум два-три раза в году у меня бывали серьезные трудности, связанные с деньгами. При этом я старался ни у кого не занимать, а проблему решать, как говорится, за счет своих внутренних ресурсов. В запасе у меня были мои ценные книги. Фундамент моей личной библиотеки, в которой теперь сотни очень хороших книг, заложен давно – в годы студенчества. Произведения классиков мировой литературы, книги разных серий – «Классики и современники», «Мастера современной прозы» и т. п. – я начал собирать еще во время учебы. При переходе из одной квартиры в другую моим основным грузом были книги в картонных ящиках. А когда мне было очень трудно с деньгами, я с горьким сожалением вынужден был взять несколько хороших книг и пойти в книжный магазин «Букинист», который находился возле кинотеатра «Низами». Там же, говоря: «У нас такие книги есть», – часть книг не принимали. А другую часть принимали с большим одолжением и по очень низкой цене, в лучшем случае за полцены. Приходилось соглашаться и на это, чтобы выручить хотя бы три рубля и не умереть с голоду. Но на этот раз три рубля, вырученные в «Букинисте», ничего бы не изменили. Мне нужно было минимум пятнадцать рублей, и то если стипендию дадут десятого сентября. Можно было надеяться и на хозяина квартиры, который мог бы дать в долг. Еще какая-

то иллюзорная надежда была и на лотерею, – не знаю почему, но это предположение выглядело более реально. В моей голове засела идея: наверное, моя лотерея что-нибудь выиграла…

Никогда в жизни я не был так одинок и беспомощен и никогда в жизни я так не верил в какую-то призрачную идею. После страшного кораблекрушения Робинзон Крузо попал на необитаемый остров. А как только пришел в себя, он понял, что на этом острове кроме него никого нет, не на что надеяться и нечего ждать какую-то помощь – это было ужасно; ужас одиночества и беспомощности. Я тоже испытывал ужас одиночества. Но, в отличие от Робинзона Крузо, я попал не на остров, а на полуостров и вокруг меня было очень много людей. А вот надеяться на них или ожидать помощи было бессмысленно. Это тоже ужасно. Вот в такой ситуации каким-то непонятным образом я надеялся, что моя лотерея что-нибудь выиграет. С этой надеждой в душе я перешел дорогу и зашел в банк. А там за окошечком сидел молодой парень примерно моего возраста, но, в отличие от меня, человек очень спокойный и уверенный в себе. Видимо, его жизнь тоже протекала в очень спокойной и безмятежной обстановке. Я поздоровался с ним и спросил, есть ли у него номер газеты «Труд», где публиковались результаты последних тиражей лотереи ДОСААФ.

– Да, есть, – ответил молодой человек.

– У меня два билета, – сказал я. Сразу же вытащил их из кармана и через окошечко передал сотруднику банка. – Проверьте, пожалуйста.

Через окошечко я стал наблюдать, как проверяют мои билеты. Это очень ответственный момент, и надо быть внимательным: могут обмануть, поменяв билет, подсунуть другой… Да, мир полон подлости, и потом трудно будет доказать свою правоту. Не прошло даже одной минуты, как молодой человек сказал:

– Один лотерейный билет выиграл.

Он произнес это очень спокойно и совершенно без каких-либо эмоций, как будто хотел сказать, что троллейбус только что проехал, а следующий за ним появится через пять минут. Он даже не мог себе представить, какой взрыв провоцировал во мне.

«Выиграл! Да, наконец-то я выиграл! – подумал я. – Как я надеялся и ждал! И вот свершилось! Оказывается, месяц тому назад вопрос уже был решен и я выиграл. Вот почему я так сильно надеялся. Интересно, а что же я выиграл: мебель, ковер, телевизор?..» Я не успел задать этот вопрос сотруднику банка, а он поднял голову и в свойственной ему манере, совершенно спокойно, сказал:

– Один из ваших билетов выиграл радиоприемник. Он стоит недорого, всего пятнадцать рублей. Хотите сразу деньги получить или же сейчас я оформлю, а вы через магазин получите свое радио?

«Ай да! Ни больше и не меньше, именно пятнадцать рублей… А почему так мало? Пусть не мебель, не ковер – радиоприемник. Но там же есть радиоприемники подороже; только рижский ВЭФ стоит сто два рубля…» – с горьким сожалением подумал я. А вслух сказал:

– Мне радиоприемник не нужен. Я хочу получить деньги.

– Хорошо, сейчас я дам вам деньги.

– А вторая лотерея как, она ничего не выиграла? – спросил я.

– Нет, из двух билетов только один выиграл. Можете и сами проверить, – сказав так, сотрудник банка через окошечко передал мне газету и оба билета.

А что было бы, если бы не пятнадцать рублей, а больше, например тридцать, сорок, пятьдесят рублей? Тогда я купил бы полкило говядины, картошку, лук, зелень и бутылку вина. Наверху, в своей бедной квартире, сварил бы бозбаш, хорошенько пообедав – уже полдень, а я был не только без обеда, но даже без завтрака – выпил бы за то, что успешно решил еще один практический вопрос и перешел на пятый курс; я уже студент пятого курса. Это же замечательно, и такие события надо отмечать. Основные трудности учебы остались уже позади. На пятом курсе надо сдать экзамен по специальности, госэкзамен по философии и написать

дипломную работу. Все сделаем – будем решать еще один практический вопрос. А сегодня день особый: я успешно сдал экзамен по военному делу и получил звание офицера – вот это надо отметить. Но у меня очень мало денег: в кармане всего шестнадцать рублей. Я не имею права эти деньги бросать на ветер. Поэтому отмечать будем тогда, когда получим стипендию. А вот эта дрянь – вторая лотерея – какая она бестолковая, ничего не выиграла. Если бы она выиграла хотя бы один рубль, тогда на это можно было бы купить бутылку вина. Только одна лотерея выиграла, и ровно столько, сколько мне очень и очень нужно было – всего пятнадцать рублей, и больше ничего. Неужели там – говоря «там», я даже не знал, что имел в виду и где это так называемое «там» находится – учет денег ведется так строго и точно? Интересно… Оказывается, там деньги дают только на самые необходимые нужды, и это тоже не всегда – только в исключительных случаях. На отдых, на развлечения даже копейки не дают. Да, все правильно. А что было бы, если бы моя лотерея ничего не выиграла? Это была бы катастрофа. Тогда из этого банка я вышел бы как дохлая курица. А потом пришлось бы просить деньги в долг у этого старика. Казалось бы, все очень просто: попросить деньги в долг у человека, который тебя хорошо знает и у которого деньги есть. Но это так сложно и так унизительно! Вот представьте:

– Знаете, я уже сдал все экзамены и перешел на пятый курс, – так надо было начать свое выступление, и это всего лишь начало, только первый шаг. Но как противно это и как бессмысленно! Спрашивается, какого черта я должен отчитываться перед ним? Ему самому нужно ли это? Это мое личное дело, и нельзя рассказывать об этом каждому проходимцу. Но все равно, раз начали, надо доводить до конца. – Как вы уже знаете, в течение двух месяцев я был на сборах в Нахичевани. За это время нам стипендию не давали, невозможно было и, сезонно работая, зарабатывать какие-то деньги. Я только что, буквально час тому назад, сошел с поезда Нахичевань – Баку и прямо с вокзала приехал сюда. Все хорошо, я жив и здоров. Только есть одна небольшая проблема: у меня денег нет… – Да ты подожди! Ты уже все сказал. А теперь посмотри, как нахмурился старик. Он уже знает, что у тебя денег нет, для него это главное. Представь себе: какой-то студент у него живет квартирантом и говорит, что у него денег нет. Старик знает, на что ты намекаешь: квартплата будет не скоро. Если бы была возможность, ты знаешь, что он сказал бы тебе:

– Если у тебя денег нет, какого черта ты занимаешь мою квартиру? Студент ты, ученый, солдат или генерал, стипендию ты получаешь или зарплату – меня это не волнует, дай мои деньги. Все!

– Сейчас я не могу заплатить за август…

– Как это ты не будешь платить за август? Ты же сам сказал, что как только приедешь в Баку, сразу заплатишь. А теперь не хочешь платить? – сказал бы старик.

– «Не будешь платить» или «не хочешь платить» – не об этом речь. Я так не сказал и никогда не скажу. Вот уже два года я живу у вас квартирантом. Слава богу, за это время мы успели как следует узнать друг друга. А тем более вы – видавший виды, опытный и мудрый человек – в таких вопросах очень хорошо разбираетесь, и уверен, что меня тоже достаточно хорошо знаете. Скажите честно, был ли хоть один случай, когда за квартиру я не платил или же не хотел платить?

– Нет, не было.

– Правильно, не было. В конце каждого месяца я аккуратно плачу за квартиру, и никогда задержки не было. Сейчас я должен заплатить за август. Это мой долг, и даже в июне я вам сказал, что, как только приеду в Баку, сразу заплачу…

– Я знаю, что ты должен заплатить за август. Но вместо того чтобы взять и заплатить, ты мне рассказываешь о Нахичевани, о поезде и об экзаменах… Об этом расскажешь потом. А сперва будь добр, заплати за квартиру.

– Я не забыл свое обещание и знаю, что должен заплатить…

– Да, ради бога, давай плати. Кто тебе мешает?

– Не волнуйтесь, заплачу. Пожар, что ли? Конечно, я заплачу. Дело не в этом.

– Как это «дело не в этом»? Интересно! А в чем же тогда дело? Весь вопрос как раз в этом. А ты говоришь: дело не в этом. Потому что, оказывается, у тебя денег нет.

– Да, правильно, сейчас у меня денег нет. Но скоро будут.

– Да, будут. То же самое говорится и в поговорке: не умирай ты, мой хороший ослик, скоро будет весна, а кругом будет зелень.

– Какая там зелень и какой ослик? Нет, я так не говорил и никогда не скажу. Вы за кого меня принимаете? Я просто хочу сказать, что на сборах нам сказали, что студентам пятого курса, в том числе и мне, стипендию дадут раньше, точнее, десятого сентября. Так что не волнуйтесь, через десять дней я получу стипендию за три месяца и сразу же из этих ста пяти рублей дам вам сорок пять рублей.

– Сорок пять рублей? А это зачем?

– Как это зачем? Я оплачу август, сентябрь…

– Тогда надо платить не сорок пять, а тридцать. А-а, может быть, ты хочешь заплатить и за октябрь тоже?

– Нет, за октябрь пока не буду. Я заплачу только за август и сентябрь. А сорок пять рублей вам дам, потому что сейчас же я хочу взять у вас еще пятнадцать рублей в долг. А через десять дней верну вместе с двухмесячной квартплатой.

– Я не понял. Ты сейчас должен пятнадцать рублей за август. Но не хочешь платить. Этого мало, ты еще хочешь пятнадцать рублей в долг взять?

– …

В такой ситуации как можно было просить у старика деньги в долг? Нет, этого нельзя было делать…

Продолжая так думать, я уже перешел дорогу и направился к продовольственному магазину, чтобы купить продукты питания. Но ситуация резко изменилась, я уже, как говорится, человек с деньгами. Поэтому вопрос «что купить?» надо было пересмотреть. Надо было быть еще бережливым и без особой нужды не тратить даже одной копейки. Потому что чудом доставшиеся мне пятнадцать рублей спасли меня. Он, хозяин квартиры, все равно не дал бы денег. А я в сильном разочаровании, назло всем, больше ни у кого попросив помощи, уморил бы себя голодом.

Годы учебы значительно ослабили мое здоровье, потому что спортом мало занимался, стал даже пить и курить. Повлиял и климат Апшеронского полуострова: я никак не мог как следует приспособиться к сырой бакинской погоде с ее частыми и порывистыми ветрами. Начиная с октября месяца я простужался, не успев до конца вылечиться, еще раз простужался… И это продолжалось до середины мая. Поэтому с каждым годом положение ухудшалось. На пороге осени голодание более десяти дней если не окончательно, то по крайней мере серьезно подорвало бы мое и так ослабленное здоровье. Но, слава богу, я просто чудом спасся: не унижаясь ни перед кем, получил эти спасительные деньги. Да, я их получил – они у меня в кармане: ни больше ни меньше – ровно пятнадцать рублей. Очень даже интересно! А что это, случайность? Может быть, стечение обстоятельств? А может быть, просто какое-то совпадение? Нет, ни это, ни то и ни другое. Не надо нагружать себя: человеческое сознание не в состоянии объяснить это, дать научное толкование хотя бы уже свершившемуся факту. Это – чудо, проявление божественной воли.

За последние три дня произошли значительные события: я сдал последний экзамен четвертого курса и перешел на пятый. Вдобавок к этому я еще получил звание офицера. И наконец, сбылась моя давняя мечта: мой лотерейный билет выиграл конкретную вещь – ручной радиоприемник. Он стоит недорого – всего пятнадцать рублей. Когда-то я мечтал выиграть машину и улучшить свое материальное положение. Но выиграл всего лишь радиоприемник.

Это произошло в тот момент, когда моя жизнь висела на волоске. Радиоприемник спас меня. Машина должна была улучшить мое материальное положение: после этого выигрыша я уже не снимал бы самую дешевую квартиру в городе Баку – на окраине поселка Баилово, на горе, а снял бы приличную квартиру в центре города; обедал бы не дома или же в студенческой и рабочей столовых, а в приличных столовых, иногда даже в кафе и ресторане; купил бы себе приличные летние и зимние костюмы, даже хорошие импортные пальто и плащ. Ну и что из этого?

А получилось так, что в самый трудный момент своей жизни я выиграл радиоприемник, который спас меня от физического уничтожения и морального унижения. Поэтому этот выигрыш ценнее машины и даже квартиры. Все это необыкновенно и непостижимо. Я молод, вся жизнь впереди. А то, что очень необходимые деньги достались мне каким-то чудом, уже говорит о том, что я вовсе не один – как многие считали и по сей день считают, а до этого дня мне самому тоже так казалось – и не совсем беспомощен. Сегодня будем отмечать эти замечательные события. Отмечать? Это будет расточительство. Да, в принципе так получается. Но я не намерен идти в кафе или же ресторан. Отмечать будем там, наверху, как здесь говорят, на горе – в моей бедной квартире. Но сперва давайте посмотрим, что можно купить на наши деньги. Сейчас у меня в кармане шестнадцать рублей и какие-то копейки. Возьмем полкило сахара и пачку чая – в утренние часы без чая не могу, голова болит, часто зеваю. Расходы на чай составят девяносто копеек. Куплю еще небольшой арбуз – не более трех килограмм, двести грамм сыра за тридцать копеек, серый хлеб за двадцать копеек – и на все эти продукты потрачу восемьдесят копеек. Но мы должны отмечать великие события! А для этого надо купить водку или вино. Водка стоит дорого, возьмем за девяносто копеек бутылку белого сухого вина «Садыллы». Поскольку я буду пить спиртное, надо будет купить еще и сто пятьдесят грамм колбасы «Отдельной». В итоге получается, что на все эти продукты я потрачу три рубля. Здесь только вино лишнее, а все остальное очень даже необходимое. Потраченные на вино девяносто копеек – это перерасход. Да, согласен, но это я возмещу за счет строгой экономии в последующие дни: например, газет не буду покупать, на транспорт не сяду… Если надо будет ехать даже в центр города – пойду пешком. Нам и так неделю дали на отдых, в это время никуда не поеду. Мои занятия начнутся после седьмого числа, а в университет я пойду пешком. И это не новость, иногда я это практикую: мимо зоопарка через Нагорный парк выхожу на большой проспект и за полчаса добираюсь до университета, – будем строго экономить, чтобы ни перед кем не унижаться.

А сегодня будет пир. В своей бедной квартире я накрою стол. На столе будет хлеб, сыр, колбаса, арбуз и вино – это же великолепно! Для бедного студента даже роскошно. Буду отмечать значительные события моей жизни, самое главное же – свое спасение. В очень сложной ситуации я, как говорится, сухим вышел из воды. Все покинули меня, бросили на произвол судьбы, думая: пусть пропадет. События тоже как будто так и развивались, даже мне самому казалось, что я уже пропал. Но… Я чудом спасся.

Храм на горе Бадри

Как только я открыл дверь и вошел в автобус, Луноход тут же спросил:

– Он дома?

– Да, он дома, – сказал я. – Но, говорит, не могу с вами поехать. Дома есть дела, говорит, как закончу, сразу же приеду. Сказал, что к одиннадцати часам будет в цехе.

– Ты уверен, что он приедет? – спросил Луноход.

Я разговаривал не с каким-то роботом, планетоходом. Луноход – обыкновенный человек, он слесарь нашего цеха. У него есть хорошее имя – родители назвали его в честь знаменитого арабского халифа. Луноход же – его прозвище. Мне кажется, это прозвище ему дали из-за особой манеры ходьбы. Дело в том, что его правая нога косит влево, и когда он ходит, постороннему наблюдателю кажется, что правая нога вот-вот зацепится за левую и он упадет. Но ноги не зацеплялись, и Луноход не падал, а продолжал ходить.

– Он приедет, – уверенно сказал я и обратился к водителю: – Теперь поедем в Новые Ахмедлы.

– А это зачем? – спросил тот.

– Как это зачем? Дежурному по заводу сказали же: после восьмого километра надо ехать в Новые Ахмедлы. Он не сказал тебе?

– Нет, не сказал.

– Наверное, забыл. Но ничего, он не сказал – я скажу: нам надо отвезти этого человека домой, – объяснил я и рукой указал на Лунохода. – Он живет в Новых Ахмедлах. Мы его задержали на работе, а теперь должны отвезти домой.

– Интересно, а почему я должен везти его домой? Какая ему разница, пусть сядет на маршрутный автобус и поедет домой, – сказал водитель.

Это такой человек – всегда находит причину и грызется как собака. Я не знаю, почему дежурный автобус должен водить именно он…

– Если ты не хочешь делать то, что я сказал, тогда я вынужден буду сделать то, что ты прикажешь: сейчас мы оба сойдем с этого автобуса и сядем на маршрутный. А ты поезжай, куда тебе надо.

Это была угроза. Ее последствия будут неблагоприятными для водителя. Он не дурак и понял это сразу. Поэтому, недовольно качая головой, молча завел машину. Луноход же с улыбкой на лице тихо сидел и смотрел на меня; я так понял, что ему понравилась моя решительность.

Выходной день – суббота, люди отдыхали. А мы работали – такова была традиция в нефтяной отрасли. Там работа круглосуточная. Рабочий класс трудился в три смены. Инженеры же, хоть они дневные работники, все равно должны были приспосабливаться. Поэтому считалось, что… вернее, это был неписаный закон: у инженеров ненормированный рабочий день. Мы вынуждены были работать в среднем по двенадцать часов ежедневно. А платили же нам только за восемь, то есть мы получали только свой оклад. Рабочим же за каждый сверхурочный час платили в двойном размере.

В этот субботний день, придя на работу, мы, инженеры цеха, обнаружили, что положение близко к критическому: в ночной смене несколько насосов вышло из строя. Ночью дежурил Луноход, но работы было много, и он не все успевал. В первую смену пришел другой слесарь, но он тоже один не справится. Ему нужна помощь. Начальник цеха, я – его заместитель, старший механик и механик по насосам обсуждали вопросы: что делать, за кем ехать?

– Дадаш не приедет, у него другая работа, – старший механик стал по одному перечислять слесарей. – Остается Исмаил, а он получил новую квартиру, поэтому его точный адрес пока не знаем.

– Луноход знает его адрес, он у него был. Только он может нам помочь. Но, по-моему, уже поздно, – посмотрев на свои наручные часы, сказал механик по насосам. – Наверное, он ушел домой. Сейчас я позвоню в мастерскую и узнаю, где он.

Выяснилось, что Луноход в цехе. Его предупредили, что он нам нужен. Наконец вызвали дежурный автобус, и я вместе с Луноходом – он был моим гидом – поехал за Исмаилом. Вопрос решили: Исмаил приедет. Но надо было решить еще один: доставить Лунохода домой. Со старшим механиком они договорились, что домой он поедет на дежурном автобусе.

– А он не спросил, как же вы нашли его дом? – хитро улыбаясь, спросил Луноход.

– Нет, – сказал я. – Сначала я разговаривал с какой-то женщиной. Это, наверное, его жена. Когда я постучал в дверь, открыла она. «Извините, Исмаил здесь живет?» – спросил я. «Да. А что?» – удивилась она. «Я с работы. Если можно, позовите его, пожалуйста», – сказал я. А она как-то недовольно нахмурилась и спросила: «А что случилось, зачем он вам нужен?» В общем, она меня допрашивала, как следователь уголовного розыска, а лишь потом вызвала Исмаила.

– Как она выглядит? – спросил Луноход.

– Мощная баба, рядом с ней Исмаил выглядит цыпленком.

Луноход улыбнулся – видимо, мое сравнение ему показалось смешным. Его и так большой рот с обеих сторон раздвинулся и стал еще шире.

– Да, точно. Это его жена.

– Не знаю, может быть, мне так показалось, но, по-моему, она намного моложе Исмаила.

– Ваше зрение не обмануло вас, она действительно моложе. Это его вторая жена. Первая работает у нас на заводе. А ты не знаешь ее?

Мне стало смешно, и я чуть было не сказал: «Слушай, о чем ты говоришь? По-твоему, я обязан знать всех его жен и любовниц, что ли?». Но вслух произнес:

– Нет, не знаю. Ты молодец, всех его жен знаешь. А сколько их у него?

– Исмаил не бабник. Просто так получилось, что он женился два раза. Вы видели его вторую жену, – Луноход, обращаясь ко мне, иногда говорил «вы», иногда – «ты». Правда, он старше меня, но я был его начальником, а он как человек деликатный часто употреблял местоимение «вы». – Она свалилась на его голову как гром среди белого дня и изменила всю его жизнь.

– Что ты говоришь?! – сказал я с искренним удивлением.

– Да.

– Интересно. А я не знал. А может, расскажешь?

Между прочим, Луноход хороший рассказчик. Его интересные истории я слушал, когда еще работал начальником установки. Для ремонта насосов к нам на установку обычно приходил он. Далековато было, а он еще инструменты таскал. И как только заходил в операторскую, сразу же с грохотом бросал на пол свою грязную сумку. Потом как-то устало и недовольно спрашивал:

– Чай есть?

– Чай? Сейчас тебе дадут чай, – отвечал я ему и начинал описывать неполадку, которую он должен был устранить.

Луноход сидел в операторской и курил. Ему уже принесли чай. Теперь надо было пошевелить его:

– Работы много. Не знаю даже, успеешь ли ты до обеда закончить? – говорил я. А это означало: «Луноход, ты давай побыстрее со своими курением и чаепитием». А Луноходу, как говорится, до лампочки было: не торопился, по мере возможности старался усыпить и мою бдительность:

– Работа не волк, в лес не убежит. Чай горячий, надо подождать, чтобы он остыл. Иначе можно ожог получить. Потом придется составить акт о производственной травме.

Время шло. Я смотрел на стенные часы, потом на грязную сумку, которая валялась в углу, потом на Лунохода и про себя думал: «Работа не убежит, а ты убежишь – это точно. За полчаса до начала обеда, даже раньше, ты все бросаешь и уходишь. И у тебя веские доводы: «В таком виде нельзя ходить в столовую, надо руки мыть. Опаздывать тоже нельзя, потом найдешь остатки и крохи».

Если Луноход быстро заканчивал свою работу и до обеда или до конца рабочего дня оставалось время, он не торопился вернуться в мастерскую из расчета, что там сразу дадут ему другую работу. Поэтому сидел в операторской и курил. А там нельзя курить. И, как ни странно, на установке курилки не было. А где должны курить люди? Этот вопрос я обсуждал с начальником отдела техники безопасности. Он пришел на установку, на месте проверил и сказал: «Это упущение строителей. Люди могут курить в вентиляционной». А в вентиляционной никаких условий нет, заходишь – как будто карцер. Но этот карцер находился рядом с операторской. Рабочие нашли выход: они курили в операторской. Если кто-то им делал замечание, что, ребята, в операторской нельзя курить, они отвечали: «Какая разница, там или здесь? Если никаких условий нет, как можно там курить? Мы же люди. Если на то пошло, курить в вентиляционной – тоже нарушение». На установке за технику безопасности и пожарную безопасность отвечал я, и, чтобы подстраховать себя в этой тупиковой ситуации, я повесил у входа в вентиляционную табличку с надписью: «Курить можно только здесь».

Луноход хороший оратор. Я даже иногда думал: почему он не передовик производства? Трибуны больших залов плакали по нем. А он не был передовиком. Казалось бы, да, Луноход не очень-то добросовестно относился к работе и считал, что работа не волк и в лес не убежит. Но все равно трудился. А передовики производства часто вовсе не работали. Ведь у них же было очень много мероприятий – собраний, заседаний, пленумов, съездов, слетов, поездок и т. п. – и они вынуждены были в какие-то дни, порой несколько дней подряд, на работу не выходить. А рабочие дни им отмечались. Человек ко всему привыкает и приспосабливается. Со временем это – не работая, получать зарплату, премию, еще какие-то дополнительные льготы и поощрения, одновременно прославиться – стало для них нормой.

По рассказам Лунохода, вторая жена Исмаила несколько лет назад окончила среднюю школу, неплохо училась и хотела поступить в институт. Она дочка приятельницы Исмаила, и все они – Исмаил с его первой и второй женами – из одного и того же села. По договоренности земляков, в период сдачи вступительных экзаменов эта девушка жила в квартире Исмаила, который к тому моменту был женат уже пятнадцать лет, но детей у него не было. С появлением молодой девушки в их доме стало веселее. Они называли ее студенткой. Девушка же им сказала, что она не студентка, а абитуриентка; если все экзамены сдаст и поступит в институт, только тогда ее можно будет называть студенткой. Муж и жена выслушали это объяснение и сказали, что какая разница, рано или поздно все равно она тоже поступит, и продолжали называть ее студенткой. Присутствие студентки в их доме особенно было на руку жене Исмаила. После работы, придя домой, ей уже не надо было нагружать себя, студентка – шустрая и энергичная девушка – за нее все делала: стирала, убирала, готовила… Фактически она была бесплатной домработницей.

* * *

К концу августа с работы позвонили жене Исмаила. Звонила женщина, бухгалтер завкома, и сказала, что ей достали путевку, которую она давно заказала и о которой часто спрашивала.

Жена Исмаила лечилась. Врачи старались помочь ей, чтобы она стала матерью. Они говорили, что для укрепления организма необходимо посещать курорты и санатории; были названы даже те, которые очень помогли бы ей. Но достать в них путевки было очень трудно. Вот нако-

нец-то и ей добыли такую путевку. Бухгалтер завкома же позвонила, чтобы обрадовать ее. Одновременно ей сказали, что эта редкая путевка, как говорится, «горит»: послезавтра надо быть там.

Тридцатое августа, послеобеденное время. Надо было до конца рабочего дня оформить отпуск, получить отпускные, заплатить за путевку и завтра уехать. Нельзя было медлить. Задача трудная – успеет ли она? Председатель завкома тоже взялся за дело: позвонил руководителям соответствующих структур и сказал, что надо помочь человеку. Дело пошло. В половине пятого жена Исмаила получила отпускные, спустилась на первый этаж, заплатила за путевку и с этой – для нее очень дорогой – бумажкой вернулась в свой цех. В шесть часов она вышла из цеха и отправилась на трамвайную остановку. Все дневные работники завода уже уехали, на остановке было как-то непривычно безлюдно. А вот ее трамвай идет. Она зашла в полупустой вагон и села. Женщина была довольна. Она была благодарна председателю завкома за то, что он почти с боем выбил эту путевку для нее; все же этот Мехти очень благородный человек, он не какой-то чиновник, он как родной брат или отец. Она была благодарна и бухгалтеру завкома: без ее содействия – суть вопроса председателю объяснила она – получить такую путевку невозможно было. Жена Исмаила сама никогда не смогла бы сказать Мехти, зачем эта путевка ей нужна, – стыдно, он же мужчина.

Женщина сидела в трамвае. Ее лицо сияло от радости – она была счастлива. Все будет хорошо. Да, конечно, все будет хорошо. Надежда – вот что делает человека счастливым. Эта женщина тоже надеялась и была счастлива. Но вдруг она нахмурилась, потому что вспомнила студентку. Ее настроение испортилось. Ей стало очень неприятно, даже отвратительно. Но это не все. Она чувствовала явную, реальную опасность, которая пугала, даже страшила ее.

Нетрудно представить себе: хозяйки нет дома, она приедет через месяц. Все это время ее муж будет жить под одной крышей с молодой и соблазнительной самкой. Сработала фантазия: вот ее нет дома, после работы Исмаил пришел домой. Он устал, голодный, ему нужен уход. Студентка приготовила хороший ужин – между прочим, она вкусно готовит – и, уже соблазнительно качая своим пышным задом, ходит туда-сюда, обслуживает хозяина дома. Другое время, другая обстановка – и студентка ведет себя по-другому, она даже выглядит по-другому: нарядилась, надушилась, сладко говорит, многозначительно улыбается и при этом часто смущается, временами даже краснеет от стыда… О Господи, что творится на этом белом свете!

Итак, здоровая самка и молодой мужчина – Исмаилу нет даже полных сорока лет – живут под одной крышей. Никого нет. Вокруг тишина, как на необитаемом острове. Ночь с каждым днем становится длиннее и прохладнее. Один день, второй день… Безусловно, жена Исмаила не читала рассказ Бестужева-Марлинского «Страшное гаданье», где героиня Полина говорит своему возлюбленному: «Мы далеки от порока, но всегда ли далеки от слабости? Кто пытает часто силы, тот готовит себе падение».

Да, мы не всегда далеки от слабости. Исмаил тоже человек, и он долго не выдержит. Но так получилось, что его жена об этом даже не думала. Только теперь в трамвае как будто даже случайно до нее дошло, и она про себя сказала: «Нет, нельзя проводить такие эксперименты. Вообще-то зачем я пустила в свой дом чужую женщину? Мой дом не гостиница, не караван-сарай. Что нужно от меня? С ее матерью мы были всего лишь соседями, вернее, наши родители были соседями. Она старше меня, мы с ней вместе не учились, подружками тоже не были. Только соседи, и все. Казалось бы, мелочь, но люди и этим пользуются, даже злоупотребляют. Весной, когда я ездила к родителям, она улучила момент и якобы совершенно случайно встретилась со мной и говорит: «Дочка уже оканчивает школу. Она хорошо учится, хочет поступить в институт. Если ты не возражаешь, на время сдачи экзаменов, около десяти дней, она будет жить у вас». Вот тебе и десять дней! Она уже целый месяц живет в моем доме… Ну, давай не будем. Не-ет, так нельзя. Двадцать дней назад она собрала свои вещи и хотела

уехать. Ее задержали, даже уговорили мы, в первую очередь, конечно, я. Зачем я это сделала? Какая ошибка! Надо срочно ее исправить».

Весной этого года, к празднику Новруз-байрамы, жена Исмаила действительно поехала к родителям. Там как бы случайно встретилась с матерью этой девушки. А та по ходу беседы сказала, что ее дочь хорошо учится – мать так считала – и хочет поступить в институт. Но неизвестно, поступит ли она. Поэтому даже нет смысла в городе снимать квартиру на целый месяц. Если можно, на время сдачи экзаменов, примерно на неделю, может быть чуть больше – зависит от того, как пойдут дела, – она будет жить у них.

У Исмаила была однокомнатная квартира. Но там имелся еще балкончик – небольшой застекленный балкон, где в теплое время года можно было поставить раскладушку и спать. Спрос на временное и дармовое жилье был настолько высок, что об этом балкончике знали даже в далеком от Баку селении. Жена Исмаила не возражала: подумаешь, девушка будет у них в гостях неделю. Нельзя было отказать, это было бы некрасиво. Такие временные жильцы, в основном родственники-односельчане, иногда поселялись у них. Безусловно, за ночлег они не платили – это было бы некрасиво. Но многие из них приезжали не с пустыми руками, и в зависимости от количества съестных припасов, которые они привозили, можно было даже заранее знать, кто на какой срок приехал: если, например, человек привез полтуши барана, значит он останется на неделю.

На этот раз балкончик был заранее забронирован. А в конце июля девушка приехала к ним, чтобы сдавать вступительные экзамены. Хоть на тройку, но все равно – два экзамена она сдала. На третьем же срезалась и сразу стала готовиться к отъезду. Гостья очень разочаровалась и чуть было не плакала. Между тем она сказала, что хочет поступить на вечернее отделение: говорят, там легче, конкурс небольшой, иногда даже бывает недобор. Но там экзамены начнутся поздно – во второй половине сентября. Говоря так, девушка уже намекнула: может ли она через месяц приехать и еще раз попытаться?

– А зачем ехать в деревню? – сказала жена Исмаила. – Что ты будешь делать там? Тебе надо готовиться к экзаменам. Здесь условия лучше: целый день мы на работе, а ты одна, тебе никто не мешает. Садись, как следует занимайся и поступай.

– Не хочу быть вам в тягость целый месяц, – сказала девушка.

– Да ради бога! О чем ты говоришь? Какая тягость?

Хозяева настаивали, чтобы гостья задержалась и непременно попыталась поступить на вечернее отделение. Они были очень довольны ею и хотели, чтобы она не только месяц до начала и во время сдачи экзаменов, но, если поступит, весь период учебы жила у них. Они так хотели, но условия не позволяли: у них была одна комната, а девушка спала на балконе. С наступлением холодов это будет невозможно. Но пока есть возможность, пусть живет у них.

* * *

Жена Исмаила в семь часов пришла домой. Муж уже был дома. Обычно она приходила раньше, но на этот раз задержалась из-за путевки, потом ходила по магазинам, кое-что купила для дома, ведь целый месяц ее не будет здесь.

– Ты где была? Почему так поздно? – спросил муж.

– Знаешь, что случилось? Сегодня после обеда мне позвонили из завкома, – сказала жена и начала рассказывать историю, связанную с путевкой.

Исмаил молча сидел, пил чай и слушал. Но все его поведение, особенно жесты, мимика, редкие реплики, говорило о том, что он недоволен и категорически против этой поездки. Жена видела это, но думала, что надо от начала до конца подробно рассказывать, а в самом конце муж все поймет. Но… увы. Исмаил дослушал эту историю, но все равно был против. Муж и жена начали спорить. Почуяв неладное, девушка решила не заходить домой. Она ходила по

двору туда-сюда, кое-где подметала, хотя подметать-то было нечего, открыла воду и под краном что-то помыла – у этого дома был еще и маленький приусадебный участок.

– Зачем ты все это делаешь тайком и мне ничего не говоришь? – спросил Исмаил.

Жена была в растерянности. Споры продолжились. Обстановка накалялась. С военной точки зрения жена запланировала «атаковать позиции студентки, заставить ее отступать от стратегически важных высот», чтобы она могла целый месяц спокойно отдыхать и лечиться вдали от мужа. А для этого она хотела, придя домой, сразу же четко, но очень деликатно ей сказать, что если хозяйка отсутствует и ее муж дома один, то чужие женщины не должны заходить в этот дом, а там ночевать – из рук вон плохо, это несмываемый позор и срам; люди сразу начнут сочинять разные сказки и распространять сплетни, даже если между ними ничего не было и они об этом даже и не думали. «Ты молодая девушка, – скажет она студентке, – тебе надо замуж выходить, создать себе семью. Я завтра уезжаю, а в период моего отсутствия тебе нельзя жить здесь, поэтому собирай свои вещи, сегодня вечерним поездом или рано утром первым же автобусом поезжай в деревню. Привет передай маме, папе и всем тем, кто меня помнит. Так уж получилось, извини, пожалуйста. Другого выхода просто нет».

Но этой атаке было не суждено состояться. Потому что, не успев поговорить со студенткой, женщина сама попала под «шквальный огонь неприятеля из засады». Завязался непредусмотренный «бой» и долго продолжался.

Исмаил подозревал. Он думал, у жены есть любовник. К тому же, как бы тяжело и оскорбительно ни было, она нашла его из уважения к мужу: мол, ты не способен делать детей, а я нашла человека, который будет делать это за тебя; да ты что, нет-нет, он не такой человек, никому ничего не скажет, – вот так она думает и все это так мерзко, так унизительно! Она ослепла, потеряла рассудок, свихнулась и дошла до такой подлости: нашла человека, взяла путевку, оформила отпуск и без согласия мужа едет в санаторий! А мужа ставит в известность только в самый последний момент. Если бы была возможность, этого тоже не сделала бы, уехала бы на целый месяц, и все.

– Ты сколько заплатила за путевку? – спросил Исмаил.

– Сама путевка дорого стоит. Я заплатила мизерную сумму – всего двадцать пять рублей.

– Ты в спешке оформила отпуск – это не беда. Сентябрь как раз очень хорошее время для отдыха. Поезжай в деревню. Сейчас там очень хорошо: полно фруктов и овощей, скоро будет даже прохладно. А эту путевку я возьму, завтра же пойду в завком, зайду в кабинет Мехти и скажу, что ты неожиданно заболела, ехать в санаторий не сможешь. Ты бы очень хотела, но увы – по состоянию здоровья это уже невозможно, и очень сожалеешь, что так получилось. Я верну путевку, а дальше что будет – это его дело.

– Слушай, не надо позорить нас. Стыдно! Ты хоть знаешь, о чем говоришь?! Эту путевку я с нетерпением жду уже два года. Сколько раз просила, умоляла, звонила, заходила в завком. Спасибо людям – помогли. Мехти, дай бог ему здоровья, с боем выбил специально для меня. А теперь, когда она у меня в руках, ты хочешь все перечеркнуть – с таким трудом добытую путевку взять и вернуть назад. Нет, я не позволю! – сказала жена.

До этого момента она говорила тихо. А здесь не выдержала и повысила голос. Но сразу опомнилась, оглянувшись, посмотрела на балкон: хотела знать – девушка там, услышала ли она ее голос? Девушки там не было. Хозяйка на время даже успокоилась, но все равно была настроена против студентки: «Зачем в нашем доме живет чужой человек? У каждой семьи есть свои проблемы и секреты. Посторонний человек зачем должен вникать в эти дела?»

Исмаил оглох, ослеп. Его мысли были заняты другими вопросами – он думал о сплетнях. Как и всякое человеческое сообщество, этот старейший завод с его семитысячным коллективом имел своих сплетников. В ночной смене процветала теневая любовь – она, как летучая мышь, любит темноту. Специфические особенности работы – круглосуточность, трехсменность – формировали там особую систему сплетен.

Вся информация о сотрудниках копилась в отделе кадров завода. А там все, в том числе и начальник отдела, были женщины. К официальным данным каждого работника они устно добавляли и сплетни о нем. Это была особая работа. Все сплетни были тщательно собраны, систематизированы и обобщены. Сомнительные моменты уточнялись в других источниках. Потом составлялся устный текст, его оттачивали, шлифовали. В конце концов он приобретал окончательную форму. Никаких лишних слов, все четко и лаконично. Содержание его состояло из смеси лжи, полуправды и вероятных предположений. Из уст же людей звучал он как абсолютная истина или аксиома – отвергать, оспаривать его невозможно было. За считаные дни эта информация становилась достоянием всего коллектива, и все знали: какой начальник флиртует со своей секретаршей, какие женщины в ночной смене изменяют своим мужьям и т. п.

Такие же сплетни будут распространяться об Исмаиле и о его жене: «А вот это Исмаил. А вы его не знаете? Таких людей надо знать. Неплохой человек, хороший слесарь. Женат. Пятнадцать лет тому назад женился, а детей не было. Жена долго лечилась. Наконец все это надоело ей и она нашла человека, с ним договорилась. Потом взяла путевку и с этим же человеком съездила в санаторий, он за месяц ей сделал ребенка. У них проблема была, а теперь уже нет: его умная и практичная жена нашла очень оригинальный выход. Теперь живут нормально, очень счастливая пара: жена – аферистка, а муж – лопух». Эта глупая женщина своими глупыми выходками опозорит себя и его.

Было уже поздно. Девушка на балконе потушила свет и легла спать. А «бой» еще продолжался. Исмаил сильно устал, совсем мало говорил. Умело воспользовавшись этим, жена перехватила инициативу:

– Ты хочешь сказать, что об этой путевке я тебе ничего не говорила? Неправда! Я тебе сказала, даже неоднократно сказала. Неужели ты все забыл? Не может быть, ты должен вспомнить!

Ее слова звучали искренно и убедительно. Исмаилу стало совестно: да, такое было, она действительно несколько раз ему об этом рассказывала и каждый раз особо подчеркивала, что ей стыдно было говорить об этом с Мехти – он же мужчина, но спасибо бухгалтеру завкома, суть вопроса объясняла председателю именно она. Он был в курсе, но забыл. Потому что был сыт по горло ее рассказами о якобы чудодейственных свойствах каких-то священных мест – храмов, пиров, – дорогостоящих и длительных лечениях, которые в конечном итоге дают стопроцентные результаты. Очень много рассказов было. Исмаил запутался, их сюжеты в его сознании переплетались, он уже не помнил, какая история где начинается, чем кончается… Жена часто рассказывала о таких вещах, но при этом его сознание автоматически переключалось на что-то другое, а жена говорила и говорила… А он вроде слушал, но ничего не понимал. Ему было жалко жену: она, бедная, старалась во что бы то ни стало стать матерью и сохранить целостность семьи. Исмаилу казалось, что большинство этих рассказов жена специально сочиняет для того, чтобы заморочить ему голову, одурманить его. Дошло до того, что однажды она начала рассказывать о чудодейственности какого-то индийского храма в сочетании с кокосовым орехом. По ее рассказам, оказывается, в Индии есть гора Бадри, а на этой горе – очень древний храм. Люди, у которых нет детей, едут туда и молятся. Муж и жена должны вместе ходить и вместе молиться. Но это не все. Они должны еще и кушать кокосовый орех, который растет в окрестностях храма, прямо в лесу. Местное население собирает орехи и продает паломникам. Орех, правда, очень дорого стоит, но действует наверняка: ровно через год в семье рождается ребенок, и, как ни странно, всегда мальчик.

– Слушай, хватит сочинять сказки, – сказал Исмаил.

– Я сказки не сочиняю, – обиженно сказала жена. – Об этом написано в книге. Зина тоже все это читала в книге, потом на работе рассказала мне. Она еврейка, много книг читает.

Ее слова звучали уверенно. Исмаилу пришлось уступить:

– Допустим, что все это правда. А как мы поедем туда? Это же в Индии. Насколько я помню, на заводе всего один раз была туристическая путевка в Индию, всего одна путевка была, и она очень дорого стоила. В завкоме долго обсуждали, кому же из работников дать ее со скидкой. Но, как ни странно, ее совершенно бесплатно дали этому наглому выскочке – передовику производства.

– Герою, что ли?

– Нет, другому, который с каждым днем наглеет и совершенно не работает. Он вроде рабочий, а ходит как министр и охотится за импортной мебелью, квартирой и дефицитной путевкой…

– У него тоже детей нет?

– Дети есть. Если очень дорогую путевку дают совершенно бесплатно, почему не поехать в Индию? Так что учти, если даже в Индию будет путевка, ее нам не дадут, мы же не передовики производства.

– Я не говорю про Индию. Я просто хочу сказать, что все в руках Аллаха.

– Насколько я знаю, в Индии люди не верят в единого Аллаха. У них другой бог, точнее, богов у них много. Их боги нас, мусульман, не поймут и не примут. Такое место надо найти где-нибудь поблизости.

– Такой же храм, но мусульманское священное место, был и в Азербайджане, – сказала жена и начала подробно рассказывать о Биби-Эйбатской мечети в поселке Шихово города Баку.

Оказывается, сорок лет назад ее разрушили. Чтобы ее окончательно разрушить и не оставить следов, использовали динамит. Только таким путем удалось сровнять мечеть с землей. Жена Исмаила сама все это рассказывала, а в конце спросила:

– Зачем они взорвали храм?

Исмаил молча пожал плечами. Его удивила информированность жены. По этой части она практически все знала, и это говорило о том, что все ее мысли, чувства заняты только этим.

– Завтра ты поедешь на завод и напишешь заявление на отпуск, – сказала жена. – Больше ничего не надо. Отпускные можно получить потом. У нас деньги есть, и можно обойтись без твоих отпускных. Поедем вместе – так должно быть, ты сам тоже хочешь, чтобы так было. Там, говорят, недалеко от санатория можно снимать квартиру.

Была поздняя ночь. Исмаил своим сонным сознанием убедился, что у его жены никакой задней мысли не было и нет. Но женщинам нельзя доверять – он так думал, в далеком и чужом краю ее без присмотра оставлять тоже нельзя. Поэтому сказал:

– Завтра я тебя отправлю. А сам поеду на работу и оформлю отпуск. Отпускные получу и приеду к тебе.

Наконец был найден компромиссный вариант. Но уже было очень поздно. Сразу же потушили свет и легли спать. А утром почти проспали. В спешке они вышли из дома. Исмаил нанял такси, чтобы с женой поехать на вокзал, а потом успеть на работу.

* * *

Жена уехала, Исмаил остался дома. Студентка же, как и прежде, продолжала жить у них и готовиться к экзаменам. Правда, перед отъездом хозяйка дома твердо решила поговорить с ней и срочно отправить ее домой. Но так получилось, что она не успела даже заикнуться об этом. Исмаил должен был ехать за женой. Но вдруг ситуация так изменилась, что он передумал, даже отпуск не оформил.

К концу сентября, когда жена Исмаила вот-вот должна была вернуться домой, студентка чувствовала себя плохо: у нее кружилась голова, бывало, ее рвало, появились проблемы с аппетитом, и главное – ей очень хотелось есть соленое, кислое… Об этом она Исмаилу ничего не сказала. Сама пошла на базар, купила соленые огурцы и помидоры. Соленого она так жаждала,

что, не отходя от прилавка, взяла один огурец, на глазах у продавщицы стала жадно и с каким-то особым хрустом есть. Продавщица – краснощекая лезгинка, женщина лет пятидесяти с доброй улыбкой на лице – исподтишка посмотрев на нее, сказала:

– Баджы гызы, ты беременна.

Девушка испугалась, а лезгинка подумала что она не поверила в ее слова.

– У меня шестеро детей, – сказала женщина. – Всех вырастила, поставила на ноги. Девушки замуж повыходили, парни женились; у них у всех есть дети, а у меня – дюжина внуков и внучат. По опыту я знаю лучше любого доктора и уверяю тебя: ты беременна. Я вижу это по твоим глазам, по твоему лицу и поведению. Ты беременна. Соленое тебе нужно. Давай я взвешу тебе еще одно кило соленых. Они очень хорошие; сегодня, на твое счастье, хорошая бочка попала. Потом не будет.

Лезгинка говорила правду и хотела убедить девушку, что она действительно беременна, поэтому должна купить еще один килограмм соленых огурцов и помидоров. А та отреагировала по-другому: она подумала, что лезгинка живет где-то поблизости и ее знает, своей проницательностью она точно угадала, в чем дело, и сейчас будет публичное разоблачение.

Нельзя было медлить. Девушка быстро отошла от прилавка и в сильном волнении вернулась домой. Даже до этого – до диагноза лезгинки – она сама уже начала подозревать. У нее и срок менструации прошел. А продавщица не оставила даже тени сомнения: она беременна. Это замечают даже посторонние люди. Скрывать уже было нечего. Поэтому, когда Исмаил пришел домой, она ему сказала:

– Я беременна.

Исмаил не поверил своим ушам. Нет, не может быть, он, наверное, ослышался. Но все равно ему было очень приятно слышать эти слова; они действовали как молодое вино, выпитое на голодный желудок, – сразу ударило в голову. Исмаил чуть было не опьянел. Но у него были какие-то сомнения: он не мог окончательно поверить в истинность ее слов. Может быть, студентка шутит или просто его разыгрывает.

– Это точно? – спросил он и очень внимательно, даже слишком серьезно посмотрел ей в глаза.

Девушка молча качала головой, а это означало, что все точно.

– Ты не шутишь?

– А зачем шутить? Делать нечего, что ли? Это очень серьезное дело. Я пропала, – сказала она. Весь ее облик выражал горечь и сожаление. – Нет, я не шучу, – дрогнул ее голос. – Вот уже несколько дней у меня проблема с аппетитом: хочу кушать, даже больше, чем прежде. Но терпеть не могу мясное – от мясного у меня тошнота, меня уже два раза вырвало. Не могу переносить запах лука. Хочу поесть что-нибудь кислое, соленое. Мне стыдно было сказать тебе, сегодня сама ходила на базар, купила соленые огурцы и помидоры. Слюна потекла, я не выдержала и, не отходя от прилавка, стала жадно есть соленый огурец. А продавщица, пожилая лезгинка, оказывается, за мной наблюдала и сказала: «Баджы гызы, ты беременна». Я, говорит, мать шестерых детей, по своему опыту знаю лучше любого доктора и уверяю тебя: ты беременна. Она права. У меня и срок менструации прошел. Она должна была начаться восемь дней назад. Но ее нет. У меня все было четко: проходит двадцать восемь дней, сразу начинается менструация. А теперь ее нет и нет. Никогда такого не было. Все это признаки беременности. Я беременна, – так сказав, она стала тихо и горько плакать. – Не знаю, что делать, как избавиться от этого? Единственный выход – это аборт. Но у меня первая беременность, и если сейчас сделаю аборт, потом у меня детей не будет; после этого аборта я больше никогда не забеременею и не стану матерью. Не знаю, что делать…

Исмаил молча сидел и слушал. Он уже убедился, что студентка не шутит, она на самом деле беременна и забеременела от него. Она от него забеременела – какая радость! Сколько лет он ждал, но так и не дождался, что в один прекрасный день наконец-то жена обрадует

его и скажет: «Я беременна». Прошло десять лет. Исмаил этих слов не слышал. Десять лет – срок немалый. После этого он устал и потерял веру в свою жену; он уже твердо знал, что она никогда не забеременеет и не станет матерью. Но ей об этом ничего не говорил, даже сделал вид, что, как и прежде, верит в ее сказки о разных лечениях, которые рано или поздно дают свои положительные результаты.

К десяти годам прибавилось еще пять лет. А за это время Исмаил потерял веру в себя: наверно, он сам тоже как мужчина – с какими-то проблемами. Если у человека есть проблемы со здоровьем, он идет к врачу. А Исмаил не ходил к врачу. Ему давно намекнули, некоторые близкие люди даже прямо сказали, что надо обратиться к врачу. Мало ли, что люди говорят, Исмаил им не отвечал, а про себя думал: «Зачем ходить к врачу? Это, во-первых, стыдно и унижает. Во-вторых, зачем ходить к врачу, если в принципе жаловаться-то не на что? Врач что сделает, что он будет лечить?» Нет, он не пойдет к врачу.

Прошло пятнадцать лет. Жена продолжала лечиться, а Исмаил не ходил к врачу и потерял веру в себя. Этот внутренний перелом проявил себя в его поведении: он замкнулся, стал мнительным и раздражительным. В его голове были одни мрачные мысли, он томился в тисках мрака. Ему нужны были разрядка и облегчение. А поделиться не с кем было. Что сказать жене, если она сама на этой почве почти свихнулась? Товарищи по работе… Им ничего не надо говорить, они все знают, сами же часто ему напоминают, что у него детей нет.

Создав себе семью, все его товарищи по работе стали отцами и перестали платить налог на бездетность. Теперь они даже пользуются какими-то льготами, потому что детей у них стало больше. Исмаил же вот уже двадцать лет платит налог на бездетность и до конца жизни будет платить.

Общество вправе воздействовать на человека, чтобы он создал себе семью. Пока нет семьи, можно его оштрафовать и взять с него налог на бездетность. Но если мужчина женился и при этом стало ясно, что, оказывается, он болен, у него детей не будет, тогда что делать? Нельзя же человека наказать за то, что он болен. Это же дико…

Каждый месяц кто-то из его товарищей по работе берет отпуск. Оформляя отпуск, он буквально каждому рассказывает о своих планах: «Детей возьму и поеду в деревню», или: «Дети хотят в цирк. А я не могу, потому что работаю. Теперь можно…» Август, сентябрь – разговоры только о детях, а у Исмаила нет детей. Кто-то не может найти хорошую школьную форму, у кого-то проблема с учебниками. Люди что-то ищут, спрашивают друг у друга. Даже у Исмаила спрашивают:

– Ты своим детям все учебники купил?

А в это время кто-то вмешивается:

– Нашел ты, у кого спросить… У него же детей нет.

– А, да, ты прав. Действительно, у него же детей нет.

В третьей декаде декабря начинаются разговоры о билетах на новогоднюю елку. Цехком с блокнотом в руках обходит все участки цеха и со всеми работниками беседует лично, делает записи.

– У тебя сколько детей? – очередь дошла до Исмаила, и цехком деловито спрашивает у него.

– А зачем тебе это? – на время отрываясь от работы, спрашивает Исмаил.

– Мы будем давать бесплатные билеты тем родителям, у которых есть дети до семи лет. У тебя есть маленькие дети или все они выросли?

Исмаил молчит, явно медлит с ответом, а у цехкома времени совсем мало, он торопится. Исмаил тоже странный человек, его медлительность цехкому на нервы действует. Но вдруг он вспоминает: у Исмаила же детей нет. Ему становится неловко. Все равно надо извиниться:

– Извини, пожалуйста, я совсем забыл, у тебя же детей нет…

Цехком подошел уже к другому работнику. Но прежде чем спросить, сколько у него малолетних детей, он считает нужным рассказать ему то, что случилось недавно:

– Честное слово, я совсем потерял голову. Пристал к Исмаилу и говорю: «Сколько у тебя малолетних детей?» Он молчит, а я жду и нервничаю. Вдруг вспомнил и про себя сказал: «Елки-палки, у Исмаила же детей нет. Чего я пристал к нему?» Представляешь? Вот такая у меня работа: вас много – двести семьдесят человек, а я один.

– Так нельзя, товарищ цехком, – в их разговор вмешивается другой работник. – Ты профсоюзный лидер, отец рабочего класса и должен знать каждого из нас как свои пять пальцев. Свои оплошности не надо аргументировать тем, что нас много, а ты один. Пример бери у Мехти. Думаешь, он не знает, что у Исмаила детей нет? Знает. На заводе семь тысяч человек, а он их всех знает, у кого какие проблемы – это тоже хорошо знает. Ты сколько лет работаешь в нашем цехе, а не знаешь, что у Исмаила детей нет. Мы все знаем, что у человека детей нет, а ты, цехком, не знаешь и задаешь ему неуместные вопросы.

– Да я тоже знаю, что у Исмаила детей нет. Но в какой-то момент забыл, понимаешь? Бывает же, иногда человек даже свое имя забывает. Я тоже забыл, но тут же опомнился и сказал: «Извини, пожалуйста. Я забыл, что у тебя детей нет».

«Господи, они с ума сошли или же, сговорившись, издеваются надо мной! Что за люди, у них других проблем нет, что ли? Целый день меня обсуждают…» – так думал Исмаил, и, чтобы успокоиться, хотелось как можно скорее вернуться домой. А дома жена морочит ему голову. Покоя нет. На каждом шагу оскорбляют человека, ранят его и так раненое сердце.

А теперь другой очень важный момент в жизни Исмаила. На этом этапе тоже он встретился с сопротивлением общества. Наконец-то у него появился шанс стать отцом! Но общество, которое беспощадно бичует его за бездетность, не готово принимать его ребенка. Общественное мнение без соответствующей документации не признает и не принимает таких детей.

– Нет, ты не должен был родиться, – говорит оно.

– Но извините, пожалуйста, так получилось, что я не успел оформить документы и родился. Теперь, по-вашему, что я должен делать?

– Умереть.

– Как это умереть? Вы такой авторитетный и солидный, такой волевой и всеобщий, безусловно, знаете, что это самосуд, беззаконие. Вы не имеете права. И учтите, что я не один, таких, как я, очень много.

Но все эти споры не в состоянии что-либо изменить. Оно, общественное мнение, непоколебимо и в нужное время через кого-то действует очень четко. Студентка уже готова убить свое дитя. Она так увлеклась, что готова сейчас же, немедленно приступить к делу. Преступление начинается с преступного намерения. Общественное мнение оглушило все святое и прекрасное в ней, она готова на все – и умертвить своего ребенка, и искалечить себя – лишь бы удовлетворить его требования. Но пока медлит, потому что еще рано. Как только созреет плод, она без промедления пойдет к врачу, а там ей сразу же сделают аборт.

Сейчас она говорит: «Не знаю, что делать». И кажется, что она думает, ломает голову и решает дилемму: сделать аборт или нет? А это всего лишь видимость, обман и больше ничего. Она дилемму не решает. Дилемму решили давно: она пойдет по этой же тропе и сделает аборт – убьет своего ребенка, а сама станет калекой на всю жизнь.

Исмаил, сгорбившись, сидел, как старый сапожник, и думал. Девушка принесла чай, поставила на стол, а уходя, спросила, когда он будет есть. А ему не до еды было – он думал, поэтому сказал, что аппетита нет, пока не будет. Исмаил думал. Он обвинял всех: и конкретных людей, и общество, а также государство с его налоговой системой. Но он простой человек и не умел мыслить научными категориями. Общество для него – в первую очередь население деревни, откуда он родом. Что бы он ни делал, всегда учитывал этот фактор. Даже работая в таком большом коллективе, он все равно учитывал и мнение населения своей деревни. Для

него это была доктрина и висела над головой как дамоклов меч. Но со временем возросло и значение трудового коллектива, где он работал долгое время. В целом же для него общество состояло из двух основных сообществ: земляков-односельчан и коллектива завода.

Выпив стакан чаю, он начал обсуждать себя: «А ты как отец ребенка, что ты должен и что будешь делать?» – спросил он, обращаясь к самому себе. Вопрос, безусловно, очень серьезный, но прежде чем ответить, он с удовольствием улыбнулся. Потому что словосочетание «отец ребенка» ему очень понравилось. Все так просто и естественно: отец ребенка. И как красиво звучит это: отец ребенка. Для него это совершенно новый титул, но никаких неудобств и дискомфорта не ощущалось, все как раз впору. Да, действительно, он отец ребенка, девушка же забеременела от него. Но он ее не соблазнял, не уговаривал и ничего не обещал. Просто так получилось, что в какой-то момент они словно стали фигурами на шахматной доске и чья-то невидимая рука двигала ими. Все диктовали условия, в которых они оказались поневоле.

Как только жена уехала и они остались вдвоем, Исмаил начал испытывать какую-то неловкость. Отсутствие хозяйки дома нарушило привычное и удобное равновесие. Разговаривая со студенткой, он смущался и робел. Ему казалось, что при этом он даже краснеет. Впечатление было такое, как будто он не взрослый мужчина, а десятилетний мальчишка, эта девушка же намного старше его и ему только в матери годится. Это было таинственно приятно и привлекало. Но его сознание не одобряло это и такое состояние считало неприемлемым, даже опасным. Исмаилу казалось, что он работает в мастерской, а на стене, почти рядом, торчат концы электропроводов: монтер снял розетку, которая часто выходила из строя оттого, что все время включали электрочайник, а в обеденное время жарили картошку, Дадаш включал еще самодельную электроплитку, которая расходовала очень много электроэнергии. Розетку сняли, новую же пока не поставили, а концы неизолированных электропроводов опасно и угрожающе – как головы двух змей – торчали на стене: тронешь – убьет! Он это видел, знал и имел в виду. Но он работал, временами же так был поглощен, что забывал о «змеях», зловеще торчащих из стены. Надо было соблюдать дистанцию и держаться от них подальше.

Исмаил так и делал: задерживался на работе, домой возвращался поздно. Поужинав, сидел у телевизора и смотрел разные передачи. В одиннадцать часов выключал телевизор и ложился спать. А девушка сидела на балконе и самоотверженно занималась – готовилась к экзаменам. В условиях нарушенного равновесия ей тоже было неудобно: она испытывала дискомфорт и неловкость. Ей было тяжело, она даже собиралась уехать в деревню. Но то ли леность, то ли сложность решения уймы вопросов, связанных с новым перемещением, пока удерживали ее от решительных действий. Она продолжала жить по-старому, а в новых условиях единственно новое было то, что она избегала встречи с хозяином дома. Но в новой обстановке функции домохозяйки автоматически перешли к ней. Она выполняла свою миссию и при этом вела себя очень корректно, как говорится, делала самые необходимые ходы: после возвращения с работы Исмаилу подавала чай, ужин, потом убирала посуду, мыла… Оба вели себя очень предупредительно, сторонились друг друга. Казалось, найден выход и до конца месяца так будет продолжаться.

Но однажды – это был уже четвертый день отсутствия хозяйки дома – к десяти часам вечера свет отключился. Исмаил встал, телевизор выключил и, оглянувшись, посмотрел на балкон. Девушка на балконе суетливо возилась. Если бы он был один, то сразу же лег бы спать. Но в его доме гость – там на балконе в темноте возилась студентка. Исмаилу стало совестно. Он зажег спичку и начал искать керосиновую лампу, которую дома держали как раз для таких случаев. Лампу он нашел быстро. Не открывая крышку, по тяжести определил, что керосина в ней достаточно. Только надо было почистить ее стекло и зажечь фитиль. А все это следовало делать на балконе.

– Я принес лампу, – зайдя на балкон, сказал Исмаил. – Сейчас мы ее зажжем. А ты при свете лампы садись и занимайся.

– Зачем такие сложности, – неловко улыбаясь в темноте, сказала девушка. – Рано или поздно все равно свет дадут. Сейчас уже одиннадцатый час, а после этого практически не надо заниматься.

– Надо. Ты же всегда занимаешься допоздна. В лампе керосин есть. Но долгое время ее не использовали. Поэтому стекло запылено, его надо почистить. А как это делают, ты, наверное, лучше меня знаешь.

При свете спички девушка почистила стекло-дымоход. Теперь надо было зажечь фитиль. Длительный простой повлиял и на это: зажечь лампу стало проблемой. Девушка хотела покрутить ручку, но она так заржавела, что с места не сдвинулась. За дело взялся Исмаил, и он сразу понял, что его рука и пальцы сильны, но здесь большой силы не надо, иначе ручка сломается и тогда придется эту лампу просто выбросить. Потом воевать с ручкой вновь принялась студентка. Она как женщина и имеющий в этом деле опыт деревенский человек хотела как-нибудь зажечь лампу. А без помощи со стороны нельзя было обойтись. Исмаил зажигал спички, гостья же усердно пыталась. Но пока результата не было – лампа продолжала упорно сопротивляться.

Мужчина и молодая девушка в темноте возились с лампой. Они были насколько поглощены этим занятием, что забыли о правиле соблюдения необходимой дистанции – граница часто нарушалась. Конечно, непреднамеренно, но все равно их руки и другие части тел часто соприкасались. Как нельзя прикасаться к оголенным концам провода, который под напряжением, так и нельзя было допускать частых соприкосновений частей тел двух противоположно заряженных людей, тем более в темноте, ночью, когда не только дома, но даже поблизости никого не было…

Произошло то, что не поддается описанию. Как описать инцидент, если его непосредственные участники сами не поняли, что случилось и как это вышло? Как будто они были под наркозом или во сне, очнулись же – было поздно.

Произошло то, чего они больше всего остерегались. Они не только избегали этого – даже при мысли о том, что такое может случиться, их обуревал страх. Поэтому вели себя очень корректно и осторожно. Но в какой-то момент как будто сам черт попутал их. Они ослепли. То ли случайно, то ли по стечению обстоятельств произошло нечто катастрофическое, – так утром по дороге на работу думал Исмаил. Весь день на работе только об этом и вспоминал. Катастрофа, и выхода нет. Одно было ясно: будет очень грязный скандал. Замять это дело невозможно. Девушка, наверное, взяла свои вещи и уехала в деревню, чтобы срочно сообщить родителям о своей беде. А те вечером приедут на такси. Всю ночь в его доме будет грязная разборка: невыносимый шум, крик, истерика… Вот беда! Исмаил опозорится окончательно…

После работы он сразу же приехал домой. Но, как ни странно, девушка не уехала. Интересно… Наверное, она хочет с ним обсудить это дело и скажет: «Тебе не стыдно? Ты взрослый мужчина, воспользовался случаем и поступил со мной подло…» – и еще многое другое скажет и будет права. Да, пусть выскажет все, что хочет. Он ей не ответит, потому что для оправданий у него слов нет. Но в самом конце он ей скажет: «Бог свидетель, я этого не хотел. Остерегался и всеми силами избегал. Но, несмотря на все эти меры предосторожности, получилось именно вот так. Здесь злого умысла не было. Но, как назло, вышло совсем по-другому». Он это скажет не для самооправдания. Нет, он не собирается уходить от ответственности.

Вот с таким настроением зашел он в свой дом – как будто это был не дом, а эшафот. Ничего не поделаешь – что было, то прошло. Надо вести себя достойно. Он, как и в прежние дни, поздоровался с девушкой.

– Добрый день, – сказала она и спросила, будет ли он пить чай.

– Если чай есть, можно, – сказал Исмаил, как всегда, сразу же включил телевизор и сел на свое место.

Девушка принесла стакан свежезаваренного чая, а уходя спросила, когда он будет есть. Биение сердца участилось, и все это он трактовал по-своему: студентка все делает по правилам

и хочет сказать, что да, со мной случилась беда, но я не зверь, и этот вопрос будем обсуждать по-человечески; ты пришел с работы, устал, голодный, пей свой чай, потом поешь, а затем будет разговор.

– Как только выпью чай, после этого сразу же буду ужинать, – Исмаил торопился и торопил события: домой он вернулся раньше обычного, специально убрал и временной промежуток между чаепитием и ужином, который обычно длился минимум тридцать минут. Но вместе с тем он неожиданно даже для самого себя как-то неестественно оживился, уже стал вести себя так, как будто ничего серьезного не случилось. А это, по его же мнению, должно было выглядеть комично. – А что будем есть?

– Долму[1].

– Долму. Это хорошо. Долму я очень люблю.

– Я знаю.

Последние слова девушки звучали так, как будто они уже десять лет муж и жена и она по своему опыту точно знает, что он особенно любит. Исмаилу было приятно: «Честное слово, это непохоже на разборку, даже не пахнет ею», – про себя сказал он, а вслух произнес:

– Ее готовить трудно, надо долго возиться. У тебя столько дел, еще надо готовиться к экзаменам. Не надо было так затруднять себя. Достаточно было сделать что-нибудь попроще.

– Долго возиться, зато вкусно.

«Нет, я не могу уловить нотки обиды, разочарования или гнева», – думал про себя Исмаил и никак не мог разобраться, что же происходит.

Экстренный ужин закончился. Девушка посуду убрала, помыла. Потом ушла на балкон и стала заниматься. Исмаил был приятно удивлен: почему они не обсуждают вчерашнее ЧП? Долму обсуждали, а это – нет. Инициатива должна исходить от нее, она ведь, как говорится, пострадавшая сторона. А она, как и в прежние дни, спокойно сидела на балконе и читала, писала…

* * *

Начиная с этого дня каждую ночь они вкушали запретный плод, который был очень сладким. Он так завораживал и притягивал, что невозможно было устоять. Произошло то, чего оба старались избежать. Но, увы, не удалось. И потом, бояться было нечего. Оба были уверены, что все пройдет бесследно – зачатия не будет. Исмаил давно внушил себе, что женщины от него не беременеют, поэтому без оглядки предавался соблазну. То же самое думала девушка: у них детей нет, значит, Исмаил не способен зачать ребенка и в принципе опасаться-то нечего. Как и Исмаил, она тоже без оглядки предавалась воле соблазна. Праздник любви продолжался. Три недели так прошли. Но вдруг выяснилось, что оба они ошиблись – студентка уже беременна…

Исмаил долго думал. Наконец пришел к выводу, что судьба его долгожданного ребенка, а также судьба этой девушки – матери его ребенка – зависит от него. Кто что думает, какое сообщество будет его осуждать, а какое одобрять – это не его дело. Всем этим разношерстным мнениям грош цена. Как говорится, пусть судачат. А он должен действовать – сделать все от него зависящее, чтобы спасти своего ребенка и его мать. Это будет сложно. Ну и пусть.

Исмаил расправил свои плечи и выпрямил спину. Он уже не был похож на старого сапожника. Казалось, он даже помолодел. Молодцевато-бодрым голосом он позвал девушку, сказал, что хочет есть.

– А что ты приготовила на сегодня? – спросил Исмаил.

– Я сварила хороший борщ без мяса. Запах мяса не могу переносить, – сказала девушка. – Но в холодильнике есть вкусная колбаса. Пока ты все это съешь, я пожарю и картошку.

[1] *Голубцы.*

– Ты не нагружай себя, тебе нельзя, – сказал Исмаил.

Это звучало как-то особенно и очень тронуло девушку; как голодная собака сразу чует запах мяса, она тоже сразу угадала скрытый смысл этих слов: он уже начал заботиться о матери своего ребенка. – Картошку жарить буду я. Это я умею, и ты сама убедишься.

Нельзя было терять время. Исмаил это знал и действовал четко. Он нашел квартиру в отдаленном жилом массиве города, девушку переселил туда. Вскоре его жена вернулась домой. Он законно развелся с ней, взял пиджак и покинул свой дом.

Здесь я вынужден был вмешаться:

– Получается, Исмаил поступил очень благородно и оставил свой дом первой жене?

– В принципе так получается, – сказал Луноход. – Но эта квартира не его была. В этом жилом массиве некоторые дома считаются аварийными. Сами здания в нормальном состоянии, но они находятся в зоне, где проходит трубопроводная трасса завода. Когда-то комиссия проверяла, и все они были включены в список аварийных. Завод вынужден был построить многоэтажный дом, жильцов этих домов переселил туда. Их дома начали разрушать. Но здания, которые находились на окраине зоны, не разрушали, их временно оставили, стали использовать как семейное общежитие. Их временно дают тем работникам завода, которые стоят на квартирном учете, но остро нуждаются в жилье. Исмаил тоже получил эту квартиру как семейное общежитие, то есть временно. А после развода с женой покинул ее, снял квартиру, женился на этой девушке. Долгое время, если не ошибаюсь, более пяти лет, они жили квартирантами. У них родилось двое детей. А когда появился третий, подошла очередь Исмаила и он получил квартиру. Я у него был, все видел своими глазами: хорошая квартира. Некоторые говорят, мол, это же первый этаж. Ну и что? Зато каменный дом, хороший район. Скоро там будет и станция метро.

– Мне тоже нравится там, отличное место. Поблизости нет автотрассы, базар недалеко, – сказал я. – А его первая жена как, она до сих пор живет в этом аварийном доме?

– Нет. Она тоже получила новую квартиру.

– Даже так…

– Да. После развода с мужем она сама встала на квартирный учет. Но, в отличие от Исмаила, ей не пришлось скитаться по чужим квартирам. Она почти одновременно с ним получила однокомнатную. Многие не хотят однокомнатную, люди желают получить минимум двухкомнатную квартиру, а бывшая жена Исмаила одинокая женщина, она получила свою однокомнатную квартиру и живет там.

Луноход прервал свой рассказ, оглянулся и, обращаясь к водителю, сказал:

– Видишь там девятиэтажные дома, – он рукой указал на ряды жилых зданий, – а среди них у одного дома главный вход окрашен белой краской?

– Да, вижу, – сказал водитель.

– Я живу в этом доме.

Автобус остановился недалеко от здания, где жил Луноход. Попрощавшись с нами, он вышел из автобуса и своей неординарной походкой пошел домой. Его рассказ меня очень заинтересовал. Я опять вспомнил свою встречу с семейством Исмаила: жена стояла с тремя детьми – старшие рядом с ней, а маленький у нее на руках, слева от них стоял Исмаил и разговаривал со мной. Эта картина осталась в моей памяти на всю жизнь. И все благодаря Луноходу.

Там, в Кременчуге…

Если посмотреть со стороны, наша школа была красивой. Двухэтажное красивое здание. Раньше оно принадлежало местному дворянину – Джумшудбеку. Советская власть конфисковала его и передала в распоряжение детей местного населения. Я тоже учился в этой школе.

На большой перемене я поднялся на второй этаж, где в самой крайней комнате этого красивого здания занимались ученики четвертого класса. Мой старший брат тоже учился в четвертом. Я сам был во втором классе, а мы, второклассники, занимались на первом этаже. Вообще-то я не любил ходить к брату в класс. Он тоже никогда не приходил ко мне. Но это был особый день, поэтому я поднялся на второй этаж и зашел в нужный кабинет. Была перемена, а в классе находились всего двое: мой брат и сын председателя колхоза. При виде меня сын председателя, зловеще улыбаясь, сказал:

– А-а, смотри-ка, у него медаль!

Он был прав: действительно, с левой стороны у меня на груди была медаль, хорошая настоящая медаль. Она так блестела… Я нашел ее недавно. Вчера как-то случайно я заметил, что мой старший брат открыл чемодан, который всегда стоял в углу нашей единственной комнаты, а на нем лежали одеяло и одежда. Из чемодана он вытащил какой-то сверток. А в свертке этом, оказывается, были ордена и медали отца, полученные за участие в войне.

Отец был фронтовиком. Но он не призывался в армию в связи с началом агрессии фашистской Германии. Когда началась война, он уже был в армии. Вернулся же весной 1944 года – его демобилизовали как инвалида войны. Спустя годы он иногда рассказывал о войне и, как правило, всегда упоминал украинский город Кременчуг, где был тяжело ранен, попал в госпиталь и совершил побег из госпиталя.

В то время я был маленьким, и война была для меня очень далеким прошлым. Меня больше интересовали фильмы о войне, чем рассказы живых людей – участников войны. Поэтому отцу я не задавал вопросов, даже не интересовался, где он был до Кременчуга. Отец же в основном рассказывал об этом городе. При первой же возможности он начинал со слов: «Там, в Кременчуге…»

Впоследствии, когда отца уже не было в живых, на основании его рассказов я пришел к выводу, что он участвовал в широкомасштабной ПолтавскоКременчугской военной операции, которая началась летом 1943 года. Это очень крупная военная операция, в результате которой была освобождена Левобережная Украина и советские войска форсировали Днепр. Город Кременчуг же был атакован 5-й и 53-й армиями, которые, вклинившись в оборону противника, в течение двухдневных боев – 28 и 29 сентября – освободили город. Значит, отец был в составе одной из этих армий. В дальнейшем эти армии вышли к Днепру и форсировали его. Но отец о Днепре, о его форсировании ничего не говорил. Значит, его боевой путь закончился в районе Кременчуга, где он был ранен и попал в госпиталь.

Ранений у него было много. В госпитале все его раны вылечили. Осталась одна: осколок то ли от ручной гранаты, то ли от снаряда или бомбы, попав точно в середину предплечья левой руки, прошел насквозь между лучевой и локтевой костями, при этом не проломил их, но в какой-то степени повредил и вышел наружу. После длительного лечения остались следы от этой раны: черное, по краям морщинистое пятно величиной с куриное яйцо – это было на внутренней стороне руки, куда попал осколок, а на наружной части руки, откуда вышел осколок, – темно-коричневая вмятина длиной более десяти сантиметров, шириной же около двух сантиметров.

Тогдашний уровень медицины не позволял быстро вылечить сквозную рану с повреждением двух костей. Ее надо было лечить несколько лет. Процесс улучшения шел очень медленно. Солдат сам с таким ранением уже не годился к военной службе и подлежал демобили-

зации. Но с такой раной отправить его домой было бы опасно из-за гангрены. Однако годами держать его в госпитале тоже было нельзя. Самым же верным способом выхода из этой тупиковой ситуации была ампутация руки от локтевого сустава. Начали готовиться к операции. Молодой человек был в курсе дел и все знал. Сами доктора, а также опытные медсестры ему сказали, что даже в условиях больницы такую рану вылечить в срок полгода-год невозможно. Ты молодой, здоровый человек, сказали ему, не будешь же годами лежать в больнице и лечиться. Люди живут без двух рук, без двух ног, иногда бывает даже хуже. А у тебя не будет только половины левой руки ниже локтевого сустава – в этом ничего страшного нет, сказали ему. Раненый солдат внимательно слушал все эти доводы. Но у него было другое мнение: можно обойтись без ампутации. Да, понятно, у докторов нет времени с ним долго возиться. И обстановка не позволяет – очень много раненых. А у него самого же времени предостаточно: строго соблюдая предписания врачей, в домашних условиях он сам занялся бы лечением своей руки. Но… увы. Завтра будет ампутация. Этого не избежать.

Молодой человек долго думал и наконец… Ведь недаром же говорят, что даже из самого трудного и, казалось бы, безвыходного положения есть минимум два выхода. Раненый солдат тоже нашел выход.

В полтретьего ночи он открыл глаза. Фактически он не спал, просто задремал, делал вид, что спит. Была глубокая ночь. Весь персонал и больные спали. Он встал, оделся, взял необходимые вещи, которые уже заранее были подготовлены, открыл окно палаты и через него вышел из госпиталя, очень осторожно закрыв створку за собой.

Зима была в разгаре. Куда ни глянь – везде лес и снег. Воздух холодный и чистый. В ночной тишине был слышен хруст снега под его ногами. Он шел не оглядываясь и не останавливаясь. Это был побег из военного госпиталя, но он не был дезертиром. Он не совершил побег из тюрьмы или из лагеря. Он был не согласен с решением докторов и без их разрешения покинул больницу. В его действиях не было криминала. Но все равно солдат боялся, что за ним придут, поймают и заставят вернуться назад. Поэтому старался до рассвета как можно дальше отойти от госпиталя.

Наконец стало рассветать – вот он, восток, и ему как раз надо все время идти на восток. Интересно, а в ночной темноте куда шел: на восток или на запад? Если ночью он шел на запад, а днем будет идти на восток, то через несколько часов окажется в окрестностях госпиталя, где, наверное, его уже начали искать. Это очень серьезный вопрос, надо уточнить. Он остановился, огляделся, изучая свои следы, вернулся назад. И, к его радости, выяснилось: даже в ночной темноте он интуитивно шел примерно на восток. Это, конечно, хорошо. А теперь, ориентируясь по зимнему солнцу, он уже точно пойдет на восток. Как военный человек, он хорошо знал свои физические возможности и, по его расчету, уже был примерно на расстоянии пяти километров от госпиталя. Но это не означало, что опасность миновала. Пока светло, надо по возможности увеличить эту дистанцию.

Вокруг были снег и лес. Раненый солдат шел не останавливаясь. Его беспокоили усиливающаяся боль раненой руки и голод. Еды с собой не было. Зимой в лесу что-нибудь найти поесть… Нет, наверное, это будет невозможно. С водой проблем никаких – вокруг снег, а это чистая вода. Но этим нельзя злоупотреблять, иначе заболеешь. И в такой обстановке надо идти без остановок – только это спасет его от жестоких врачей и от замерзания.

Был уже полдень. Обеденное время – как хочется есть! Но еды нет, и пока не на что надеяться. Он продолжал свой путь. По его прикидкам, госпиталь остался далеко позади на расстоянии около десяти километров. Приличная дистанция. Интересно, не обнаружив его в палате, что делали врачи и медсестры?

На западе солнце вплотную приближалось к горизонту. Скоро вечер. Мороз уже усилился. Усилились и боли раненой руки. Чувство голода покоя не давало. В последний раз он ел вчера вечером. Потратив много сил на длинный марш-бросок – и на таком чистом воздухе! – он

сильно проголодался. Вот были бы сейчас тарелка борща с мясом, полбуханки черного хлеба и сто грамм водки… Для полного счастья человеку иногда не очень-то много и надо… Нет, давайте не будем обманывать себя. Еды нет, и неизвестно, когда будет. Голодный человек не должен думать о еде, это обостряет чувство голода. Лучше стараться думать о чем-нибудь другом. Да, о чем-нибудь другом. Нет, не получается. Еда… Украинский борщ с куском мяса не выходит из головы, все мысли вращаются вокруг этой тарелки, порой они спотыкаются о буханки хлеба…

Он остановился в полной темноте. Впереди его ждала длинная, холодная зимняя ночь. Кругом голые деревья и снег. Он страшно устал, уже еле держался на ногах. Куда он идет? Конечно, на восток. Нет, неправда. Сейчас нет уверенности, что он действительно идет на восток, потому что уже ночь и ориентира нет. Скорее всего, он крутится вокруг какой-то неизвестной точки. А если даже идет на восток, от этого никакой пользы не будет. Сколько можно идти на восток? Когда же кончится этот марш-бросок на восток? Кажется, спасая свою раненую руку, он совершил роковую ошибку и окончательно погубил себя… Да, вот дела… А если вернуться назад? Нет, это тоже не спасает. Уже поздно. Он по своей собственной глупости загнал себя в такой тупик, что оттуда нет выхода. Он сам себя погубил. У него уже нет сил идти ни на восток, ни на запад. В эту ночь он погибнет непременно. Мало осталось, скоро ему конец.

Несмотря на эти пессимистичные думы, заблудившийся зимой в бескрайном лесу раненый хоть мало и медленно, но все равно продолжал идти. Он не знал, куда идет. Но это неважно. Сейчас главное – не остановиться. Оказывается, вся эта затея от начала до конца была смехотворно глупой. Да, видите ли, какая гениальная идея: совершить побег из госпиталя, чтобы спасти свою руку! Это ж надо было додуматься. Вот тебе и результат. А теперь пожинай плоды собственной глупости.

Все равно, пока есть силы – а сил уже почти не было – он не остановится. Но для того чтобы всю ночь двигаться, ему на какое-то время надо сесть и чуть-чуть отдохнуть. Ноги так устали… Нет, давайте не заниматься пустяками и делать то, что нужно. Без короткой передышки не обойдемся.

Он уже нашел удобное место, где, прислонившись к дереву, можно посидеть и сделать короткую паузу. Но как только он сел и, расположившись поудобнее, растянул ноги, тут же заснул и спал как убитый. А когда проснулся, уже было поздно: руки и ноги окоченели, он не мог с места сдвинуться.

Раненого в таком состоянии, полуживого-полумертвого, нашли женщины близлежащего украинского села и привели домой. Оказывали ему всякую помощь. Полумертвый солдат оживился, постепенно пришел в себя. Со временем стал даже говорить. Его израненная рука сильно опухла, временами боли так обострялись, что больной стонал, корчился, как змея. Докторов и медикаментов не было. Крестьянкам пришлось лечить его руку дедовскими методами.

Прошли недели. Солдат встал на ноги. Краснота и опухлость руки постепенно начали проходить. О нем сообщили представителям местной власти. Пришли люди, проверяли его документы, спрашивали, откуда он, из какой воинской части и каким образом оказался в лесу, где его нашли селянки. Связались с руководством армии и госпиталя. Все сопоставили, сверили – и все было правильно. К этому моменту состояние руки стало заметно лучше. Учитывая все это, ампутацию отменили. Солдат был демобилизован. Ему дали указание: дома продолжай лечиться дедовскими методами украинских крестьянок. Но одновременно дали и прописали кое-какие лекарства, и он должен был минимум два раза в месяц обращаться к профессиональному врачу.

* * *

Прошло пятнадцать лет. Ордена и медали бывшего фронтовика, припрятанные в чемодане, были обнаружены моим братом. До этого момента я о них ничего не знал. Брат же, видимо, кое-что знал и выбрал благоприятный момент, для того чтобы их как следует осмотреть. А я случайно стал свидетелем и в качестве пассивного наблюдателя присоединился к нему. Мое присутствие даже в таком статусе явно не понравилось брату. Но все равно он продолжал свое дело: из свертка вытащил блестящие штучки, повертел туда-сюда, поднял до уровня глаз, отодвинув чуть дальше от себя, внимательно, даже с каким-то изумлением на лице осмотрел их, потом обратно положил, взял другое… Вдруг в его руках заблестела медаль, которая мне очень понравилась. Забыв о своем статусе, я сказал:

– Дай я тоже посмотрю!

– Нет, – сказал брат, – нельзя.

– Я на минутку. Посмотрю и сразу верну.

– Сказал, нет, и все, – оттолкнув мою протянутую руку, ответил брат. Медаль же он быстро положил в сверток, а сверток – в чемодан… Все в обратной последовательности аккуратно вернул на свое прежнее место и как-то второпях, даже обиженно вышел из комнаты.

Я знал, что кроме нас двоих дома никого нет. Брат вышел и не скоро вернется. Я на всякий случай заглянул во двор: брата там не было. Теперь можно. Я быстро снял вещи, которые лежали на чемодане. Чемодан открыл – он не был закрыт ключом – и вытащил сверток, достал медаль, которая мне очень приглянулась. Она так блестела, как будто сделана была из чистого золота. В ее нижней части был какой-то рисунок. Там еще была надпись на русском языке. Я совершенно не знал русского, поэтому не стал ее читать. Для меня главными были не рисунок и не надпись, главное – сама медаль. Ее блеск, красота и таинственное великолепие завораживали, притягивали. Подражая брату, я начал вертеть ее туда-сюда, поднял до уровня глаз, потом отодвинул чуть дальше от себя и стал на нее смотреть. В отличие от брата, я даже примерил ее на себя. Подходит! И тут же в моей детской голове появилась странная идея: я буду носить ее на своей груди. Конечно, дома не буду, когда пойду в школу – вот тогда буду носить. Вот это будет сюрприз: в школе ни у кого медали нет, а у меня будет настоящая медаль.

На следующий день утром, когда я пошел в школу, эта медаль уже была у меня на груди. Вчера после осмотра я ее в сверток не положил, спрятал в другом месте. Утром же, выходя из дома, нацепил на грудь.

Мы с братом из школы возвращались в разное время. Утром же из дома всегда выходили вместе. Когда мы уже были на улице, иногда слышали голос матери, которая, обращаясь к брату, говорила: «Не оставляй брата. Идите вместе. Он маленький, не позволяй, чтобы другие дети обижали его. Слышишь, что я сказала?» Брат ей не отвечал. Но старался хотя бы формально выполнять ее указания. А как только доходили до ворот школы, он окончательно забывал о моем существовании, даже не интересовался, где я пропадаю, кто меня обижает, кто бьет.

По дороге в школу он всегда шел впереди. Расстояние между нами было примерно пятнадцать метров. Но временами он ускорял шаг – может быть, я сам незаметно для себя начинал медлить, и расстояние стало увеличиваться. Сразу же прямо пропорционально этому начало возрастать мое внутреннее недовольство. Я думал, брат ко мне относится плохо. Он опять оставил меня далеко позади, а сам идет как ни в чем не бывало.

От нашего дома до школы было более одного километра. В середине дороги я уставал и начинал идти все медленнее. Брат же вынужден был останавливаться. Поворачиваясь назад он старался торопить меня:

– Ты давай побыстрее, мы опаздываем на первый урок.

И в этот день мы с братом из дома вышли вместе. Брат, как всегда, шел впереди. А первый раз, когда он остановился, чтобы упрекнуть и поторопить меня, от удивления сначала не знал, что сказать, нахмурившись, молча стоял, с сожалением качая головой, спросил:

– Зачем ты это взял?

Я молча стоял на месте как вкопанный. Подняв левую руку наверх, медаль на груди закрыл так, как будто брат попытался отнять ее у меня.

– В школу так и пойдешь?

Я и на его второй вопрос не ответил. Но весь мой облик говорил о том, что если он будет продолжать в таком духе, я поверну назад, даже в школу не пойду. Брат отвернулся, ускорил шаг, все отдаляясь от меня, продолжал свой путь. Он больше нигде не останавливался, не оборачивался, на меня не смотрел и никаких замечаний не делал.

Когда я дошел до школы и зашел в свой класс, один из моих товарищей, увидев мою медаль, с улыбкой на лице подошел ко мне, потрогал ее и сказал:

– У тебя медаль?

– Да, – сказал я.

– Это на самом деле твоя?

– Конечно.

Я даже не знаю, кто-нибудь из наших учителей заметил, что у меня на груди медаль? Во всяком случае, точно помню, что от них замечаний не получал. Только потом дошло до меня: а что, если бы это увидел учитель русского языка? Он отличался своим резким характером, и, наверное, без острых замечаний не обошлось бы. С войны он вернулся позже всех оставшихся в живых фронтовиков нашего села, потому что там – то ли в России, то ли на Украине – женился. Потом по неизвестной причине оставил жену с двумя детьми и приехал в свою деревню. Здесь женился, дети уже в школу ходили. Без одной ноги – одну ногу ампутировали, с костылем в руках он даже выглядел активнее других преподавателей. Везде и во всем преуспевал. Впечатление было такое, как будто вместе с протезом ему поставили второй двигатель, точнее – второе сердце. Как только вернулся на родину, сразу же заочно поступил в педагогический институт и успешно его окончил. Все время был в движении. Учительская была на втором этаже, а половина классов – на первом. В день минимум десять раз он поднимался на второй этаж, спускался вниз. На переменах с костылем в руках, шаркая своим протезом, часто гулял во дворе школы, и, увидев его, все ученики вели себя заметно скованно, друг друга предупреждали: «Учитель здесь…» В то трудное время многим сложно было содержать одну семью, а он, инвалид без одной ноги, вкалывал, аккуратно платил алименты, содержал две семьи. Шаркающий протез, костыль в правой руке и резкий характер учителя русского языка настораживали нас, учеников, мы все боялись его – но не страшились – и очень уважали. А если бы он увидел мою медаль, безусловно, было бы неприятно.

Остались позади два урока и одна перемена. На большой перемене я поднялся на второй этаж. Просто хотелось брату дать понять, что он напрасно волнуется: вот я с медалью пришел в школу и все нормально. А там, в классе брата, случайно наткнулся на сына председателя колхоза. Его язвительная улыбка была настолько уничижительной, что я не в силах был ответить ему. А он продолжал нагло смеяться надо мной и, не дожидаясь моего ответа, спросил:

– Емахдан алдын?

Это был второй шокирующий удар. Я уже был в нокауте. Его вопрос «Емахдан алдын?» с азербайджанского языка на русский переводится так: «Ты это получил за обжорство?» Это было оскорбление. Значит, я ни на что не способен и могу отличиться только своим обжорством.

Этот негодяй меня совершенно не знал – впервые мы с ним стояли лицом к лицу и вроде бы разговаривали, – но имел наглость так беспардонно охаивать меня! Как он мог додуматься до такого: «Емахдан алдын?» Не только его язвительная улыбка и отвратительные мысли, но

даже говор его были отталкивающими, чужими. Слово «емахдан» мы никогда не произносим со звуком «х», это слово мы произносим с «к». Он, конечно, говорил на азербайджанском языке, но его диалект отличался от нашего – местного. Это потому что сам председатель колхоза и вся его семья не здешние, а приезжие. К нам, в нашу деревню, они приехали два-три месяца назад. До этого же жили в Баку. Глава семьи работал педагогом, а его сын учился в приличной городской школе. Вдруг нарушился привычный ритм их городской жизни – этого педагога назначили председателем нашего колхоза.

В принципе председателей колхозов не назначали, а выбирали на общих собраниях колхозников. Получается, что колхозники нашего села каким-то образом узнали – то ли в газете прочитали, то ли по радио услышали – что в Баку есть один педагог, и только он, больше никто, может заменить им легендарного председателя Фиридун-киши, который более пятнадцати лет бессменно возглавлял колхоз и наконец, оставив после себя очень хорошие воспоминания, ушел из жизни. Нет, такого не было. Как говорится, давайте вещи называть своими именами: человеку нужна была хорошая должность, и он попросил у своих покровителей… Да зачем мелочиться, если все понятно как дважды два.

Как это – «Емахдан алдын»? Меня оскорбили. А брат стоял и смотрел как ни в чем не бывало. Ему же сказано: не позволяй, чтобы другие дети его, то есть меня, обижали, и в данной ситуации он как старший брат должен был вмешаться и довести до сведения этого наглеца, что он мой брат, он меня хорошо знает, я никакой не обжора. Мой брат же молча стоял и смотрел на меня. По-моему, он даже был рад, что за эту медаль мне досталось.

В то время еды было не так уж много, чтобы мы, дети, обжирались или же соревновались между собой, кто больше ест. Поэтому ни я, ни другие дети нашего села обжорством не занимались; это невозможно было – материальная база не позволяла. У нас никто не додумался бы задавать вопрос другим людям: «Емахдан алдын?»

Я не знал, что делать. В то время я был маленьким и не умел постоять за себя. Только потом, после третьего класса, я начал бороться и драться со своими сверстниками. А что было бы, если бы в тот момент, когда сын председателя колхоза своим бесстыдным вопросом оскорбил меня, мне было не восемь, а больше, скажем, одиннадцать лет и я в порыве гнева потерял бы рассудок, дошел бы до того, что даже руку поднял на сына председателя?

Многие – в первую очередь, конечно, директор школы – не простили бы мне эту дерзость. Директор сразу же созвал бы экстренное собрание коллектива школы. Он очень внимательно следил за тем, чтобы в нашей на вид очень красивой школе дисциплина была на высоком уровне. Поэтому при более-менее благоприятной погоде проводились общие собрания школы, где всегда обсуждался только один вопрос: дисциплина. Скорее, это было не обсуждение. Какое там обсуждение, если мы – ученики и педагоги – молча стояли и слушали, а директор все время безостановочно говорил и говорил… Это было не обсуждение, а монолог.

У нас в школе не было большого зала, где мы, весь коллектив, могли бы собраться. Поэтому собрания проводились во дворе школы – у подножия лестницы. Ученики стояли рядами по классам. А директор по лестнице поднимался наверх и вставал на площадке между первым и вторым этажами. На этой же площадке чуть позади оставались завуч, супруга директора – она тоже была педагогом – и учитель русского языка. Остальные педагоги стояли внизу, в основном рядом с учениками, классными руководителями которых они были.

Итак, под ясным небом и при хорошей погоде мы, вся школа, смирно стояли и молча слушали, а директор был на высоте двух метров от поверхности земли и выступал.

У меня есть одна плохая привычка: когда человек монотонно пустословит, слушая его речь, через две-три минуты я засыпаю; а если речь оратора от начала до конца фальшь и в целом ей грош цена, тогда засыпаю даже быстрее. Так было и в детстве; видимо, это у меня врожденный дефект. На этих собраниях я всегда засыпал. Но в какой-то момент, вздрагивая от испуга, просыпался, потому что пустая тарабарщина переходила в угрозу. Мое сонное сознание

реагировало на резкое изменение амплитуды и интенсивность звуковых волн оратора, то есть на крик директора.

– Если так будет продолжаться, – говорил директор, – объявим ему строгий выговор с занесением в личное дело!

Это означало, что кто-то из учеников – обычно это был какой-то мальчик из старших классов школы, но, к сожалению, я все время засыпал и упускал момент, когда директор оглашал имя и фамилию нарушителя;

проснувшись же, не мог спросить у соседа-одноклассника, потому что на собраниях спать не разрешалось, мы должны были смирно стоять и молча слушать, – грубо нарушил дисциплину, и теперь его дела плохи.

Я не знал, что такое личное дело и как можно всю эту гадость заносить туда. Но я уже слышал о высшей мере наказания – расстреле – и думал: это таинственное «занесение» – то же самое, что и расстрел. Но это применяется только в школах и с ведома директора. Обстановка накалялась, и все это ужасно подавляло меня; страх был такой, что я никогда не осмеливался даже спросить у людей: что такое строгий выговор с занесением в личное дело?

Оказывается, меня ожидали непредвиденные опасности. В этом плане хорошо, что сын председателя колхоза своей язвительной улыбкой и бестактными вопросами меня ошеломил и отбил охоту носить незаслуженную медаль на груди.

*** * ***

Раненого солдата демобилизовали из армии. Весной 1944 года он вернулся домой. Везде, в том числе и в его родной деревне, свирепствовал голод. В тылу тоже была война. Голод косил людей. Об этой беспощадной войне нам рассказывала моя мама.

По ее словам, когда началась война, ей было пятнадцать лет. Она училась в педагогическом техникуме, куда поступила после окончания семилетней школы. Сдав экзамены первого курса, она вернулась домой. А тут война… В начале следующего учебного года она поехала в райцентр Агдам, где находился педагогический техникум. Всех педагогов-мужчин забрали в армию. Студентов встречали педагоги-женщины. Они собрались в актовом зале. Перед студентами выступила педагог по истории – очень грамотная, лучший пропагандист райкома партии.

– Как вам известно, – сказала оратор, – немецкие фашисты напали на нашу страну. Западные регионы Советского Союза уже оккупированы. Одна из союзных республик, Белоруссия, оккупирована полностью. Немцы там хозяйничают и полностью ввели фашистский порядок. Война началась внезапно, технически хорошо оснащенные немецкие войска передвигаются очень быстро. Поэтому эвакуация мирного населения не была доведена до конца. Основная часть населения Белоруссии, преимущественно дети, женщины и пожилые мужчины, осталась на местах постоянного проживания. А там уже введен немецкий порядок: террор, насилие и полное беззаконие. Для немцев местное население – совершенно бесправные рабы: любого человека расстреливают без каких-либо оснований сразу же, на месте, близким и родственникам не разрешают даже их похоронить; всех женщин – от пятилетних девочек до восьмидесятилетних старух – насилуют и расстреливают. Каждый день от рук немецких палачей гибнут тысячи ни в чем не повинных людей. Все села и города Белоруссии, в том числе и столица республики Минск, превращены в руины. Белоруссия – уже ад.

Немцы как нация считают себя лучше и выше всех наций и народностей мира. Но в этой больной самовлюбленности есть и другая сторона: немец, настоящий немец – у них это называется националистически мыслящий немец – страшно ненавидит все нации и народности мира. Вся Германия, все немцы больны национализмом, расизмом, шовинизмом. Даже их государственный гимн начинается с национализма:

На земле всего превыше
Лишь Германия одна…

Это не только гимн немецкого государства, но и любимая песня всех немцев; можно сказать, что это их народная песня. Начиная с колыбели немцу внушают, что он лучше всех, выше всех. В чем заключается это абсолютное превосходство? У них много аргументов. Они говорят, что мы, то есть немцы, нация поэтов и мыслителей, и наш знаменитый поэт Иоганн Вольфганг Гете похож на бога…

Зал сразу оживился, и мертвая тишина, царившая в этой большой аудитории, была нарушена. Как правило, ораторам это не нравится. Педагог-историк сразу отреагировала, даже вроде забеспокоилась. Она прервала свою речь, вопрошающим взором внимательно обвела слушателей и наконец, обращаясь к залу, сказала:

– Что случилось? Вам что-то непонятно?

Оживление чуть-чуть убавилось, но не прекращалось.

– Ну ладно, чтобы вам все было понятно, я вынуждена повторить свои последние слова. Слушайте, пожалуйста, внимательно. Немцы говорят: «Мы – нация поэтов и мыслителей, и наш великий, всемирно известный поэт Иоганн Вольфганг Гете похож на бога». Вы все слышали, что я сказала?

– Да, все слышали, все понятно, – прозвучали голоса из разных точек зала.

– Очень хорошо, – сказала оратор, – тогда я продолжу свое выступление. На чем я остановилась? А, да… – но в это время она заметила, что где-то в середине зала, с левой стороны от нее, сидящий ближе к окну худой и совсем, казалось бы, незаметный парень, робко поднимая руку, своим еле слышным голосом сказал:

– Можно?

– У вас ко мне вопрос или вы хотите, чтобы я еще раз повторила только что сказанное? – спросила оратор.

– У меня вопрос.

– Пожалуйста.

– Я бы хотел знать… Тот, кто говорит такие слова, он видел бога? – сказал парень, весь покрасневший от стыда и непосильного для его хрупкого тела напряжения.

Весь зал повернулся лицом к нему уже в тот момент, когда он, говоря «У меня вопрос», как будто вышел на арену и бросил вызов уважаемому педагогу – люди думали, он это делает из эгоистических соображений, хочет себя показать, и вот сейчас начнется никому не нужный спор очень образованного педагога и посредственного студента техникума. А результат заранее известен: студент будет повержен и опозорен. Кому это надо? Всем тем, кто его знал и был с ним в хороших отношениях, было жалко его, кое-кто очень стыдился его нетактичности, кому-то его поведение в данной ситуации показалось глупо-смешным, даже комичным. Но все, затаив дыхание, с нетерпением ждали, что же он скажет. Общее мнение было таково: этот человек совершает страшную ошибку и собирается лезть не в свое дело, когда речь идет о таких проблемах, в которых ты ничего не смыслишь, разумнее всего молчать. Он же, глупый простак, осмеливается даже задавать вопросы. А как только он высказался, все облегченно вздохнули и чуть было не стали аплодировать ему. И, как ни странно, у всех в голове крутился именно этот вопрос. Но только у него хватило смелости высказаться. Ему завидовали, каждому студенту хотелось быть на его месте.

– Это все? У вас других вопросов нет? – спросила оратор.

– Все. У меня только один вопрос, – сказал парень.

– Садитесь, – ответила оратор, и с этого момента все взоры были прикованы к ней. Теперь все думали об одном: что же скажет их любимый педагог; в любом случае это очень сложная тема, не надо было ее затрагивать. Но вопрос уже был на повестке дня, и во всем виноваты

немцы, они не дают людям спокойно жить и заниматься своими делами. – Прежде чем ответить, я покажу вам портрет немецкого поэта Гете. Вот он, здесь, в этой книге; это учебник по литературе.

Она взяла книгу, полистала ее, нашла портрет Гете, потом, обращаясь к парню, сидящему в первом ряду ближе к трибуне, сказала:

– Молодой человек, потрудитесь, пожалуйста, покажите это всем сидящим в зале. Ну вы поосторожней, пожалуйста. Не рвите портрет поэта.

Осмотр портрета Гете завершился.

– Ну как, все видели портрет?

Студенты почти хором ответили:

– Да.

– Очень хорошо. А каковы ваши впечатления? Вы, молодой человек, – она рукой указала на парня, который ей задал вопрос, – с вас и начнем.

– Ну что сказать, обыкновенный старый человек, только очень богато одет. Если снять с него вот эту шикарную, пышную одежду и заменить ее обычной повседневной одеждой мужчин того времени, то наверняка внешний вид его будет совсем неприятным.

– А вы что думаете? – педагог обратилась к парню, который с книгой в руках ходил и показывал сидящим в зале портрет немецкого поэта.

– Честно говоря, этот старик мне не нравится. Он какой-то отталкивающий.

Девушки выразили свои мнения немногословно. Но это звучало намного убедительней:

– Нехороший он. Не знаю, мне не нравится.

– Нехороший человек.

– Немец, фашист, да-а…

– Он тоже один из тех, кто в Белоруссии убивает детей и…

Подытожив опрос, педагог сказала:

– Поэты и мыслители есть у каждой более или менее известной нации. Однако это не означает, что если у нации есть поэты и мыслители, ее солдаты имеют право насиловать пятилетних девочек и восьмидесятилетних старух. Немцы же слишком гордятся своими поэтами и мыслителями, их даже обожествляют. А своего поэта Гете они сравнивают с богом; немецкие мыслители пишут: Гете похож на бога. Обратите внимание, сама постановка вопроса так глупа и смехотворна, и, как правильно отметил ваш товарищ, спрашивается, господа немецкие мыслители, вы видели бога? Если нет, то как можно утверждать, что Гете похож на бога? Его портрет вы уже видели, и он вам не понравился. Честно говоря, мне тоже не нравится этот самодовольный ханжа. Значит, его внешность не играет никакой роли. Наверно, думаете, все связано с его талантом? Нет. Немецкие мыслители сами тоже прекрасно знали и знают, что Гете нельзя сравнивать с Шекспиром, Данте и Вергилием, он им даже в ученики не годится. Когда Гете еще был жив, его творчество получило достойную оценку поэтов и литературных критиков; по их мнению, Гете один из хороших поэтов, он талантлив, но не гений, язык его поэзии и прозы – это придворный язык, сам же он как человек – бесчувственный эгоист. Бесчувственный эгоист – это как раз то, что вас всех отталкивает. К этому надо добавить еще и то, что Гете вел себя не как настоящий труженик словесного искусства. Он часто присваивал чужой труд, занимался спекуляцией. Гете был богат и за хорошие деньги нанимал очень известных филологов-поэтов того времени – например, Эккермана, Римера, – которые жили в его доме и вкалывали за этого «богоподобного эгоиста». Их оформляли как личных секретарей поэта. Гете сделал черновые наброски… Вы знаете, что такое черновые наброски стихотворения или рассказа? Зачастую это просто филькина грамота, очень далекая от нормального стихотворения и рассказа. Значит, Гете сделал черновые наброски, а личные секретари день и ночь работали, оттачивали, шлифовали гетевские опусы и довели их до совершенства. Только «богоподобный» немецкий поэт мог додуматься до такого рода спекуляций. Человек настолько

деградировал, что нигде не мог обойтись без эксплуатации. А как же иначе, если он был похож на бога? Он же необыкновенный, богоподобный, в таком случае – зачем ему сидеть и, как все другие поэты, трудиться до седьмого пота?

Мы долго возились с «богоподобным» немецким поэтом. Но нам надо еще ответить и на вопрос: что на самом деле из себя представляет эта нация? Ответ очень короткий и конкретный: вспомните Белоруссию. В Белоруссии немцы показали свое настоящее лицо. На деле мы видим совсем другую картину. Оказывается, немцы вовсе не лучшая и высшая нация. Исходя из реальных фактов – в данное время для меня главное Белоруссия, немцам от этого некуда деваться и нечего выпендриваться, это неопровержимый факт – можно совершенно четко и однозначно заявить: немцы как нация – это сборище насильников, палачей и моральных уродов.

Немецкие войска с каждым днем все приближаются к столице нашей страны – городу Москве. Немцы хотят полностью оккупировать нашу страну, стереть с лица земли все ее села и города, как они делали это в Белоруссии. Они хотят наших людей, оставшихся в живых, превратить в бесправных рабов и заставить работать до смерти, на глазах отцов, братьев и мужей изнасиловать всех женщин…

На наших глазах мир рушится. Мы от мала до велика должны объединиться, чтобы остановить этих обезумевших насильников, палачей, моральных уродов. Мы должны помочь нашим воинам, чтобы они могли выстоять и дать отпор агрессору. В данный момент, когда мир рушится на ваших глазах и человечество стоит перед дилеммой – быть или не быть, вы – молодые парни и девушки – не имеете права спокойно сидеть в уютных аудиториях и слушать лекции, – сказала далее оратор. – Занятия в нашем учебном заведении откладываются на неопределенный срок. Вы должны вернуться домой. Везде, в том числе там, где вы живете, не хватает рабочей силы, потому что все взрослые мужчины – наши отцы, братья, сыновья – ушли на фронт. Война – это не только сидеть в окопах и стрелять друг в друга. Война – это и экономическая битва. Нашим воинам нужны оружие, одежда, еда. А все это дает тыл. Вы тоже солдаты, вы тоже должны воевать – трудиться, чтобы у наших воинов все было.

После собрания мама – тогда еще молодая девушка, студентка – вернулась в свою деревню и пошла к председателю колхоза. Тот внимательно выслушал ее речь, которая была пересказом речи, услышанной ею в техникуме.

– А какую работу дать тебе, дочка, если ты такая хрупкая и не умеешь пахать, сеять, косить? – с легкой иронией спросил председатель колхоза.

– Да, я не умею пахать, сеять, косить, – сказала девушка. – Но я читаю, пишу и очень хорошо считаю. – В то время не каждый умел все это сразу. Сам председатель колхоза был неграмотный пожилой мужик.

– А-а, ты, оказывается, хорошо считаешь?

– Да, я хорошо считаю. Я же собираюсь стать преподавателем математики.

– Это хорошо. Ты будешь работать счетчиком. Как раз мне нужен человек, который честно и грамотно будет вести учет зерна в амбарах. Знаешь, сейчас голод. Зерно воруют.

С началом войны цены на товары первой необходимости резко подскочили. Хлеб особенно подорожал. Если нет керосина, можно обойтись без керосиновой лампы, если нет мыла, можно умываться без мыла. А без хлеба не обойдешься. Хлеба не было. Если где-то был, то очень дорого стоил. Не у каждой семьи была возможность купить по баснословной цене килограмм пшеницы, муки, буханку хлеба. Люди стали продавать все: золотые украшения, ковры, килимы, скот… чтобы купить хлеб. Это тоже не помогало. Люди голодали и гибли как мухи – голод косил их. Особенно пострадали дети: погибло много детей, а у оставшихся в живых стала развиваться чахотка от систематического недоедания. Чахотка в то время была равносильна гибели. Многие дети военных лет были обречены и продолжали гибнуть даже в послевоенное десятилетие, потому что уже были больны.

В такое трудное время молодой девушке поручили очень ответственную работу. В семье она была старшей, все братья и сестры – четверо детей, старшему из которых было восемь лет, а самому младшему всего год – были младше ее. Отца не было – он умер полгода назад. Мать никогда не работала, а в период войны даже при желании не смогла бы из-за несоответствия тогдашним критериям: не умела пахать, сеять, косить.

Спустя много лет мама очень сожалела, что из-за войны не смогла завершить свою учебу в техникуме: «Сейчас я бы работала педагогом. Чистенько одетой ходила бы в школу и получала бы хорошую зарплату. И не пришлось бы мне целый день возиться с этими курицами, индюшками, с лопатой в руках возделывать землю на огороде…» Конечно, она была права. Но она забывала о главном: если бы в то трудное время она не работала, ее младшие братья и сестры, а также ее мать наверняка погибли бы от голода.

Мама рассказывала и о возвращении отца – в то время холостого молодого парня. Они поженились после войны. Оказывается, было получено сообщение, что он погиб на войне. И вдруг он появился. Как это, сказали же: он погиб? Люди не знали, что делать: живому человеку верить или бумажке?

Не обнаружив раненого солдата в палате, его начали искать. Но не нашли. Потом выяснилось, что он через окно палаты вышел из госпиталя. За ним никто не пошел, не стали искать его в лесу. Думали, что перед операцией молодой человек вышел погулять, набраться сил. Потом он вернется и ляжет на операционный стол. На завтрак он не явился. И на обеде его не было видно. Интересно, где он пропадает? Думали, к вечеру точно придет. Но увы. Вечером тоже его не было. У него еды нет, куда ушел раненый, голодный солдат? Так ждали его целых три дня. Потом пришли к выводу, что раненый без разрешения медперсонала покинул госпиталь, через некоторое время заблудился в лесу и там же погиб. Через несколько дней было отправлено письмо в военкомат Агдамского района, где было коротко указано, что он погиб в боях. А в это время солдата лечили в каком-то украинском селе.

Так вот, получили официальное сообщение, что он погиб. Его считали умершим, даже начали забывать о нем. И вдруг – надо же! – он явился самолично. Безусловно, при нем была соответствующая документация. Но такая же бумажка пришла сюда пару месяцев назад и там черным по белому было написано, что он погиб. Что-то подозрительно.

Председатель колхоза вынужден был оставить все свои дела. Вместе с председателем сельсовета он срочно явился к вернувшемуся с фронта солдату, чтобы самому убедиться, что здесь подделки нет. Визуально вроде все было нормально: да, это действительно тот молодой человек, который четыре года назад ушел в армию. За это время, безусловно, он успел и значительно измениться – возмужал. Но все равно подозрение осталось. Люди смотрели на него как-то недоверчиво. Конечно, во всем виноват он сам, и все это началось давно – в тот момент, когда он ночью открыл окно палаты и тайком вышел из госпиталя. Он привык к этому и знал, что в конце концов все будет нормально. Но он должен был как-то рассеять это подозрение, то есть доказать, что он – это и правда он. Когда люди сомневаются, что ты не тот, за кого себя выдаешь, это плохо, и очень трудно доказать обратное.

Раненый солдат каждому гостю в отдельности рассказывал свою историю, как он в боях за освобождение Кременчуга был ранен… А председателям колхоза и сельсовета особенно тщательно и детально рассказывал. Потом по ходу беседы ему пришлось снова и снова возвращаться к отдельным деталям, потому что старики задавали очень много вопросов. Но подозрение рассеять полностью так и не удалось. Потому что он, оказывается, совершил еще и побег из госпиталя. Это же нарушение. Тем более в военное время… Нет, это дело нельзя так оставлять. Поэтому на следующий день председатель сельсовета вместе с фронтовиком поехал в военкомат. А там полностью подтвердилось то, что он за сутки уже сотый раз рассказывал своим землякам, односельчанам. Фронтовика оставили в покое, и он начал заниматься лечением своей руки. Видимо, с того времени у отца стало привычкой часто рассказывать о Кре-

менчуге. Этим он настолько увлекся, что, по-моему, в конце концов практически забыл о других событиях войны. Кременчугские события же от частого повторения приобрели ясность, четкость, последовательность и структурную целостность во всех деталях, а также в целом от начала до конца. Весь этот текст он очень хорошо вызубрил и при первой же возможности начинал свой рассказ: «Там, в Кременчуге…»

Первый возвращенец

Война была в разгаре. И вдруг с фронта вернулся живой человек. Никогда такого не было; Гурбан был первым возвращенцем. До Гурбана ни один человек, даже мертвый – ведь погибших похоронили там, где они гибли, – с фронта не возвращался. А Гурбан – живой солдат, вернулся с фронта. Люди, в основном пожилые мужчины и женщины, поспешили на встречу с Гурбаном. Оказывается, в одном из боев он был ранен и попал в госпиталь. Ранений у него было много. В госпитале все раны залечили, и Гурбан встал на ноги. Но его правая нога была так изуродована, что, волоча ее за собой, Гурбан еле ходил. Можно было ее ампутировать, но не стали – все же своя нога лучше. Солдата демобилизовали, и он вернулся домой. Пока ему нельзя было долго стоять на ногах или сидеть на стуле. Поэтому Гурбан в положении полулежа, облокотившись на подушки, беседовал с гостями.

Время было тяжелое. Даже стакан чая гостям подавали без сахара. Чай сам тоже был ненастоящий – его заваривали из чабреца. Но многим цвет такого чая не нравится: «Как моча», – говорят они и не пьют его. Поэтому в заварной чайник положили куски тонкой айвовой ветки, и цвет чая стал коричневым.

Потом гости ушли, а Гурбан лежал и отдыхал. Его поразила необычная тишина родного края. От этой тишины приятно звенело в ушах. Раньше он на это внимания не обращал и считал, что так должно быть. А после фронта, где от грохота пушек и взрыва бомб земля содрогалась и чуть не лопались уши, абсолютная тишина, царившая на его красивой родине, казалась необычной, непривычной, даже неестественной. У него было такое впечатление, что это всего лишь мгновение и сейчас, в сию же минуту начнется канонада пушек и тишина нарушится. Вдруг эта необычная тишина, так приятно поразившая Гурбана, на самом деле нарушилась. Проведать фронтовика пришла одна женщина, которая жила на окраине деревни. А семья Гурбана жила в центральной части. Она им не родня и не соседка, но все равно пришла; хотела повидать Гурбана, поговорить с ним, посоветоваться.

В присутствии чужой женщины мужчине не следует лежать. Гостье дали понять, что человек болен, после больницы он очень слаб. Поэтому он может поговорить с ней только в положении полулежа.

– Да что вы говорите! – как-то нервозно сказала женщина и всем своим видом продемонстрировала, что в данное время такие пустяки, связанные с приличием, ее не волнуют. – Он же мне в сыновья годится…

Вот и опять в положении полулежа и облокотившись на подушку, Гурбан беседовал с очередным посетителем. Ему уже стало ясно, что ее сына забрали в армию, но долгое время от него вестей нет. Гурбан – опытный фронтовик, как говорится, он собаку съел на этом деле и сразу понял, что парень или погиб, или в плен попал, или же пропал без вести. Если он погиб, должны были сообщить его семье. А что же тогда… Гурбан думал о судьбе Сулеймана, мать которого сидела рядом и рассказывала о своем горе. Она даже не притронулась к стакану, а чай уже остыл. И вдруг она задала очень странный вопрос, который, можно сказать, сразу же ошеломил Гурбана и чуть было не вывел его из равновесия.

– Вот такое у меня горе, Гурбан. Я пришла спросить у тебя: может быть, ты там видел нашего Сосо или кто-нибудь из твоих товарищей случайно его видел и о нем что-нибудь тебе рассказал?

Сосо – ласкательное имя Сулеймана, дома так называли его. Мать же так привыкла к этому, что никак не могла называть своего сына Сулейманом.

То, что долгое время от Сулеймана вестей нет, – это, конечно, плохо. Но этот вопрос с его матерью обсуждать нельзя. Ситуация же была такой, что Гурбан должен был высказать свое мнение по данному вопросу. Вначале он растерялся и чуть было напрямую не сказал, что

думает. Но вовремя опомнился и начал хитрить: уклонялся от прямых и однозначных ответов; пожимая плечами, выпячивал губы и свободной рукой делал какие-то неопределенные жесты, что означало «понятия не имею», время от времени повторял одну и ту же фразу: «Понимаешь, это же война… Всякое бывает». А мать Сулеймана порой поддавалась его уловкам, но старалась не дать ему возможности совсем обвести ее вокруг пальца и вешать лапшу на уши. Ее вопрос – может быть, ты там видел нашего Сосо? – стоял на повестке дня и требовал четкого, однозначного ответа. Между тем Гурбан думал, ломал себе голову и хотел найти более-менее приемлемый ответ.

«Эта глупая женщина, – думал Гурбан, – даже не знает, что такое война. Она думает, это что-то наподобие коллективного сенокоса, когда несколько десятков мужчин, заранее договорившись между собой, рано утром выходят из дома и до обеда косят траву на большом участке. По ее разговору, она думает, что фронт – это два длинных, примерно от Хачынчая до Тертерчая, и параллельных окопа, в одном из которых сидят немцы, а в другом – наши, советские солдаты и с утра до вечера стреляют друг в друга… К тому же все наши солдаты очень хорошо знают друг друга, всегда в курсе всех событий, в том числе и о новых пополнениях, и если Сосо ушел на фронт, Гурбан непременно должен был об этом знать и они там даже встретились бы…»

Гурбан с иронией усмехнулся: какая она глупая!

Но вместе с тем эта глупая женщина своим глупым вопросом сумела задеть Гурбана: своего сопливого Сосо она ставит в один ряд с Гурбаном – это унижало и весьма задевало его самолюбие.

К моменту отправки в армию Гурбан уже был первым силачом деревни. Стать первым силачом этой деревни не так-то просто, потому что сильных парней там много и конкуренция большая. Правда, Гурбан по характеру спокойный человек, даже не очень-то стремился стать первым. Но в какой-то момент он понял одно: оказывается, в этой деревне он уже первый силач, то есть самый сильный мужчина. Это был факт, и это было приятно: его уважали, с ним считались. Интересно, мать Сулеймана знает это? Судя по ее разговору, она не знает, даже не слышала об этом.

Гурбан стал первым силачом, потому что принадлежал к роду черномазых. Все мужчины этого рода от рождения черны и очень сильны, и у всех известных представителей рядом с именем стоит прозвище Гара, что означает «черный». Гурбан тоже, как известный человек, славился как Гара Гурбан. Но после возвращения с фронта прозвище Гара сразу же свое место уступило двум другим – Топал и Тайтах, и оба они означают одно и то же – Хромой. Потому что, еле волоча правую ногу, Гурбан сильно хромал.

Да, черномазые были сильны, но, как ни странно, только Гурбану удалось завоевать почетный титул первого силача. И все это из-за конкуренции. Представители других родов тоже стремились стать первыми, и в решающий момент кто-то из них сумел вытеснить всех остальных, в том числе и представителя черномазых. Гурбан же от рождения был таким сильным, что даже без особых усилий и прилежания стал первым силачом довоенных лет. Тем самым он прославил свое имя и поднял престиж своего рода. Это была большая заслуга перед своими родственниками, особенно мужчинами, и они стали пуще прежнего уважать и ценить его, даже чуть не поклонялись ему. Особенно мальчики, дальние и близкие родичи Гурбана, очень гордились своим славным дядей…

А теперь эта глупая и неграмотная женщина – Гурбан окончил четыре класса, поэтому по сравнению с матерью Сулеймана, которая вообще в школу не ходила, считал себя образованным человеком, – ставя его в один ряд со своим сопливым босяком, оскорбила его.

– Это очень большая война. Это мировая война, – сказал Гурбан. – Ты знаешь, что такое мировая война?

– Да какая разница, мировая не мировая, все один черт, война, – сказала мать Сулеймана. – Ты тоже странные вопросы задаешь.

– Не-е-ет, не один черт. Мировая война – совсем другая война. Сейчас везде война, и все люди воюют друг с другом. Потому что так надо, это же мировая война. Представь себе, что вся Украина и Россия – полным-полны солдат, танков, самолетов. Там очень много и немецких солдат. У них тоже много танков и самолетов. Все эти люди заняты тем, что убивают друг друга. Потому что это мировая война. А ты говоришь один черт.

– Какой кошмар!

– Конечно, кошмар. Поэтому в такой суматохе встретить или искать фронтовиков-односельчан невозможно. Потому что это мировая война, это кошмар. Я был в самом пекле этого кошмара, но там твоего Сосо я не видел, никто из моих товарищей мне о нем ничего не говорил. Вообще-то, ты уверена, что Сосо действительно на фронте? Он же мальчишка, зачем его сразу взяли на фронт?

– Гурбан, ты был на фронте и даже стал городской, что ли, – сказала мать Сулеймана. Она обратила внимание и на то, что Гурбан говорит как-то по-другому, вставляет в азербайджанские предложения непонятные ей слова «вообще», «оказывается», «уже», «как раз», «окоп» и т. п. Даже, казалось бы, всем понятные слова «немис» и «фиронт» он произносит по-другому: «немец» и «фронт». И все это, по ее мнению, говорило о том, что Гурбан уже стал другим, городским человеком. Даже цвет его лица стал другим: лицо его уже не грязно-черное, как прежде, а приятно-смуглое. – Я, конечно, тебя не обвиняю. Да, когда тебя забрали в армию, Сосо действительно был сопляком. Ты же его видел до войны. Правильно?

– Да, когда я ушел в армию, войны еще не было. После двух лет моей службы началась война. Значит, я его видел четыре года назад.

– Четыре года назад он был маленьким. А ты знаешь, как он потом вырос? Ты даже не представляешь, каким он стал: высокий, как чинар, ей-богу. Волосы каштановые, лицо белое-белое, как у меня, – картина писаная! Девушки по нему с ума сходили. А потом пришла повестка, и его забрали в армию. Ты у меня спрашиваешь, зачем его взяли на фронт? Ну ты же это дело лучше всех знаешь. По-твоему, его, моего Сосо, куда могли забрать, если не на фронт?

– Его не на фронт отправили, – сказал Гурбан, – просто забрали в армию. Это же разные вещи. Не все колхозники косят траву. Сено косят молодые и сильные мужчины. На фронте тоже так. Воевать с немцем очень трудно. Это такое дело, что не каждому по плечу. Пули и снаряды над головой летят, как мухи и саранча. А еще вот эти бомбы! Фронт – это ад. Каждого солдата нельзя отправлять на фронт. Трусов и сопляков на фронт не отправляют. Потому что это бессмысленно. Да, я тебе дело говорю. Им же многого не надо, достаточно одного бомбового взрыва – и сразу же от страха у всех получится разрыв сердца. Для фронта специально выбирают самых сильных, крепких, отважных, как я. Ты помнишь, кем до войны был я здесь? Если ты забыла, я напомню тебе: я был первым силачом, самым сильным мужчиной в нашей деревне. Но ты смотри, что они сотворили со мной, самым сильным мужчиной нашего села!

В порыве чувственного возбуждения Гурбан как будто впал в состояние невменяемости и временно забыл о правилах приличия. Он присел и в этом положении поднял свою рубашку до груди, чтобы показать раны на теле. Но этого было явно недостаточно, потому что его раны в основном были ниже пояса: на бедре и на ногах. А чтобы продемонстрировать их, надо было встать, стоять во весь рост и спустить штаны вниз. С больной ногой ему очень трудно было вставать. Но все равно он кое-как поднялся. И вдруг опустились руки; Гурбан опомнился: нет, нельзя. Пробормотав: «Я весь в ранах», – он вздохнул и с трудом опять сел. Запланированная демонстрация ран на теле так и не состоялась. Наступила тишина, которую нарушил Гурбан:

– Ора Сосу-мосу ери дейил.[2]

---

[2] *Там, на фронте, таким, как твой Сосо, нечего делать.*

Опять тишина. Но ее нарушила мать Сулеймана:

– А по-твоему, где же мой Сосо, если его нет на фронте?

– Он картошку грузит.

– Правда?!

– Да. Новичков, как твой Сосо, сразу на фронт не отправляют. Временно им дают другую работу.

– Какую другую работу дают им?

– Тем, кто воюет на фронте, нужны оружие, одежда, еда. Ты знаешь, на фронте сколько едят? Очень много еды надо. А немец жрет больше наших. Ровно в двенадцать часов немец берет кусок картона и пишет: «Essen». Потом он это прикрепляет на штык своего автомата и поднимает наверх, чтобы мы все видели. Essen на их языке означат «кушать». Немец хочет сказать, что пора обедать: ребята, мы будем кушать, давайте вы тоже садитесь и кушайте, а как только закончим кушать, сразу же начнем убивать друг друга. У этих сволочей еда всегда была под рукой. А у нас не всегда можно было найти что-нибудь поесть. Но все равно мы тоже переставали стрелять.

– Значит, вы там даже договорились с этими гадами?

– Да не договорились! Никакого договора не было. Я не понимаю, о чем ты говоришь? Я хочу ответить на твой вопрос, а ты рассказываешь о каком-то договоре. Ты лучше слушай, что тебе говорят. Опять повторяю: никакого договора между нами не было. Они хотели пообедать и сели кушать. Человек голодный, хочет кушать, понимаешь? Ты обратила внимание, что самая ядовитая змея – гюрза, даже вот эта отвратительная тварь, смертельно опасный червяк, когда видит, что ее злейший враг – человек или же другие животные, вовсе не враги, например баран или козел, или же какая-то птица, вот этот воробей – ее самое любимое лакомство, – пьют воду, она их не трогает?

– Нет, я не видела, Гурбан. Честное слово, не видела. Ты даже это лучше меня знаешь. Молодец. Откуда мне все это знать, если я из дома не выхожу? А ты же пастух, с детства на пастбищах за мзду скот своих соседей гонял и все это видел своими глазами. Пастухи много знают.

– Ты не перебивай меня. При чем тут пастух? Если на то пошло, твой покойный муж, отец твоего Сосо, тоже пастухом был, но он пас колхозных коров. Что я хотел сказать? Да… Если немец – этот подонок, кровопийца, людоед – хочет кушать, свой автомат положил в сторону, взял тарелку и ложку, начал кушать, по-твоему, что мы должны делать? Стрелять по их тарелкам и ложкам, что ли? Как это, по-твоему, получается, мы даже хуже гюрзы, что ли? Не-е-ет, так нельзя. Это не по-мужски.

– И вы дали этим негодяям спокойно поесть, набрать силу, чтобы потом убивать наших сыновей?

– Солдат здесь ни при чем.

– Как это «солдат ни при чем»? А убивает-то он!

– Ему такую команду дают. Война – это такая штука, что там все равно люди друг друга убивают. Войну придумали именно для того, чтобы убивать друг друга. Люди этим занимались и сейчас занимаются. Когда им нечего делать, они затевают войну, чтобы убивать друг друга. Все это тебе объяснить очень трудно. Чтобы понять это, надо побывать на фронте – и сразу все становится ясно. В поговорке говорится то же самое: лучше один раз увидеть своими глазами, чем сто раз услышать.

– Я вижу, ты все знаешь, Гурбан. Впервые за свою жизнь разговариваю с таким всезнающим человеком. Я даже не ожидала… Честное слово, не ожидала. Ты не только первый силач довоенных лет, в данное время ты самый знающий человек нашей деревни. С таким знанием тебе уже нельзя гоняться за коровами своих соседей. Это был бы позор и срам для нашего села.

В принципе, коров-то уже нет: всех съели и продали. Но в любом случае тебе лучше работать исполкомом.

– Я не могу работать исполкомом. У вас же свой исполком есть, зачем ты хочешь меня посадить на его место? Моя нога больная, я все равно сейчас не могу работать. Нигде не могу работать. Нельзя, понимаешь, врачи не разрешают. Когда врачи скажут, что уже можно работать, тогда видно будет.

– Значит, ты пока не будешь работать. Ну ладно. А теперь ты как фронтовик и всезнающий человек можешь мне сказать, в данное время где мой сын?

– Я же тебе сказал, что он грузит картошку. Груженные картошкой вагоны же отправляют на фронт, чтобы там готовить обед для наших фронтовиков. Еда у немца всегда под рукой, пусть и у наших всегда будет еда. А то, что Сулейман не пишет письма, это уже точно говорит о том, что он вместе с другими новичками грузит картошку. Между прочим, это очень трудная работа; они день и ночь работают. Им даже некогда сидеть и писать письма. Поэтому-то от твоего Сосо письма нет. У человека работа такая – ему некогда сидеть и письма писать. Я как фронтовик знаю, что там творится. На участке фронта, где я был, твоего Сосо не было, я его не видел. Как я мог его видеть там, если Сосо на фронт не отправили?

Мать пропавшего без вести Сулеймана долго говорила с фронтовиком Гурбаном. И все же за это время Гурбан, во-первых, сумел довести до сведения этой женщины, одновременно через нее всем жителям деревни, что он, фронтовик Гурбан, не ровня какому-то сопливому Сосо. Во-вторых, Гурбан, пусть даже временно, успокоил женщину, которая очень сильно переживала из-за того, что долгое время не получала письма от своего сына – участника войны, который так и не вернулся домой, письма тоже не писал и его считали пропавшим без вести. Другой важный момент этой встречи состоял в том, что именно там, в ходе этой беседы, родилась крылатая фраза Гурбана «Ора Сосу-мосу ери дейил», которая, передаваясь из уст в уста, стала поговоркой. Это тоже считается заслугой Гурбана: он хоть и необразованный человек – всего четыре класса образования – но внес значительный вклад в устный фольклор времен Второй мировой войны. Не теряя своей животворной силы, эта поговорка часто звучит и по сей день, даже тогда, когда речь идет не о войне. Если что-то не на своем месте, не подходит, не соответствует или же какая-то работа кому-то не по плечу и он, по всей вероятности, не справится с этой нагрузкой, – вот тогда говорят: «Ора Сосу-мосу ери дейил». Имя пропавшего без вести Сулеймана-Сосо тоже не забыто, оно живет в этой поговорке, автором которой является Гурбан.

Девятое место

Я проснулся среди ночи. Поезд едет. Слышно его монотонное тарахтение: так-тарак, так-тарак… Очень шумно. У нас в метро тоже шумно, разговаривать с сидящим рядом человеком не получается. Лучше сидеть и молчать. Если кто-нибудь звонит по мобильному телефону, я сразу говорю: «Алло, я еду в метро, здесь такой шум, ничего не слышно. Я перезвоню вам позже».

Я думал, так должно быть. Но, когда ездил в Германию, увидел другую картину: в вагонах шума почти нет. Но эта громадина двигается с большой скоростью, ее сопровождают гул и свист. Внутри вагонов же тихо. А поезда у них какие! Локомотив похож на авиалайнер. Кабина машиниста чистая и аккуратная, как кабинет главврача частной больницы. Когда я впервые увидел это, просто обалдел – стоял как вкопанный и смотрел. Заметив меня, машинист смутился: мол, зачем этот чужак так смотрит?

Если смуглый человек в Европе ведет себя хоть чуть-чуть не так, это сразу вызывает подозрения: не террорист ли он? А в Германии надо быть очень осторожным: там процветает исламофобия, ПЕГИДА не унимается. Немецкий машинист тоже подозревал. Заметив это, я сразу понял, что попался. Чтобы рассеять его сомнение, я сказал: «Я впервые вижу такой локомотив. Очень красивый…» Молодой рыжий немец снисходительно улыбнулся. Инцидент был исчерпан, меня не задержали.

В наших вагонах много шума. Поэтому, когда я еду на поезде ночью, плохо сплю, а после поездки голова болит. На этот раз тоже так получилось: просыпаюсь среди ночи и не могу заснуть. Я еду в вагоне СВ. В купе нас двое: я и какая-то женщина; молодая – на вид лет тридцати пяти, очень симпатичная. Она спит напротив меня. Я ее не знаю, увидел только вчера вечером. Она стояла у входа в вагон. Там были кондуктор и еще несколько человек. Кондуктор взял мой билет, повертел туда-сюда, посмотрел и сказал:

– Девятое. Займите свое место. Отправление будет через пять минут.

Я зашел в вагон. Нашел свое купе и место. Вещи положил под сиденье. Сел ближе к окну, раздвинув шторы, посмотрел на перрон. В это время у двери появилась целая толпа – это были те люди, которые сгрудились у входа в вагон. Один из них спросил, куда я еду. «Какое ему дело?» – подумал я недовольно. Но совершенно спокойно сказал, куда еду.

– Она тоже поедет с вами, – сказал тот же человек и показал на одну из двух женщин; это была та, которая спит сейчас напротив меня.

Бросив мимолетный взгляд на нее, я сказал:

– Очень хорошо.

Вся толпа – человек пять-шесть – стояла у двери. Все смотрели на меня – кто-то с интересом, кто-то с улыбкой на лице. Наконец, пожелав счастливого пути, люди ушли. Эта женщина тоже ушла с ними, а вернулась, когда поезд тронулся с места.

Уже стемнело. Я включил свет. Освещение плохое. Наверху, у самого потолка, горит одна малюсенькая лампочка. В слабо освещенном купе напротив меня сидит чужая, совершенно незнакомая женщина. Ехать с такой дамой, конечно, радость. Надо было завести разговор. Я спросил, куда она едет. Она назвала какое-то село одного из северо-западных районов Азербайджана.

– А живете вы в Баку? – спросил я.

– Да, я живу в Баку. Иногда езжу к своим родителям, родственникам. Те, которые меня сопровождали, тоже родственники.

Постепенно набирая скорость, поезд едет. Начался бой между колесами и рельсами. Перестрелка между воюющими сторонами усиливается: так-тарак, так-тарак; так, так, так, тарак-так… А мы в купе спокойно сидим и разговариваем. Иногда она, прервав разго-

вор, встает, высунув голову за дверь, смотрит в коридор. «Наверное, она кого-то ищет или ждет…» – думаю про себя я. Она опять встала. Но на этот раз просто вышла из купе и пошла в сторону главного входа вагона. А через две-три минуты вернулась. Следом за ней в купе зашла кондуктор (женщина лет пятидесяти), проверила наши билеты, уточнила, кто на какой станции будет выходить, а уходя, спросила:

– Чай пить будете?

Я в поезде чай не пью. Но в купе я не один.

– Вы хотите чаю? – спросил я у моей спутницы.

Нет, она не хочет.

– И я не хочу, – как бы извиняясь, сказал я кондуктору. Кондуктор ушла, а мы продолжали наш разговор.

– В нашем селе живут в основном авары. Я сама аварка. Но, как ни странно, многие думают, авары – это лезгины, – сказала женщина. На ее лице появилась улыбка, выражающая иронию и сожаление. – Это неправильно. Авары – тюрки.

Она окончила бывший АЗИ, работает в научно-производственном объединении. Грамотный человек. Я с интересом слушал ее. И надо же, вдруг она опять прервала свой рассказ, опять встала, опять высунула голову за дверь… Не знаю, почему, но на этот раз она сказала, зачем так делает:

– Я кондуктору, вот этой женщине, сказала, чтобы она нашла мне другое место. Вроде обещает. Конечно, не даром: за это ей надо заплатить десять манатов. Я согласна. Но она почему-то долго тянет.

«Она не хочет ночевать здесь. С кондуктором ведет переговоры, ищет другое место. За это еще платить надо…» – подумал я. Но этот вопрос с ней не обсуждал. И так все ясно: молодая женщина не хочет ночевать в двухместном купе с чужим мужчиной. Потом кому что докажешь? Выключили свет, двери закрыли… Никто не поверит. Пожалуй, она права. Но это ее проблема, и она сама довольно-таки энергично взялась за дело.

Несмотря на щекотливость ситуации, мы все же продолжали нашу дружескую беседу. Мы уже два часа едем. Другие пассажиры легли спать. А мы не спим: сидим и разговариваем. «Было бы лучше, если бы мы до утра вот так сидели и разговаривали», – думал я про себя. Но ей ничего не сказал. Вдруг она опять встала и сказала:

– Уже поздно. Я пойду узнаю, нашла ли она место.

Я не хотел вмешиваться в это дело. Но вдруг, неожиданно даже для себя, сказал:

– А зачем это?.. Не надо. За это еще деньги платить… Зачем? Не надо. Ложитесь и спите здесь. Да…

Она молча смотрела на меня. Я говорил отрывисто. Выражался короткими предложениями, лексикон был ограничен, часто повторял: «Не надо. Зачем?» И все-таки сумел переубедить ее. Она вернулась в купе и села. Мы молча смотрели друг другу в глаза. Мне стало стыдно, я отвел взгляд. После небольшой паузы она встала и стала стелить простыню. Я вышел из купе, чтобы она могла свободно сделать все, что нужно.

Через десять минут я вернулся. Выключив свет, накрывшись одеялом, она легла спать.

*** * ***

Я проснулся среди ночи. Молодая женщина в двухместном купе лежит спиной ко мне и спит. Сейчас ее зад выглядит больше. Вообще-то когда женщина спит на боку, ее зад кажется больше. Но это всего лишь иллюзия. На самом деле размеры всех частей тела остаются неизменными.

Лежа на боку, я смотрел на женщину, любовался ее красотой. А вдруг она проснется, повернувшись, увидит меня и скажет: «Почему не спите? Зачем так смотрите? Но вы же обещали…» Мне стало совестно; повернулся на спину, глаза закрыл.

Хочу отключиться от реальности, все забыть, спать до утра. Не получается. А я не отступаю: глаза закрыл и не открываю. Иногда впадаю в какое-то туманное состояние. Но этот полусон продолжается недолго. Я опять просыпаюсь. Поезд едет и едет… Ночь не кончается.

Интересно, сколько времени. Мои наручные часы лежат на раскладном столике. Женщина тоже что-то положила туда. Чтобы достать часы, я должен чуть-чуть привстать, протянуть руку в сторону женщины. Я правша, левой рукой орудую не очень-то умело. С другой стороны, ночь, и в темноте непременно промахнусь, что-нибудь упадет со стола. Женщина проснется.

– Что за шум? Что вы делаете? – встревоженно спросит она. – Ну дайте же поспать!

Очень трудно будет уверить ее в том, что у меня никакой черной мысли не было. Но все равно молчать тоже нельзя, и я скажу:

– Я хотел достать свои часы со стола. В темноте промахнулся, уронил. Извините за беспокойство.

– Зачем вам часы? Даже без них понятно, что глубокая ночь, люди спят. Если вам не спится, лежите спокойно, дайте людям отдохнуть, – скажет женщина и будет права.

* * *

Уже стало рассветать. Я открыл глаза. Повернув голову, посмотрел на попутчицу. Ее поза изменилась: повернувшись ко мне лицом, она лежит спиной на правом боку. Лицо и шея открыты. Увидев ее в раннем рассвете, я поразился. Какая она красавица! И она ехала всю ночь со мной в двухместном купе, при выключенном свете и закрытых дверях спала рядом со мной. Если не считать того, что было до рассвета… Ведь было же… Вот так это было: я наконец-то перешел границы – залез под одеяло… Как ни странно, она не спала и, обняв меня, сказала: «Вы долго колебались… Зачем? Не надо было…» Да, так было. Но только мысленно. Если не считать этого, я не прикоснулся к ней, даже пальцем не тронул. Только смотрел и любовался. А теперь смотрю и восхищаюсь.

Она красиво спит. Дыхание ровное. Лицо выражает безмятежное спокойствие. Она абсолютно уверена, что никто не будет ее беспокоить – я обещал ей это. Зачем я это сделал? И зачем она довела меня до этого? Не грех ли это?

Таких случайностей не бывает. Мне просто повезло. Получилось так, что я ехал ночью в двухместном купе с очень красивой женщиной. Но прежде чем лечь спать, она заколдовала меня, и я твердо обещал не беспокоить ее, не приставать к ней. Не надо было… Зачем?

Поезд едет. Колдунья красиво лежит, спокойно спит, ей нет дела до моих сожалений.

Мальчик без имени

– У тебя в роду есть диабетики? – спросила моя дочь, когда училась на третьем курсе мединститута.

– Точно не могу сказать, – немного подумав, ответил я.

Дочка с сожалением пожала плечами. Но в последующие дни она несколько раз повторяла этот вопрос. Я насторожился – наверное, она обнаружила какие-то признаки диабета у меня – и спросил:

– А зачем тебе это?

Выяснилось, что они, будущие врачи, уже проходили сахарный диабет, а дочка в учебнике читала, что эта болезнь передается в основном генетически – по наследству. Теперь она хочет знать, не грозит ли ей опасность с отцовской стороны.

Человек беспокоится, надо помочь. Я начал думать. Вспомнил, от чего умерли мои родители, бабушки и дедушки, их братья и сестры, кого я застал в живых. Подытожив все это, сказал:

– Я на девяносто пять процентов уверен, что в моем роду диабетиков не было. С другой стороны, я твой отец и мне уже за пятьдесят. А у меня сахара нет. Кстати, ты своими вопросами меня напугала, и я уже на работе сходил в медсанчасть, сдал кровь на анализ. Сахар в норме. Болезней у меня достаточно, но, слава богу, сахарным диабетом не страдаю.

Дочка поблагодарила за исчерпывающий ответ. Я сам тоже был доволен, чувствовал прилив жизненной энергии.

Но спустя несколько лет все изменилось. Это случилось в городке для беженцев, куда я ездил на похороны близкого родственника.

Все мои родственники – беженцы. Большинство из них живут где попало – на окраине какого-то села, в полуразрушенном здании колхозной фермы советских времен… А некоторые – в городках для беженцев. Там условия жизни относительно лучше. Но в этих городках я чувствую себя неловко и часто говорю себе: «Это же настоящий лабиринт…» Да, действительно, городок для беженцев очень похож на лабиринт: все улицы, дома и их крыши, земельные участки, их планировка и размер – буквально все, даже туалеты, одинаковы. Я очень удивляюсь: при таком однообразии как беженцы ориентируются там?

В античные времена лабиринт использовали и в качестве тюрьмы для особо опасных преступников. Заключенных там не охраняли, потому что они при всем желании все равно не могли бы вырваться на свободу: это было невозможно. Итак, попав в лабиринт, эти несчастные люди оставались там до конца жизни.

Лабиринт – опасное место. Но надо было поехать туда. И я съездил. Там увидел своих односельчан, в том числе и родственников. Муж моей старшей тети тоже там был. По окончании похоронной церемонии этот мужик пригласил меня к себе домой, то есть в свою келью. Безусловно, он не знал моих правил: без серьезных причин в лабиринт нельзя ходить, там нельзя бездельничать и праздно шататься, больше положенного времени задерживаться тоже нельзя. Исходя из этих правил, я сказал:

– Сейчас у меня мало времени. Как-нибудь в другой раз…

Мужик обиделся и, не скрывая своего разочарования, ответил:

– Тетя столько лет тебя не видит! Она знает, что ты приехал, и захотела тебя увидеть. Но она больная, еле ходит. Очень просила меня передать тебе…

Я был тронут. Пришлось посетить их дом – энную келью лабиринта. Вид тети меня очень разочаровал: когда-то цветущая женщина согнулась, стала похожа на букву «г», с костылем еле-еле ходила. Но ей нет семидесяти лет. У нее сахарный диабет в острой форме – а я думал, в моем роду нет диабетиков.

Через год тетя умерла. А спустя некоторое время умер младший дядя – у него тоже был диабет в острой форме. Я встревожился, опять сходил в медсанчасть, сдал кровь на анализ. Результат успокаивал: сахар в норме. Но одно дело лабораторные анализы, а другое дело факты. Я стал долго и тщательно анализировать этот вопрос, как шахматист анализирует отложенную партию.

У моих теток и дядей с материнской стороны есть диабет в острой форме. Они умирают, не дожив до семидесяти лет. Но их мать – моя бабушка – диабетом не болела: дожив до глубокой старости, она умерла от старческой немощи. И у моей матери диабета не было. Те родственники, которые умирают от сахарного диабета, – они от другой ветви – от второго брака моей бабушки – и эту болезнь унаследовали от своего отца. Анализ «отложенной партии» дал такие результаты. Но в этой партии одна фигура не поддается анализу – это мой старший дядя. По логике, он должен был умереть первым. Но он, будучи старше своих братьев и сестер, проводил их всех на тот свет, а сам продолжает жить – ему больше восьмидесяти лет. Меня это заинтересовало. Старший дядя стал предметом моих дум. Он не поселился в городке для беженцев, живет на окраине какого-то села Бардинского района. При первой возможности я расспросил людей, которые его знают и видят. Я хотел узнать, как он там.

– Нормально, – говорили люди. И казалось, вопрос исчерпан. Но я продолжал свой допрос:

– Не болеет?

– Нет, не болеет. Заядлый курильщик, но старик крепкий.

«Почему он не умирает? Диабет косил его братьев и сестер, а он живет себе как ни в чем не бывало, и скоро ему девяносто лет», – удивлялся я про себя. Одновременно мне стало стыдно от этой мысли: это же некрасиво, даже грех. Но, несмотря на это, вопрос был очень интригующим, и я не мог об этом не думать.

Все же надо ехать к дяде. Вообще-то, почему я до сих пор к нему не поехал? После того как началась оккупация и мои родные стали беженцами, я побывал у всех дядей и теток. Но к старшему дяде ни разу не ездил. Надо исправить эту ошибку. Правда, он угрюм, но человек положительный, провинциальный интеллигент – педагог, преподавал литературу в сельской школе. Пожалуй, надо найти время и поехать к нему. Конечно, будут упреки.

– Сколько лет я скиталец. Смотри, где я живу… А ты ни разу не заходил и не интересовался, как живет твой аксакал-дядя… – скажет он.

– Да, вы правы. Но у русских есть поговорка: лучше поздно, чем никогда. Я тоже, хоть и поздно, хочу исправить свою ошибку, – скажу я. И, по-моему, неплохо сказано. А тем временем он уже переменит тему:

– Ну принесите же чаю! – дядя окликнет своих. Услышав обнадеживающий ответ, что чай заваривается, он из кармана вытащит пачку дешевых сигарет. И на этот раз, обращаясь ко мне, скажет:

– Ты не куришь? Нет? Ты молодец, русские поговорки знаешь и не куришь. А я в день две пачки курю.

– Две пачки! – с удивлением скажу я. – Это очень много.

– Конечно много. Но я привык к этому проклятому яду.

Да, я поеду к дяде. Вопрос уже решен. Но вдруг совершенно неожиданно пришлось отменить этот план. Я вспомнил… Все это было связано с одним воспоминанием.

Я часто думал о дяде, и как-то мне вспомнилась одна очень интересная история, связанная с ним. Ее рассказывала мне, вернее, не только мне одному, а всем своим детям, моя мама. Это было давно, в то время мне было десять лет. Мать рассказывала эту историю очень убедительно, а начиная со слов «я была большой девочкой и все видела своими глазами», словно заколдовывала меня, и мне казалось, что я сам тоже все это видел своими глазами. Но эта история будет непонятна человеку, если он не знает, что было до этого.

Дело в том, что когда родилась моя мама, ее отец погиб в результате несчастного случая. А через год ее мать вышла замуж вторично. Но, по требованию нового мужа, она не взяла с собой девочку – годовалого ребенка, а оставила ее на попечении своих сестер. Тетя – не мать. А тети этой девочки были не родные, и у каждой из этих двоюродных теток были свои кровные дети. В такой обстановке бедной девочке было очень трудно: она все время плакала, хотела быть со своей мамой. А ее мама жила в другом месте, и ей было запрещено брать свою дочку к себе, в дом нового мужа. Вопрос был поставлен так жестко, что никто не осмеливался обсуждать его заново и вносить какие-либо изменения.

Между тем у бабушки родились дети от второго брака. Но они умирали, не дожив до трех месяцев. Муж и жена были в тревоге. Несмотря на это, бабушка успела забеременеть уже в четвертый раз. Всем было ясно, что и четвертого ребенка ждет такая же участь. Что делать? Как быть? Недолго думая, муж и жена обратились к гадальщику.

Далеко от нашего села жил известный гадальщик. Они съездили к нему. Бабушка со слезами на глазах рассказывала гадальщику, пожилому и умному мужику, какое у нее горе: четыре года она замужем, родились трое детей, но все они умерли, в семье нет детей.

– Вы говорите, у вас детей нет, – сказал гадальщик. – А я здесь вижу, что у вас есть ребенок.

Я не могу сказать, как он определил, что у бабушки есть ребенок, и, говоря «я здесь вижу», что он имел в виду, куда в тот момент смотрел, что видел. Но он угадал точно. Бабушка покраснела, стала заикаться. А ее муж смутился.

– Чтобы я мог вам помочь, – сказал гадальщик, – вы должны сказать правду.

Бабушка вынуждена была рассказать и о маленькой девочке. Но при этом, говоря «мы решили оставить девочку у моих сестер», часть вины своего мужа она взяла на себя.

– Понятно, – сказал гадальщик. – Несчастье в вашем доме связано с этой девочкой. Вы очень жестоко поступили с ней. Годовалого ребенка оставили на попечение двоюродных теток. Они не уделяют ей должного внимания, скорее всего, никакого внимания не уделяют. Девочке очень трудно, она все время плачет, скучает по маме. Ее плач дошел до самого Бога, он разозлился и проклял вас. Вы с вашим мужем прокляты и попали в ад, перестарались, поэтому в ад попали не посмертно, а при жизни.

Бабушка горько заплакала. Ее муж, опустив голову, молча сидел. А гадальщик молча смотрел на них и наконец сказал:

– Я вижу, вы беременны. – Бабушка была на шестом месяце беременности, и не заметить это было невозможно. – К сожалению, судьба этого ребенка будет такой же: по вашей вине он тоже проклят…

Бабушка не смогла совладать с собой и стала плакать громко. Ее муж занервничал.

– Слушай, хватит! – сказал он жене. – Опомнись, мы же в гостях. Стыдно.

Бабушка затихла, стала плакать беззвучно.

– А как нам быть? – после некоторой паузы спросил ее муж у гадальщика.

А гадальщик молча сидел и качал головой, и это означало «я не могу ответить на этот вопрос».

– Очень сложный вопрос, – наконец-то сказал гадальщик. – Для начала мать должна взять девочку к себе. Пусть ребенок живет рядом с матерью и радуется. Вы оба должны быть очень внимательны к ней. Бог всемогущ: все видит, все знает. Он непременно заметит и перемену в вашей семье.

* * *

Вернувшись домой, мать сразу же девочку взяла к себе, она то и дело обнимала ее, целовала, говорила ласковые слова. Отчим тоже с ней был очень ласков. Какая радость! Девочка

перестала плакать, она была счастлива. А через три месяца у ее матери родился четвертый ребенок от второго брака – это был красивый, здоровый мальчик. Но жаль, что он умрет через три месяца. Мальчику даже имя не давали. Мать кормила его грудью и плакала. Девочка спрашивала:

– Мама, почему ты плачешь? – она так говорила и сама тоже плакала. А ее вопрос оставался без ответа.

В этом доме все покрыто мраком, это не место для человеческого жилья, это ад. К вечеру муж тоже возвращался в ад.

Однажды муж сказал жене:

– Может, еще раз съездить к гадальщику?

– Ты так думаешь? – сказала жена.

– А почему нет?

– Да?

– Да…

– Я не против. Но пусть исполнится сороковой день от рождения ребенка. Подождем еще одну неделю, потом поговорим.

Через неделю муж и жена съездили к гадальщику. Очень рано встали, чтобы успеть к вечеру вернуться домой. Девочку и мальчика без имени – зачем ему имя? – взяли с собой.

* * *

Гадальщик сразу понял: родители хотят спасти ребенка. Они знают, что это невозможно, но все равно хотят что-то изменить. Мать умоляет, просит о помощи. Люди в отчаянии. Гадальщик очень хочет им помочь, но это невозможно. Но, как ни странно, гадальщик тоже начал думать: он ломает голову, ищет выход из безвыходного положения.

Уже полдень. Гости и семейство гадальщика сидят за столом. Они пьют чай. И кушать можно – стол накрыт, все есть: сыр, каймак, мед, разные фрукты, соленые огурцы, помидоры, лаваш, тандыр-чурек… Гости голодны, а еда застревает в горле. Девочка взяла кусочек сыра, положила в лаваш, потом откусила – ой, как вкусно! Но как только увидела мрачное лицо матери, аппетит сразу пропал, ей уже не хотелось кушать, она хотела плакать. Несчастные люди превратили в ад и очаг гадальщика. Чтобы успокоить их, трудно найти подходящие слова. Излучая мрак, как демоны, молча сидят муж и жена. Мрак сгущается. В такой обстановке нельзя есть: еда, как яд, может отравить человека.

Трапеза закончилась. Гости скоро уедут. Пока женщины о чем-то говорят, шушукаются, гадальщик вместе с гостем выходит во двор. Человек живет в достатке. У него есть и небольшой сад, а там такие деревья! На какое-то время забывая все, мужики говорят по-хозяйски.

– Видите, какие яблоки! – сказал гадальщик. – В нашем селе, даже в соседних селах ни у кого таких яблок нет.

Мужчины отошли от дома, их голос уже никто не услышит. Но все равно гадальщик говорит шепотом, а гость, затаив дыхание, внимательно слушает.

– О нашем разговоре никто не должен знать, – сказал гадальщик. – Вы все это видели во сне. Вам приснилось, понятно?

– Да, понятно, – сказал гость.

– Так вот, никому ничего не объясняя, молча делайте то, что я вам сказал.

– Хорошо, – сказал гость.

* * *

То, что было дальше, девочка видела своими глазами. И спустя много лет рассказывала нам, своим детям. Было зимнее время, мы толпились вокруг теплой печи. Вот тогда мать подробно рассказывала об этом. Свой рассказ она начинала словами: «Я была большой девочкой и все видела своими глазами» – в то время ей было пять лет.

– Резали скотину. Принесли весы. Ребенка – вот этого, моего младшего брата – положили на одну тарелку весов, а на другую стали класть мясо скотины до тех пор, пока тарелки не уравновесились. Мясо завернули в простыни. Потом несколько человек, плача и рыдая, ходили на кладбище с этим мясом. Завернутое в простыни мясо положили в маленькую могилу и засыпали землей. А потом вернулись домой. В тот же день мальчику дали имя. – Моя мама рассказала нам то, что сама видела своими глазами.

В результате этой инсценировки смерти малыша мой старший дядя был спасен. Люди отчаялись, не знали, что делать; дошли до того, что стали играть с огнем: обвели вокруг пальца Азраиля – ангела смерти.

После старшего дяди у бабушки родились еще четверо детей от второго брака. Дожив до семидесяти лет, все они умерли от сахарного диабета. Среди них старший дядя стоит особняком. Он человек особый: был зачат в аду, родился в особых условиях и должен был умереть трехмесячным малышом. Но в результате спецоперации был спасен и до сих пор живет, скоро ему девяносто лет. Ни одна болезнь, даже сахарный диабет в острой форме, ему не страшна. Потому что в его «жизненно важных документах» неразбериха. По «документам» он якобы умер в детстве…

Вообще-то, какое мое дело, кому сколько лет, кто чем болеет и кто кого перехитрил? В такие дела нельзя вмешиваться – это очень опасно. И я постараюсь забыть то, что слышал в детстве, не буду об этом даже думать.

Песня слепого

Как и многие дети Карабаха, в детстве я любил петь. По-моему, хорошо пел, и за это меня приглашали выступать на концерте самодеятельного коллектива. А мне самому нравилось петь на свободе, в основном когда я со своими сверстниками пас овец и коров в долине реки или на предгорных пастбищах. Ближе к закату мы возвращались с пастбищ. В низовьях долины, недалеко от речки, был кяриз – источник чистой воды, это то же самое, что и родник. Коровы и овцы принимались пить воду из речки. А мы пили из кяриза, умывались, потом шли за стадом, которое уже направлялось в сторону деревни. Впереди шествовали коровы, гордо демонстрируя свои длинные рога, а за ними – козлы и овцы. Переправившись через речку, вся эта процессия выходила на прямую дорогу. Вот тогда мальчики и девочки просили меня петь. Я и сам хотел; все было так прекрасно и романтично, что волей-неволей хотелось петь. Но была какая-то заминка, потому что я не знал, с чего начинать. А терпение моих товарищей лопалось: «Просим, умоляем! Спой что-нибудь. Да ладно…» Я начинал петь и чувствовал, что выходит хорошо, даже намного лучше, чем на концерте в клубе.

Один раз я запел, когда шел в школу. Это был редкий случай – я никогда не пел по дороге в школу. В то время я учился в шестом классе, а наши занятия начинались в полдень, то есть во вторую смену. Итак, в полдень, идя в школу, я запел.

В моем репертуаре в основном были народные песни. А идя в школу, я пел песню из спектакля; когда озвучивали ее, диктор обычно так и объявлял: «Песня слепого из спектакля…» Это очень грустная и трудная песня. В тот день настроение у меня грустным не было, но почему-то стал петь именно ее:

Чаша терпения переполнилась,
Где же ты, справедливость?
Отзовись, ты слышишь?..

Я пел и продолжал свой путь. Прошел мимо одного дома. Этот дом принадлежал самому бедному человеку нашей деревни. Люди там жили очень бедно: у них ни коров, ни овец, ни козлов не было. У них, по-моему, даже кур не было. И собак они точно не держали. Земля их – приусадебный участок – никогда не вспахивалась, там огорода не было и деревья не росли. Одно-единственное тутовое дерево, на вид старое и чахлое, как его владелец, росло в передней части уныло-серого дома. Куда ни глянь – везде и всюду царила страшная нищета. Пройдя мимо этого дома, краешком глаза я заметил, что второй сын бедняка, молодой человек лет двадцати, стоит ближе к воротам пустого двора и слушает, как я пою.

Я уже дошел до другого дома – соседа бедняка. Между тем песня уже была на стадии завершения; именно эту часть ее, концовку, исполнять очень трудно. Но я успешно справился с этой задачей, завершив свое выступление, облегченно вздохнул и хотел ускорить шаг, чтобы не опоздать на первый урок. Вдруг услышал звук сзади. Повернувшись, увидел, что этот молодой человек вышел на улицу и смотрит в мою сторону. Как только я повернулся, он тут же сказал: «Гурбан олум, гардаш! Спой эту песню еще раз. Очень прошу, умоляю!»

Не раздумывая, я начал петь, точь-в-точь повторяя то, что пел до этого. А второе исполнение явно было лучше первого. Завершив свое выступление, я повернулся и посмотрел назад. На расстоянии около ста метров, опустив голову, молодой парень стоял так, как будто это был не живой человек, а некая статуя. Я быстро отвернулся и, ускорив шаг, пошел в школу.

В то время я не придал значения этому. Хотя что-то особенное было в просьбе молодого человека. Правда, иногда меня просили петь. Но *так* не просили. К тому же обычно это были те люди, которые меня знали. А я не был знаком с этим человеком. Мы жили в разных, удаленных

друг от друга местах: я – в верхней правобережной части деревни, в Чайкенте, а он жил в нижнем левобережье. Он был старше меня, я с ним не общался никогда. Я просто знал, чей он сын и как его зовут. А он, по-моему, даже не знал, как меня зовут, и вдруг так попросил.

Впоследствии, спустя десятилетия, иногда вспоминая это событие, я постарался кое-что выяснить для себя. В то время в отдаленных деревнях телевизора не было. Радио уже появилось, но мало у кого была такая роскошь. Безусловно, у этой бедной семьи тоже радиоприемника не было. А какую-то песню люди могли слышать или на свадебных торжествах, или по радио. «Песня слепого» грустна и неритмична, на свадьбах таких не поют. Итак, получается, что сын бедняка эту песню впервые услышал в моем исполнении. Она – голос души судьбой обиженного человека, слепого. Чем же лучше человек очень бедный? Он гол как сокол и такой же одинокий, такой же несчастный, как слепой. Бедный сосед соседям не нужен, бедный родственник не родной человек, он чужой, вся родня сторонится его как зачумленного. Мир таков, он очень жестоко обращается с людьми такого рода. В «Песне слепого» об этом и говорится: слепой, покинутый всеми, одинокий, несчастный человек отвергает этот жестокий мир, считает его несправедливым. Об этом пел и я. А сын бедного мужика услышал. Но это же голос его души! Ах вот оно что, оказывается, есть и песня, в которой поется о его чувствах и думах! Молодой человек был шокирован. Он выскочил, побежал к воротам – хотел знать, кто же поет. А вот он, мальчик какой-то идет в школу. Интересно, кто это? Да какая разница, кто он? Главное, он хорошо поет. Молодец! Его звонкий голос порхает над деревней, как стая диких голубей, обитающих в Инджирлике, шаркая своими сильными крыльями, рвется к облакам, еще дальше – к звездам… Господи, как он поет и как точно передает то, что всю жизнь волновало сердце бедного парня:

Чаша терпения переполнилась,
Где же ты, справедливость?
Отзовись, ты слышишь?..

* * *

Когда началась оккупация, не все жители нашей деревни успели покинуть свои дома. Остались в основном пожилые люди. Они не могли поверить тому страшному, о чем говорили многие, и часто, притом с явной иронией, спрашивали: «Как это? Зачем? А куда я пойду, если еле хожу? Нет-нет, что вы! Я даже полдня не могу прожить в другом месте, тем более в каких-то вагонах, палатках. Я останусь здесь. Убьют? А это зачем? Я никому ничего плохого не сделал…» Артиллерийские снаряды летели над их головами и падали рядом с ними, точно попадая в цель, разрушали наиболее заметные здания: школу, мечеть, административный центр бывшего колхоза, двухэтажные дома состоятельных людей… Обстановка накалялась. А наивные люди – в их числе был и сын бедняка, но уже немолодой – все медлили, откладывали свой уход. И вдруг… Оказывается, уже уйти куда-то подальше, спастись невозможно. Деревня была оккупирована. Разрушили все, что можно было разрушить, сожгли все, что можно было сжечь. Люди… Об оставшихся там людях ничего не известно, их считают пропавшими без вести.

Человек же не иголка, как это – «пропавшие без вести»? Когда деревня была оккупирована, там были люди. Их или убили, или взяли в плен. Однако есть и другая версия: их не убили, в плен тоже не взяли; их не трогали по той простой причине, что в той разрухе они долго не проживут и скоро сами умрут с голоду, – наверное, так и было.

Сын бедняка тоже остался в оккупированной деревне. Но, в отличие от других заложников, он с детства привык к лишениям и трудностям. В принципе, его образ жизни не изменился. У него было и другое преимущество – его дом уцелел. Оккупантов можно понять: зачем

разрушать хижину нищего? Зачем сжигать приусадебный участок, если там ничего не растет? Итак, вся недвижимость бедняка, которую он унаследовал от своего отца, осталась нетронутой. А он продолжил жить в своем привычном режиме. Наверное, еще долго будет жить. Я даже представляю, чем он занимается: с утра до вечера стоит на улице – это на дороге, которая вела в школу, – возле ворот, где я его видел в последний раз, опустив голову, слушает свою любимую песню – «Песню слепого». Школы как таковой уже нет: ее разрушили до основания. А дорога остается, но она так заросла травой, даже не верится, что эта длинная полоса когда-то была дорогой. По этой дороге в школу ходил и мальчик, который любил петь. Особенно хорошо пел он «Песню слепого». Мальчика уже нет: он вырос и давно, даже задолго до оккупации, покинул деревню. А песня, которую он пел всего два раза, остается. Его звонкий голос, то поднимаясь, то опускаясь, звучит неустанно, кружится над развалинами деревни, как стая диких голубей в безутешном поиске разрушенного гнезда.

Вся деревня разрушена. Кладбище и мечеть тоже разрушили. Когда-то цветущая и красивая деревня сама превращена в огромное кладбище. В долине реки поселились демоны и дьяволы. Там по ночам бродят призраки. Везде и всюду царит гробовая тишина. Но временами слышен какой-то отвратительный звук – демоны и дьяволы о чем-то говорят между собой. Это так подло и так ужасно, что земля страшно содрогается, мертвые силятся перевернуться в своих гробах. Внизу, в чаще леса, среди разрушенных домов, в самом центре руин, опустив голову, стоит неподвижно, как статуя, беднейший человек мира; затаив дыхание, он слушает песню слепого:

Чаша терпения переполнилась,
Где же ты, справедливость?
Отзовись, ты слышишь?..

Аншлаг

Майор иногда хвалил нас. Сказал, что мы хорошо поем. Нам было очень приятно, и мы старались петь еще лучше. Нашими же слушателями были солдаты и офицеры полка. Но это не все. Кроме всякого рода зданий на территории полка были еще одноэтажные финские дома с небольшими земельными участками. Проходя по дороге между рядами этих домов, мы видели там белокурых молодых женщин в небрежно застегнутых легких халатах, при виде которых наши молодые сердца смутно волновались; там же, в тени деревьев, резвились дети – это были семьи офицеров. Значит, когда мы пели, нас слушали не только солдаты и офицеры, но и эти молодые женщины и их дети.

Мы не были певцами. Мы были студентами, но учились не в консерватории – мы учились в университете. Сейчас университетов стало больше: практически все высшие учебные заведения называются университетами. А в то время в Азербайджане был всего один университет. И мы гордились тем, что учимся именно в этом единственном университете. Помимо всяких профильных кафедр у нас еще была военная кафедра. Начиная со второго курса в течение трех лет нас, студентов-парней, учили военному делу. По окончании четвертого курса, сдав экзамен, мы получали звание лейтенанта и становились офицерами запаса.

Вот наконец-то и мы окончили четвертый курс, стали сдавать экзамены… Оставался еще один, последний экзамен. Но сдать его было не так-то просто, это была целая история. Для сдачи экзамена по военному делу студентов забрали в какую-то военную часть; мы там два месяца жили в солдатских казармах, бесплатно питались в солдатской столовой, повторяли весь пройденный материал, стреляли из пистолетов, автоматов, пулеметов, участвовали в инсценированной атаке позиций вероятного противника, совершали длинный марш-бросок… а в самом конце сдавали экзамен.

Студентов нескольких факультетов, в том числе и нас, ребят с химфака, забрали в Нахичевань. Там, в селе Киврак, недалеко от советско-иранской границы, был расквартирован советский полк. Чтобы попасть туда, мы долго – почти сутки – ехали на поезде. В общем вагоне, куда нас запихали, было жарко, отвратительно душно и очень тесно: народу было так много, что даже найти место, чтобы посидеть, было невозможно. Я с одним из моих товарищей по факультету в поисках свободного места долго крутился. Но, увы, все места были заняты. Мы уныло стояли и ждали: может быть, кто-то встанет и освободится место для нас. Наконец сбылась наша мечта, но не полностью: освободилось только одно место, и мой товарищ быстро сел туда. Через некоторое время он ухитрился каким-то образом найти место и для меня рядом с собой. До этого дня я его не очень-то хорошо знал, потому что он, как оставшийся на втором курсе, присоединился к нам позже. А к таким людям, как правило, относились не очень-то уважительно, считая их чуть ли не второсортными. А он, мой товарищ, оказался очень хорошим парнем и в этой трудной поездке меня опекал как заботливый старший брат. Я стал его уважать, ценить и за период двухмесячных сборов больше всех с ним общался; мы часто садились за шахматную доску и, отключаясь от пустой болтовни, молча играли в шахматы. Между прочим, ежедневные тренировки дали свои положительные результаты: в начале сборов я понял, что почти все ребята играют лучше меня, а в конце же я стал выигрывать у всех, за исключением одного, который был не самоучкой, как мы, – в детстве он шахматами занимался профессионально и даже стал чемпионом среди школьников своего района.

Напротив нас, на высоте примерно двух с половиной метров, на третьем ярусе вагона спал один студент. А мы все – сидящие и стоящие на ногах – завидовали этому счастливчику. А тот спокойно спал себе как ни в чем не бывало. Так продолжалось до двух часов ночи. Вдруг среди ночи счастливчик зашевелился, проснулся, повернулся, открыл свои глаза и стал с вершины своего благополучия смотреть на нас тупым и сонным взглядом. Я этого парня не знал.

Вообще-то, как ни странно, кроме своих товарищей по факультету, остальных студентов я не знал, как будто эти четыре года мы учились не в одном, а в разных учебных заведениях. Счастливчик приподнялся, повернулся обратно, спустился вниз и пошел в сторону туалета. Еле пробираясь в тесном вагоне, он шел и шел, а я смотрел ему вслед. Наконец он дошел до туалета, стал в очередь. А в очереди было приблизительно семь-восемь человек. Значит, он вернется не скоро, а это заветное место будет свободным примерно полчаса, – подумав так, я посмотрел наверх. Мой товарищ тоже посмотрел туда и, сказав: «Я займу это место», – быстро поднялся со своего.

– А если он вернется и скажет: «Это мое место»? – возразил я.

– А где его место? Это же общий вагон, – сказал мой товарищ. А я в очередной раз убедился, что он умнее меня. – Я займу это место. Голова лопнет. Через час меня разбудишь – по очереди будем спать.

Он молодец, правильно оценил ситуацию и принял правильное решение. Наверное, из него выйдет хороший офицер: на занятиях по военному делу нас учили, что офицер всегда должен верно оценивать обстановку и принимать соответствующее решение.

Экс-счастливчик вернулся поздно и когда увидел, что на третьем ярусе вагона кто-то спит, явно смутился. Это уже говорило о том, что он не умеет правильно оценить обстановку. Потом он куда-то ушел и я его больше не видел. Но своего умного товарища я разбудил не через час, а ровно через три часа. Он заслужил это, пусть спит себе на здоровье, подумал я.

* * *

Мы сошли с поезда на какой-то станции. Потом долго ходили пешком по бездорожным полям и пастбищам – наверное, это была окраина Киврака. И вдруг перед нами появилась территория полка. Ой, слава богу! Наконец-то… Мы измучились, очень устали и сильно проголодались: я почти сутки ничего не ел.

В полку нам выдали военную форму и сказали: «Ребята, вы потные, грязные. Идите в баню, хорошенько вымойтесь. Только потом можно надевать эту чистую форму». Мы так и сделали. А как только выкупались, переоделись и поели в столовой, забыли все тяготы и лишения. Начали даже шутить – издевались над своими слабостями. Мы уже были солдатами, но нас называли курсантами.

Нахичевань – прекрасный край солнечного Азербайджана. Зимой там холоднее, летом же относительно теплее. А мы туда приехали в начале июля. Температура воздуха поднялась уже до сорока градусов, иногда было даже выше, – об этом говорил нам наш майор. У него был какой-то прибор: маленькая штука, похожая на компас, и он по этому прибору определял температуру воздуха.

– Ребята, сегодня сорок два градуса в тени, – говорил иногда майор. – Идите в казарму и постарайтесь до четырех часов не выходить на улицу. Опасно, запросто можно получить солнечный удар.

Этого офицера мы знали уже три года и, называя «наш майор», отличали от других майоров военной кафедры. Кроме этих майоров там было еще три подполковника. А саму кафедру возглавлял полковник – Герой Советского Союза Малик Магеррамов.

Первое время мы строго соблюдали запреты майора и без веской причины не выходили на солнце. Возле казармы сидели в тени деревьев, играли в шашки, шахматы, рассказывали анекдоты, смеялись, веселились – убивали время. Свободного времени было много, анекдотов же было мало, поэтому приходилось их повторять. А это снижало юмористический эффект рассказа. Чтобы устранить этот недостаток, кто-то вносил изменение в процедуру: рассказчик в самом конце должен был объявить, что он сказал все. Для убедительности кто-то из слушателей спрашивал: —Ты действительно закончил?

– Да, – отвечал рассказчик; при этом он должен был вести себя очень строго и ни в коем случае не улыбаться. А допрос продолжался:

– Ну смотри, не обманывай нас!

– Нет, что вы. Я сказал все.

– Ну, ребята, человек уже закончил свой рассказ. При желании можно даже смеяться.

Хотя при допросе рассказчика кое-кто не выдерживал и уже начинал хихикать, а после «официального разрешения» все ребята хохотали хором. Вот так мы убивали время.

Один раз я сходил в библиотеку полка. Хотел посмотреть, что там у них есть. Эта библиотека была бедна по сравнению с городскими, в которых я бывал. Но все равно, как редкий читатель-курсант, я должен был взять какие-то книги, что я и сделал: взял одну толстую книгу в желтой обложке. Это была «Жизнь Наполеона» Стендаля. Все лето я ее таскал с собой в надежде иногда убивать время с помощью Наполеона. А вскоре выяснилось, что это средство малоэффективно в условиях курсантской жизни – трудно было сосредоточиться. Но все равно до конца сборов я кое-как дочитал эту книгу и сдал в библиотеку.

День начинался с утренней зарядки. Вставали рано. Долго бегали. У меня наручных часов не было, точно не знал, который час. Визуально же солнце только-только взошло. Его первые лучи, упавшие на покрытую снегом вершину Агрыдага, который находится на территории Турции, рассеивались под разными углами и при этом далеко в небесах образовывалась невероятно красивая картина. Какие краски, какой блеск! Но эта картина не была статичной, она менялась каждую секунду. Потому что солнце поднималось все выше и выше, а при этом изменялись углы отражения солнечных лучей и появлялись все новые и новые картины, одна красивее другой.

Мы, тридцать человек, курсанты из одного взвода, бегали толпой. Каждый старался не отставать от основной группы. Не знаю, обращали ли внимание остальные ребята на это чудоявление или нет, но я был поражен. Чтобы не портить свой безмолвный восторг какой-то колкостью, неуместным замечанием, я молчал, даже не думал поделиться с кем-либо своими впечатлениями. А глаза мои, как стрелка компаса, неотрывно смотрели в сторону Агрыдага.

У этой горы есть и другое название – Арарат. В XI веке отвоевав эту территорию у римлян, турки назвали эту гору Агрыдаг. До турок и римлян территория принадлежала сасанидам, парфянам, греко-македонянам, персам (Ахеменидам), мидянам… А до них, в глубокой древности, в X–VI веках до нашей эры, там вокруг озера Ван было государство Биайнили со своим хурритским населением. Ассирийцы называли это государство «Урарту», и гора тоже так называлась. Слово Урарту из ассирийских источников попало в древнееврейские источники, видоизменилось и стало Араратом. Ветхозаветное царство Арарат означает древнее государство Урарту – Биайнили. Итак, из двух основных названий этой горы одно ассиро-древнееврейское – Арарат, а другое тюркское – Агрыдаг.

В первый же день после утренней зарядки и завтрака начались занятия. Как всегда, нельзя было что-либо писать, все надо было запомнить, но никаких записей – у нас даже тетрадей и ручек не было. А в конце первого занятия майор сказал:

– Вы должны и песню петь.

Это надо было делать ежедневно, особенно когда мы строем ходили в столовую или на занятия.

Майор дал нам на выбор несколько песен. Из них мы выбрали «Не плачь, девчонка». Выучив слова, стали петь ее в тот же день, когда ходили на обед:

Не плачь, девчоо-о-о-онка, пройдут дожди,
Солдат верне-е-е-ется, ты только жди.

А через день перешли на «Катюшу». Нам эта песня больше нравилась. Все считали, что Катюша лучше безымянной Плаксы. Мне самому особенно понравились слова трех строк, и я их пел с особым восторгом:

Выходи-и-и-ила на берег Катюша,
На-а высо-о-о-окий на берег крутой.
Вы-ы-ы-ыходи-и-ила, песню заводи-и-ила…

Казалось, вопрос исчерпан и до конца сборов будем петь эту песню. Но через пару дней ребята начали обсуждать вопрос о переходе на новую. Были опробованы другие песни, список которых дал нам майор. При этом выяснилось, что из этих песен мы как раз выбрали две лучшие. Тогда решено было сделать так: чтобы нам не надоело петь все время одно и то же, попеременно один день будем петь «Не плачь, девчонка», а другой день – «Катюшу». А что если будем петь азербайджанскую песню? Если разрешат, конечно. Но этот вопрос надо обсуждать с майором.

Наш майор был осетином. Но он, как бакинец, безусловно, хорошо знал, что азербайджанская музыка очень богата, там и для солдатской жизни можно найти хорошие песни. Переговоры с майором вели в основном те ребята, которые с ним были в очень хороших отношениях, за эти три года они с майором так якшались, что стали почти друзья – не разлей вода. Майор их уважал, доверял им и считался с их мнением.

– Если очень хорошая песня, можно, – немного подумав, сказал он. – Но есть одно «но»: согласится ли командир полка?

Мы скисли, сникли. Пауза. Все думали об одном: разрешит ли командир полка?

– Давайте лучше так: выбирайте одну хорошую песню, хорошенько потренируйтесь, – сказал майор. – Когда будете готовы, я послушаю ее в вашем исполнении. Если все будет хорошо, тогда я поговорю с командиром полка. Ладно?

– Хорошо, – сказали мы.

* * *

Подобрали несколько песен. Молодцы ребята, они потрудились и наконец нашли подходящие. А ребята с геофака, которые были с нами в одном взводе, выглядели активнее. После долгих обсуждений остановились на песне хора из оперы «Кероглы» Узеира Гаджибекова. Хор поет о Чанлибеле – это гористая местность, где обитают Кероглы и семь тысяч семьсот семьдесят семь его боевых соратников.

Если искусство глубоко народно, то переводить его на другие языки очень трудно. Но все же, хотя бы приблизительно:

Чанлибель – страна ты моя, крепость моя,
Вот и я стою на страже рубежей твоих,
И как стою: даже птичка не пролетит мимо…

Эти слова сопровождает бесподобная музыка. Все же гений Узеира Гаджибекова неспроста покорил весь мир. Интересно, а как будет здесь? Все зависит от командира полка: если он согласится послушать нас хотя бы один раз…

– Товарищ майор, наша песня уже готова, – сказали те ребята, которые с майором вели переговоры.

– Ну, давайте спойте, – ответил майор.

И мы стали петь. Но как пели! Майор был в восторге. А мы чуть не плакали от радости. Это было на занятии после обеда. До ужина оставалось два часа.

– Вы продолжайте заниматься. В шесть часов идите в казарму. А я пойду поищу командира полка, – сказав так, майор ушел.

Когда до ужина оставалось всего полчаса, мы сидели в тени возле казармы и с нетерпением ждали, когда же пойдем в столовую, одновременно смотрели на футбольное поле, где солдаты и курсанты самозабвенно сражались. Эти чудаки не признавали никаких запретов, в футбол играли даже в полдень, под палящим солнцем. И вдруг ребята нашего взвода начали вставать со своих мест, собрались вместе, радостно зашушукались. Что случилось? Оказывается, получили хорошую весточку от нашего майора: «Командир полка не возражает. Сегодня, когда пойдете на ужин, пойте эту песню. Постарайтесь петь как можно лучше».

Командир полка разрешил нам петь эту песню на азербайджанском языке. А мы каждый день по нескольку раз пели ее.

– Командиру полка очень нравится ваша песня, – с улыбкой на лице говорил иногда наш майор. – Он говорит: «Пусть ребята поют свой «Кероглы», – так называл эту песню русский полковник, – очень хорошая песня. Между прочим, когда вы поете, весь военный городок вскакивает и, затаив дыхание, слушает вас.

Бригада новичков

Ночной обход я начал с самой крайней установки. На обратном пути надо было зайти в лабораторию. Наружная дверь была заперта. Я постучался. Кто-то подошел к двери и спросил:

– Кто там?

– Девушки, это я, начальник смены, – сказал я.

На вахте стояли Биргюль и Таня. А должно быть трое. Без третьего человека в первой и во второй сменах кое-как можно обойтись. Но в третьей смене бригаду должны были укомплектовать.

– А где третий человек? – спросил я.

– Одна лаборантка в отпуске, а начальник не разрешает за нее сверхурочно работать, – сказали девушки.

Отвечая на мои вопросы, лаборантки уже приступили к делу – делали анализы. Люди были заняты – когда на вахте отсутствует человек, другие работники вынуждены напрягаться.

Я вышел из помещения, где девушки работали, зашел в другую комнату. Там на столе были телефонный аппарат, вахтенный журнал и журнал записи результатов анализов. Я сел за стол, взял журналы, полистал, почитал. «У девушек проблем нет, и они очень заняты. А мне надо проверять другие объекты», – подумав так, я встал, по коридору пошел к двери.

– Девушки, я ухожу, – сказал я громче обычного, чтобы они меня услышали и сразу закрыли дверь. – Если будут какие-то проблемы, позвоните. Я буду или на установках, или у себя в кабинете.

В коридор вышла Биргюль, а за ней Таня.

– Ты уже уходишь? – спросила Таня.

– Да, – сказал я. – А что?

– Так быстро?

– Вы заняты, не хочу вам мешать. К тому же я на обходе, должен зайти и в другие отделы.

Таня, чуть повернув голову, посмотрела на настенные часы, которые в ночной тишине монотонно тикали. Биргюль и я сделали то же самое. Стрелки показывали пятнадцать минут второго.

– Ты не можешь задержаться на полчаса? – спросила Таня.

Обычно я так и делал: задерживался на каждом объекте, разговаривал с людьми – хотел получать более достоверную информацию от самих работников, которые непосредственно трудились на данном участке и лучше всех знали, какие там проблемы.

– Могу. Но скажи, пожалуйста, что случилось, зачем это надо?

– Ты знаешь, через полчаса мы должны пойти на установки за пробами. А сегодня пасмурно и очень темно. Мы с Биргюль боимся, – разговаривая со мной, Таня на миг взглянула на Биргюль, чтобы та подтвердила ее слова. А Биргюль сразу кивнула головой, и это означало: да, мы боимся. – Думаем, лучше на установки пойти с тобой вместе. Тебе не будет трудно?

– Не-е-ет. О чем ты говоришь? – сказал я и сразу вернулся назад.

Длина внутрицеховой дороги с одного конца до другого была больше километра, но она не освещалась – лаборантки были правы. Надо было их проводить. Но это не все: надо было еще поговорить со старшими операторами установок, чтобы кто-то из операторов сопровождал их и на обратном пути.

Девушки работали в разных, но смежных комнатах и одновременно разговаривали.

– Биргюль, ты слышишь меня? – спросила Таня.

Биргюль отозвалась и на азербайджанском языке сказала, что хорошо ее слышит. Услышав это, я подумал, что девушки шутят.

– Ты, пожалуйста, включи электрочайник.

– Бу саат[3], – сказала Биргюль.

Я задумался: ничего себе, девушки разговаривают, но, как ни странно, каждая говорит только на своем языке. А в это время раздался голос Тани:

– Биргюль, я очень занята, не могу оторваться от работы. Этот вискозиметр – фу, дрянь! – опять барахлит. Пожалуйста, открой мой ящик, там остались конфеты. Ты их возьми, положи в сахарницу. Налей чай, отнеси начальнику.

– Яхшы[4], – сказала Биргюль.

– Ты точно поняла, что я сказала? – чуть громче спросила Таня.

– Дедим, йахшы да-а. Карсан? Гышгырма[5].

– Молодец, Биргюль. Ты просто прелесть. Но только не ори, пожалуйста. Ладно? А то люди подумают, что мы с тобой ссоримся, что ли…

Биргюль зашла в комнату, где я сидел. Она поставила на стол стакан чая и сахарницу, а потом вернулась назад. Чай был горячим. Пришлось подождать.

Лаборантки уже завершили свою работу. Надо было записывать результаты анализов в журнал. А это делала Таня.

– Биргюль, принеси мне результаты определения температуры вспышки масла и парафина.

– Бу саат.

– А где инертный газ?

– О да бурдады. Буду… Яхшы бахсана.[6]

Записав результаты анализов в журнал, девушки в спешке начали готовиться к выходу из лаборатории. Они собрали кучу бутылок и металлических кружек. Бутылки положили в самодельный деревянный ящик с ручкой, который был похож на большой портфель. Кружки же поместили в алюминиевую посуду, похожую на большую кастрюлю; эта штука тоже была снабжена ручкой для удобства при переноске. И вся эта возня сопровождалась шумом, криком, взаимными упреками, предупреждениями, мол, смотри, не бери то, что не нужно, не забывай то, что нужно и т. п. При этом, как у них было принято, каждая из них говорила исключительно на своем родном языке. А Биргюль… Она три месяца назад приехала в Баку из отдаленного села Казахского района. Плохо училась в школе, на завод же устраивалась для того, чтобы заработать немного денег, купить себе приличную одежду, обувь. Она говорила на типичном казахско-борчалинском диалекте в его первозданном, почти не обработанном варианте. Ее говор кишмя кишел искаженными глаголами всех времен и лиц типа «алерам»[7], «бахерам»[8] и т. п. Она очень часто употребляла идиоматические выражения, порой непонятные самим азербайджанцам из других регионов, даже целые предложения типа «Аз-аз, бу верана галмыша бахерсанмы!»[9], которые на другие языки не переводятся, а если попытаться их перевести, получится абсурд. Как же ее понимала Таня, русская девушка, которая всего пять месяцев назад приехала из Саратова в Баку?

Таня здесь поступила на технологический факультет АЗИ (нефтяная академия) и, поскольку училась на вечернем отделении, должна была работать по специальности. Поэтому ей пришлось пойти на нефтеперерабатывающий завод. Итак, две девушки, обе новички в городе Баку, начали работать в лаборатории. В этой бригаде с ними вместе была еще одна девушка, но так получилось, что она ушла в отпуск и я ее не знал. Единственной преградой в

---

[3] *Сейчас.*

[4] *Хорошо.*

[5] *Сказала хорошо. Глухая, что ли? Не кричи.*

[6] *Это тоже здесь. Вот… Хорошо смотри.*

[7] *Возьму.*

[8] *Смотрю.*

[9] *Посмотрите, что она натворила!*

общении и совместной работе этих девушек был язык: Биргюль не знала русского языка, а Таня – азербайджанского. Но они как-то умудрялись понимать друг друга. Как это им удавалось?

Когда люди вынуждены общаться в таких обстоятельствах, они очень внимательно смотрят друг другу в глаза. Каждый напряженно следит за жестикуляцией своего оппонента, а если знает несколько слов из его языка, то, вставляя в предложения на своем языке, их обязательно использует; порой придумывает что-то оригинальное, издает какие-то звуки… И все это дает очень хороший эффект – в принципе они понимают друг друга.

Один раз, не имея возможности вмешаться, я наблюдал очень типичную сцену. Соседи – русская и азербайджанская семьи – имели общую кухню.

Жена русского соседа пошла в кухню, чайник поставила на газовую плиту, включила газ и ушла. За ней туда зашел гость азербайджанского соседа – молодой мужчина, который из района приехал к своим родственникам и очень плохо знал русский язык. Он искал тихое и уютное место, где можно было хотя бы полчаса посидеть, отдохнуть от детского шума. Общая кухня была как раз таким местом. Через некоторое время вода в чайнике закипела. Мужчина встал, выключил газ и опять сел. Через минуту в кухню зашла русская женщина. Газ выключен, чайник горячий. Но действительно ли вода в чайнике закипела? Может быть, запах газа не понравился мужчине, он взял и отключил его? Все же надо уточнить.

– Чайник закипел? – спросила женщина.

Казалось бы, очень простое предложение. Слово «чайник» есть и в азербайджанском языке. Но мужчина не понимал значение слова «закипел», поэтому ему был непонятен вопрос. Женщина повторила. Опять то же самое: мужчина тупо посмотрел на нее и ничего не сказал. Между тем женщина уже догадалась, в чем дело: мужчина не понимает значение слова «закипел». Что делать, чем заменить его? При кипении воды чайник издает звук. Вот этим звуком надо заменить непонятное слово.

– Чайник быз-быз? – сказала женщина.

На этот раз мужчина ее понял и сразу же ответил:

– Да, быз-быз! Чайник быз-быз.

Вот так выход был найден, люди поняли друг друга.

А у этих девушек все было по-другому. Из уст каждой изливался поток слов, словно два родника текли рядом, при этом не мешая друг другу и не смешиваясь. В такой обстановке человек не может понять своего собеседника. А Биргюль с Таней понимали друг друга. Но при общении они не жестикулировали, не следили за выражением лица своего оппонента и не издавали звуков типа «быз-быз» и т. п. Таня не вставляла азербайджанские слова в русские предложения, Биргюль не использовала русские слова в азербайджанских предложениях… Все было необычно и уникально.

Наконец-то возня закончилась. Мы втроем покинули лабораторию и уже были на внутрицеховой дороге. Девушки стали говорить между собой. Ночь, черная завеса тьмы не должны были страшить их, потому что я, сильный молодой мужчина, сопровождал их. Но все равно в их разговоре чувствовалась тень опасения.

– А Таня, – сказала Биргюль, – йаман гаранлыгды[10].

– Да, точно, Биргюль, очень темно, – сказала Таня.

А я переключился на другую тему. Очень оригинальный разговор двух девушек уже не приковывал мое внимание. И, как ни странно, в ночной темноте этот феномен как будто стал обычным явлением. Тьма имеет свои закономерности, это другой мир. Там, где света нет, мир становится другим, человек тоже начинает мыслить по-другому. Ведь недаром же подавляющее большинство всех преступлений совершается именно ночью. Внутрицеховая дорога начиналась с западной части цеха, тянулась мимо мастерской, установки инертного газа, новостро-

[10] *Видишь, как темно.*

ящегося объекта, компрессорной станции, лаборатории до стен резервуарного парка. А там, на расстоянии четырехсот метров от лаборатории, поворачивала на юг, проходила мимо установок депарафинизации, оставляя на правой стороне водо-блок и управление цеха, доходила до основного входа в цех. Только на повороте у стен резервуарного парка, на самом верху столба, горела одна лампочка. Но она была так запылена, загрязнена, что ее слабый розово-желтый свет напоминал светляка, застрявшего наверху столба. Практически внутрицеховая дорога длиной более одного километра не была освещена.

Самой темной зоной же был участок между компрессорной станцией и лабораторией. Этим пользовались люди, которым темнота была на руку; через забор они проникали на территорию завода, воровали стройматериалы, трубы и до того обнаглели, что даже начали нападать на женщин.

Вот недавно именно в это время, в два часа ночи, бандиты – два молодых парня – заметили двух девушек, которые вышли из лаборатории и пошли темной дорогой в сторону установок. Отложив свои дела, они напали на девушек: хотели их изнасиловать. Одна из них не растерялась, стала самоотверженно защищаться, улучив момент, сумела даже деревянным ящиком нанести удар напавшему на нее парню. Удар получился довольно-таки сильным. Преступники не ожидали такого сопротивления. А еще вот этот удар… Между тем девушки уже начали кричать во весь голос, призывая на помощь. Бандиты сильно испугались, отступили и исчезли в темноте.

К утру уже весь завод знал об этом инциденте. Но этот вопрос не обсуждался даже на цеховом уровне, – руководство было занято проблемами плана, для мелочей у них времени не было. Только три человека серьезно обсуждали это происшествие.

К десяти часам к начальнику цеха явился брат одной из этих девушек – той, которая деревянным ящиком ударила бандита. Он потребовал, чтобы его сестру срочно уволили.

– Такой вопрос быстро не решается, – сказал начальник цеха. – Как правило, люди увольняются в течение месяца.

Но мужчина был настроен агрессивно, а после нравоучений начальника цеха стал требовать более решительно, даже угрожал:

– Я не позволю, чтобы моя сестра работала на этом проклятом бардаке не только месяц, но даже полдня. Вы должны уволить ее срочно, сейчас же. Иначе будет плохо!

Начальник цеха не выдержал такого натиска и позвонил начальнику отдела кадров. Два начальника этот вопрос обсудили по телефону и пришли к выводу, что дело дрянь: если инцидент получит огласку, сильно пострадает имидж завода; но это не все – еще кое-кто будет вынужден уйти со своего поста. Поэтому пришлось выполнять требование брата пострадавшей девушки.

Недостатков типа плохого освещения, отсутствия горячей воды в душевых, ужасного – именно ужасного – состояния туалетов… и т. п. было очень много. Люди говорили об этом. И, как ни странно, это не нравилось руководству. Работников предупреждали: вы лучше занимайтесь своими делами и меньше говорите. На этой почве возникали конфликты. Иногда дело доходило до общезаводских собраний – это был особый метод избавления от неугодных людей, минуя существующее трудовое законодательство.

Совершенно случайно получилось так, что одно из таких собраний было объявлено, но оно так и не состоялось. Этому помешал пожар – самый страшный пожар за всю вековую историю завода. В два часа ночи – оставалось всего восемь часов до начала этого так и не состоявшегося собрания – на самом крупном объекте завода, на установке ЭЛОУ АВТ, начался пожар. В тот момент установка работала на полную мощность. Все трубопроводы, емкости, теплообменники, холодильники, колонны были заполнены нефтью или нефтепродуктами. Как огромный кит легко и без особых усилий плавает в бескрайних водах океана, так и установка-громадина свистела, гудела, приятно пыхтела, но очень проворно и смело делала свое дело – работала.

И вдруг осечка – как будто торпеда, выпущенная из неизвестного корабля, как бы случайно насквозь поразила кита. Случилось что-то страшное и роковое – это был конец.

Крупный объект с территорией более двух гектаров за считаные минуты превратился в огромный факел и стал страшно пылать. Высота пламени на участках насосного помещения и ректификационных колонн временами достигала стометровой отметки. Это был настоящий ад. Но навряд ли в аду такое тоже бывает.

Вся территория завода и близлежащие жилые массивы города освещались огромным факелом, стало светло, как среди бела дня. И внутрицеховая дорога, по которой в ночные смены девушки ходили за пробами и все время боялись, что из этих темных углов кто-нибудь неожиданно выйдет и нападет на них, очень хорошо освещалась; так продолжалось до утра, пока горела установка.

Все пожарные части города Баку по тревоге были подняты на ноги. Но такой огонь невозможно потушить. Поэтому все усилия пожарников были направлены на то, чтобы локализовать огонь, не дать ему возможности распространиться на другие объекты. Наблюдая за борьбой людей со стихийным бедствием, каждый раз убеждаешься: как бы ни кичился человек своими научно-техническими достижениями, все равно он очень слаб и совершенно бессилен против слепой мощи природы. Это всегда так было, так и будет.

Как огненная лава извергается из кратера вулкана, так и пламя пожара извергалось со страшной силой; оно свирепствовало, яростно билось, как попавшийся в западню сильный, опытный и очень хитрый хищник, искусно маневрировало, неустанно искало слабое место в цепком окружении, хотело во что бы то ни стало обмануть, обойти людей, вырваться на свободу, захватить как можно больше территорий, сожрать, уничтожить, стереть с лица земли все то, что создано человеком.

К шести часам утра на установке ЭЛОУ АВТ сгорело все, что было способно гореть. Остались лишь сильно почерневшие каменные стены, бетонные блоки, деформировавшиеся от высокой температуры и годные только на металлолом огромные металлические корпуса.

Все же пожарным удалось локализовать огонь – сгорела только ЭЛОУ АВТ. Но все равно заводу был нанесен огромный ущерб – он, можно сказать, наполовину сгорел. Это не означало полтерритории завода или половину всех технологических установок. Территория завода была огромной – несколько сот гектаров. Установок тоже было много – около пятидесяти, а сгорела всего одна. Но это был особый объект – очень значительный и дорогостоящий; его строили зарубежные специалисты.

Это была очень мощная, современная установка, в ее строительство было вложено очень много сил и средств. Не проработав даже одного года, новейшая установка сгорела полностью.

* * *

Девушек я сопровождал до установок. Но после этой ночи их не видел, потому что скоро ушел в отпуск, а вернувшись из отпуска, перевелся на другую работу и покинул цех. Иногда – очень редко и совершенно случайно – встречал кого-то из работников цеха. Один раз же таким редким и случайным человеком оказалась лаборантка цеха. Она была очень миловидна. Эта миловидная девушка мне передала новости цеха и сказала, что несколько человек, в том числе Биргюль и Таня, ушли с завода.

Однажды, через три года после моего ухода из цеха, я стоял на автобусной остановке. Вдруг заметил, что одна молодая женщина стоит возле газетного киоска, который находился рядом с остановкой, и смотрит в мою сторону; на ее лице играла улыбка, как будто солнечные лучи, отражаясь от поверхности воды, попадали на какой-то вертикально стоящий предмет и там весело сверкали. Я уже по опыту знаю, что так смотрит человек, который меня знает.

Интересно, кто это? Что-то знакомое было в ее облике. Но знакомые черты были как бы стерты со временем, и я не мог понять, кто это.

Автобус опаздывал. А я стоял на остановке и нервничал – это вечная проблема автотранспорта нашего города. Улучив момент, я опять посмотрел на женщину. Она стояла на том же месте и с улыбкой на лице смотрела в мою сторону. На этот раз я заметил, что она не одна – рядом с ней был молодой мужчина. Я нахмурился и подумал: надо прекратить эту игру. Отошел на пять-шесть шагов, слегка повернув голову, посмотрел вдоль дороги с надеждой увидеть долгожданный автобус. Любопытство взяло верх, исподтишка я опять оглянулся на женщину. В это время подъехал автобус, и я испытал озарение. Я вспомнил: это же Биргюль… Да, точно, это Биргюль. Но она сильно изменилась; иногда не очень-то красивая, порой даже непривлекательная девушка, выходя замуж, сильно меняется, преображаясь, превращается в прелестную даму. Биргюль тоже так изменилась, поэтому я сразу ее не узнал. А когда узнал, уже было поздно: не имея достаточно времени для размышления, я машинально зашел в салон автобуса. Когда автобус остановился на следующей остановке, я уже думал о другом: может быть, сойти, вернуться назад, подойти к Биргюль, поздороваться с ней, спросить, как ее дела, как живет и где работает? Потом надо сказать:

– А где твоя подруга Таня? Она же училась в АЗИ, как ее учеба? Где она работает? Потом скажи, пожалуйста, Биргюль, как же вы тогда умудрялись, не зная языка друг друга, общаться между собой? Это очень интересно, даже феноменально. Никто не поверит, но факт. Я не собираюсь кого-то уверять, что все это видел своими глазами; в этом нет никакой необходимости. Меня интересует другое: как вы добились этого? Может быть, есть какое-то неведомое нам другое средство человеческого общения, ну, скажем, праязык, и для того чтобы его знать, не нужно особых усилий и прилежания, надо быть только человеком – простым, обыкновенным человеком? Скажи, Биргюль, так ли это? Между прочим, я тоже кое-что особенное знаю и не собираюсь от кого-то скрывать это. Вы с Таней ушли с завода, а я – нет. Вот уже пять лет работаю там. За это время я многому научился и уже твердо знаю: если людям нужен свет, надо дать им свет, иначе все сгорит…

Я так думал и мысленно разговаривал с Биргюль. Но окончательно не решил: сойти с автобуса, вернуться к той остановке, где возле газетного киоска стояла она, или не сойти. Я бы очень хотел, но колебался, медлил, потому что это была сомнительная затея: найду ли я там Биргюль? Я долго думал. Тем временем автобус все больше и больше удалялся от того места, где я видел Биргюль.

Если бы я сразу ее узнал… А Биргюль молодец, она сразу же меня узнала и так смотрела, словно хотела сказать: «Ты меня не узнаешь? Как это? Не видишь, что это я – Биргюль. О чем ты думаешь? Ну перестань ты думать, посмотри на меня; я же Биргюль…»

Жаль, что я сразу ее не узнал. У меня часто так бывает: упускаю нужный момент, а потом всю жизнь сожалею об этом.

Отравленный кофе

В полдень к отелю «Шахдаг» райцентра Губа подъехал красивый автобус. Осень уже в разгаре, но везде в Азербайджане, даже в его северных районах, отличная погода: ясный и солнечный день. Автобус остановился, двери открылись. Пассажиры стали выходить; все они туристы, и, как ни странно, все они поэты и писатели. Это, конечно, редкое явление, но в тот период в этом ничего удивительного не было.

В самом конце сентября в Баку начался литературный фестиваль народов Евразии. А по регламенту третий день фестиваля был днем экскурсий. Участники – сто пятьдесят человек – разделились на три группы, и одна из них предпочла поездку в город Губа. Как только все сошли с автобуса, гид на английском и русском языках сказал, что сейчас у них кофе-брейк – это иностранное слово, и оно означает перерыв, во время которого люди отдыхают, пьют чай или кофе. Посмотрев на свои наручные часы, гид добавил, что через тридцать – сорок минут все туристы должны собраться здесь, отсюда они поедут на встречу с представителями района – любителями литературы.

Люди устали. В восемь часов утра они выехали из Баку. В половине одиннадцатого их автобус прибыл в Губу. Гости посетили мемориал памяти жертв геноцида. На это ушел ровно час. Теперь же время отдыха; в спокойной обстановке можно посидеть, поговорить, выпить чай или кофе.

В ресторане гостей встречали очень радушно. Часто звучали слова «Хош гялмисиниз!», «Добро пожаловать!», «Вэлкам!». Кофе-брейк был роскошным. Предлагали пить свежезаваренный чай, кофе, фруктовые соки, минеральные воды, даже родниковую воду. Можно было попробовать сладости азербайджанской национальной кухни: шекербуру, пахлаву, шекинскую халву, бадамбуру, губинскую пахлаву, шор гогал… И все это совершенно бесплатно и без каких-либо ограничений. Такой изумительный кофе-брейк туристы увидели впервые.

Вокруг одного из столов собрались четыре человека: Ричард Беренгартен – поэт, литературовед, профессор Кембриджского университета, человек всемирно известный, но удивительно простой; Сильви Мария – молодая, но уже известная поэтесса Бельгии; Мариже Лангелаар – тоже молодая и тоже известная поэтесса, но из Голландии; и Джамал Бенхайюн – известный в арабском мире поэт, литературовед, профессор из Марокко. Все они взяли по чашке кофе. Мужчины ограничились пахлавой и шекербурой, женщины же сладостей взяли больше.

Удобно расположившись, все они похвалили кофебрейк. Ничего не скажешь, здесь все прекрасно. Да вы посмотрите, какой ассортимент! А теперь давайте оценим, что за сладости у них. Опередив всех, веселая Сильви Мария откусила пахлаву. По лицу видно было, что ей очень понравилось. Так она и сказала: «Excellent!»

Сидящие за столом, за исключением Джамала, сразу же попробовали пахлаву, и все кивали, что означало их согласие с оценкой Сильви Марии. Джамал не принимал участия в дегустации сладостей; он взял кусок сахара, бросил в свою чашку и стал медленно размешивать ложкой. Между тем Сильви Мария уже попробовала шекер-буру и опять дала высокую оценку: «Excellent!» Вслед за ней шекербуру взяла Мариже Лангелаар, она тоже похвалила эту сладость. Беренгартен же решил доесть пахлаву, а потом взяться за шекербуру. Но ему не нравилась вялость Джамала, и он хотел его расшевелить:

– Вы так долго размешиваете… Ешьте сладости, они очень вкусные.

– Хорошо, – вежливо сказал тот.

Но Джамалу не до еды было. Он пригубил кофе. На его удивление, кофе оказался очень горьким. Джамалу стало очень неприятно. Он взял еще два куска сахара, тоже положил в свою чашку и стал размешивать ложкой. Потом опять пригубил. Но… увы! Ничего не изменилось,

даже дополнительные куски сахара не улучшили вкус кофе. Ему хотелось выплюнуть и прополоскать рот водой. Между тем все это отразилось на его лице: оно выражало боль и отвращение. Заметив это, Сильви Мария забеспокоилась и спросила:

– Что с вами? Вам плохо?

– Кофе очень горький, – с трудом сказал Джамал. – «Горький» не то слово, как будто это не кофе, а какая-то отрава.

На лице бельгийки появился страх, и ее волнение сразу же передалось голландской поэтессе. Та чуть не заплакала и с сожалением сказала:

– А это зачем?!

– Всем нам кофе налили из одного кофейника, – хладнокровно заметил Беренгартен. – Я, как всегда, в чашку положил один кусок сахара. Вот и пью, – сказав, он сделал глоток. – Он вовсе не горький, очень даже нормальный.

– Я тоже положила в свою чашку один кусок сахара, и мой кофе нормальный, – сказала Сильви Мария.

– А вы сколько сахара положили в свою чашку? – спросил Беренгартен, обращаясь к Джамалу.

– Сперва положил один кусок. Попробовал – горько. Потом еще два куска положил. Опять попробовал – опять горько. Очень горько.

– Я считаю, что проблема не в кофе, а в вас, – сказал Беренгартен. – Вы или заболели, или же в связи с переменой климата у вас началось какое-то недомогание. Насколько я помню, утром в Баку вы завтракали нормально, пили и чай, и кофе. Не так ли?

– Вы правы, – сказал Джамал. – Утром все было отлично.

– Давайте сделаем так: вы возьмите себе новую чашку кофе, возьмите побольше сахара и несколько ложек. Все это принесите сюда. А потом я скажу, что надо делать дальше, – предложил профессор из Кембриджа.

Джамал сделал то, что попросил Беренгартен: при всех в чашку бросил два куска сахара, чистой ложкой размешал. Беренгартен чистой ложкой взял кофе, попробовал и сказал:

– Это для меня сладко.

Потом из этой чашки пробу взяла Сильви Мария. Она сказала, что кофе очень хороший.

– А теперь попробуйте вы, – обращаясь к Джамалу, сказал Беренгартен. – Но, пожалуйста, только чистой ложкой; мы здесь проводим эксперимент, и, наверно, после вас еще кто-то захочет попробовать кофе из этой чашки.

И Джамал отпил кофе. Но при этом он так вздрогнул, словно в его рот попало что-то очень отвратительное и мерзкое. Ему показалось, что вся его внутренность сейчас вывернется наизнанку и содержимое выльется прямо на стол. Это испугало его, он быстро схватил салфетку со стола и ладонью правой руки закрыл себе рот.

«Кто-то отравился!» – эти слова молниеносно дошли до всех. Но, несмотря на очень высокую скорость, они все же успели значительно измениться, и люди уже стали говорить о другом:

– Кого-то отравили!

К столу, где сидел Джамал, прибежали гид и шефповар. За ними подоспел завресторaном. Люди были в тревоге и хотели знать, что случилось. Беренгартен на английском языке вкратце изложил, как было дело. Потом дал свое заключение: человек заболел, и, наверно, ему нельзя пить кофе.

– Вот его кофе, – сказал профессор. – Мы все пробовали из его чашки – кофе нормальный. И он пил из этой же чашки, но ему кажется, что кофе очень горький. Если хотите, можете попробовать. Все мы, в том числе и Джамал, пользовались чистой ложкой.

Шеф-повар, гид, а после них завресторaном попробовали кофе. И все они облегченно вздохнули: нет проблем, кофе отличный.

– А что же случилось тогда? – спросил один из туристов.

Беренгартен, как ученый человек, был уверен в правильности своего мнения и еще раз повторил:

– Человек заболел, и ему нельзя пить кофе.

– Вы правы, – сказал гид. – Но здесь есть одно «но». Если помните, когда я рассказывал о мемориале…

На мемориале гид рассказывал:

– В 1918 году вооруженные до зубов армянские бандформирования нападали на Губинский уезд Бакинской губернии – нынешний Губинский район Республики Азербайджан. Бандформированиями командовал армянский генерал Амазасп Срванцтян. А он не скрывал своего намерения, в его обращении к населению Губинского уезда говорилось: «Я пришел, чтобы уничтожить все население этого края – от берегов Каспия до вершин Шахдага». Так началось массовое истребление населения Губинского уезда; было убито шестнадцать тысяч человек, сто шестьдесят семь селений было стёрто с лица земли. В основном пострадали женщины, дети и старики. Но эта кровавая акция была не первой и не последней. Массовая резня мирного населения была осуществлена и в Баку, там в течение трех дней бандиты убили тринадцать тысяч человек. А в Шемахинском уезде от рук армян пало более восьми тысяч человек.

Амазасп Срванцтян был не один; в то время на территории Азербайджана было много армянских бандформирований и армянских генералов. Они уничтожали мирное население не только в Бакинской губернии, но и в Карабахе, Зенгазуре, Нахичевани, Иреване. Только в Нахичевани было убито семьдесят четыре тысячи человек. А из этого явствует, что Губинская трагедия была одним из многочисленных кровавых событий того времени. В результате погибло шестнадцать тысяч человек.

Шестнадцать тысяч трупов. Бандиты не хоронили их; им не до этого было. Их сотнями бросали в ямы и засыпали землей. Но далеко не всегда удавалось найти подходящие ямы. Тогда бандиты выкапывали глубокие колодцы и бросали трупы туда. В 2007 году при проведении строительных работ на правом берегу Гудиалчая, где мы сейчас стоим, строители обнаружили останки человеческого тела. Работа была приостановлена. Пригласили специалистов, и на этом месте начались раскопки. Нашли два колодца, в которых были погребены более четырехсот человек. В 2013 году на этом месте построили Мемориал памяти жертвам геноцида.

– А теперь мы зайдем во внутреннюю часть этого сооружения, – сказал гид.

Туристы направились ко входу саркофага, в котором из шестнадцати тысяч погибших были похоронены четыреста. Лестниц не было, люди спускались по наклонной дороге вниз. Это означает, что с помощью специального тоннеля посетители вошли в зону колодца – необычной могилы, где погребены сотни людей. В подземелье они увидели скелеты погибших, фотографии тех времен и свидетельские показания очевидцев, а также акты расследований специальных комиссий по горячим следам чудовищного преступления, отрывки правительственных нот и газетных статей тогдашнего времени, осуждающих злодеяние преступников.

Через час люди вышли из подземелья. Посещение мемориала завершилось, и туристы стали собираться у подножья лестницы. В это время к ним подошли корреспонденты средств массовой информации и начали задавать вопросы. Один из журналистов, молодой человек лет тридцати, подошел к Джамалу и на английском языке спросил:

– Вы откуда?

– Я из Марокко, – сказал Джамал.

– Вы уже посетили мемориал. Каковы ваши впечатления?

– Мои впечатления… – сказал Джамал и задумался. – Вы задаете очень трудный вопрос. Я сам поэт, но в данной ситуации не могу ответить на ваш вопрос. Потому что я потрясен, я в шоке. Чтобы выразить свои чувства, переживания, я должен трудиться день и ночь, написать сто книг. Не знаю, справлюсь ли с этой задачей. Задача непростая, но я обязан сделать это.

Задавая дополнительные вопросы гиду, я выяснил, что эта кровавая акция не была случайной – все это было заранее запланировано и продолжалось ровно сто лет. Началась она на заре XX столетия и завершилась только в конце века геноцидом в Ходжалах. Людей не только убивали, безбожно издевались над их трупами. Сжигали не только трупы, но и живых. Особенно жестоко обращались с детьми: их сжигали на кострах, как сжигают сухие дрова или солому… И, как ни странно, все это нашло свое отражение в армянской литературе. В рамках фестиваля на пленарных заседаниях мы, поэты и писатели всего мира, обсуждаем глобальные проблемы человечества и роль литературы в формировании человека будущего. Если в современном мире совершаются такие преступления, как можно говорить о формировании нормального человека? Если все это происходит на наших глазах, то и мы сами в какой-то мере являемся соучастниками. Мы живем в очень небольшом и хрупком мире. А человек своими злодеяниями отравил этот мир. Вокруг нас все отравлено, все ядовито – я хочу написать об этом.